ДЖОН КОЛ
G. D. H. COLE
A Short History of the British Working Class Movement 1789 — 1925

ИСТОРИЯ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В АНГЛИИ

1789 — 1925 гг.

ТОМ ВТОРОЙ
1848 — 1900 гг.

ПЕРЕВЕЛА С АНГЛИЙСКОГО Л. В. ЩЕГЛО
ПОД РЕДАКЦИЕЙ В. ЯРОЦКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГУБПРОФСОВЕТА
1927

ТИПОГРАФИЯ
О. К. О.
ЛЕНИНГРАДСКОГО
ГУБПРОФСОВЕТА
Красная, 24-а
Ленинградский Гублит
№ 43846.
Тираж 3.000. Зак. 726

Второй том работы Дж. Кола отличается теми же достоинствами и дефектами, которые нам пришлось отметить в нашем предисловии к первому тому. Доведенный в изложении истории английского рабочего движения до 1900 года, т.-е. охватывающий всю вторую половину XIX века, данный том продолжает ту же линию, какая намечена была в первом: мы здесь находим не одностороннюю историю профессионального движения, не историю кооперации, не историю политической борьбы английских рабочих, взятые изолированно, а, напротив, цельное изложение, попытку дать краткий очерк всего рабочего движения в целом.

В этом отношении Кол не только пионер чрезвычайно важного дела. Он не только устанавливает своим методом надлежащий подход к социологии рабочего класса, правильное изучение происхождения и развития которого мыслимо только при наличии подбора и обобщений всех по возможности фактов о происхождении и развитии тех «коалиций, организаций и движений», внутри которых, по слову Маркса, пролетариат «осуществляет свою классовую организацию». Кол, вместе с тем, на опыте своего труда, показывает, что правильная постановка вопроса вполне разрешима, что можно в небольшом по размерам труде дать необходимый для понимания истории рабочего класса материал...

Но, повторяем, второй том страдает теми же недостатками, какими страдал и первый. Кол ближе к марксистскому мировоззрению и более привык к марксистскому анализу, чем, пожалуй, любой другой автор, писавший по вопросам профессионального и рабочего движения в Англии. Его к этому приучила работа в Центральном рабочем колледже. Но марксизм Кола заключается скорей в том, что он совершенно правильно ищет об'яснение тех или иных из описываемых им фактов в экономике соответствующего

периода — не больше. Метод марксистского анализа не усвоен Колом. Он зачастую оказывается во власти отнюдь не марксистских схем, в особенности под влиянием антимарксистски мыслящих присяжных историков английского профессионального движения Веббов. В этом отношении особенно показательна последняя глава данного тома, посвященная общей сводке итогов всего второго периода, то-есть второй половины XIX века. Здесь он почти дословно повторяет схему и содержание известной брошюры Сиднея Вебба «Труд в самое длинное царствование», описывающей рост материального благополучия, укрепление профессионального движения и завоевание рабочим классом определенного положения перед лицом буржуазного законодательства, как почти непрерывный и беспрепятственный процесс. Для Вебба, конечно, оставалось еще тогда (по недостаточной ясности всего хода событий, в конце XIX века, когда им писалась эта брошюра) и остается, пожалуй, до сих пор (благодаря политическим взглядам этого типичного «мещанина от социализма») непонятным тот переход от промышленного капитализма к финансовому, который открыл после восьмидесятых годов новую эпоху и в истории классовой борьбы. Но Кол как автор, начавший свои исследовательские работы в период торжества английского империализма, не мог не понимать всего значения этого перехода для истории классовой борьбы в современной Англии. Вернее, он не мог бы не заметить этого значения, если бы обладал в достаточной степени острым скальпелем марксистского анализа. Он был бы в состоянии тогда отказаться от Веббовского трафарета, по которому вся вторая половина XIX столетия — это период неизменного поступательного движения, непрерывного роста материального благополучия и мощи рабочих, «входящих в систему государства», т.-е. становящихся общепризнанной силой буржуазного общества, как его неот'емлемая часть. Он нашел бы об'яснение гибели «рабочего либерализма» не в том, в чем он его ищет, — не в обывательском «разочаровании рабочих» (он так и пишет: «мы видели, что промышленный кризис обессилил английское профессиональное движение; политическая деятельность рабочих либералов все менее удовлетворяла рабочую массу; естественно, что в такой обстановке возникла мысль о создании новой партии рабочего класса, которая действовала бы независимо от других политических группировок»). Он от-

крыл бы причину этой гибели и появления на смену рабочему либерализму мало чем по программе и духу от него отличающейся рабочей партии, во-первых, в начальных изменениях самого положения рабочего класса в период перехода от промышленного капитализма к капитализму финансовому, а во-вторых — в борьбе старых и новых сил в самом рабочем классе, в противоречиях внутри самого рабочего класса и между его отдельными прослойками, порожденных всем предыдущим периодом. Последние 15 лет XIX века как раз и представляют собою период, когда данные причины начинают оказывать на английских рабочих чрезвычайно сильное воздействие...

Мы привели один весьма существенный пример того, насколько мало автор впитал в себя марксистский метод. Этот пример показывает, что Кол исходит совершенно правильно из экономики при об'яснении тех или иных фактов конкретной истории, но не пытается самостоятельно проанализировать причины, и он описывает их так точно, как описывают их авторы, не только чуждые, но и враждебные марксизму. Для Кола непререкаем авторитет общепринятых в английской «социалистической» литературе положений, и он их инстинктивно преподносит читателю без малейшей самостоятельной проработки.

И это понятно. Если Кол марксист, то марксист, прошедший предварительно школу Общества фабианцев, детища Веббов и Шоу, которые начали свою «социалистическую» деятельность с того, что начисто отвергли анализ капиталистического хозяйства, данный Марксом в «Капитале», и попытались подменить его «политической экономией рантье», учением школы предельной полезности Джевонса, математической школы Маршалля и др. буржуазных экономистов, пытавшихся найти аргументы против разрушительного для капитала и капиталистического господства учения Маркса о неоплаченном труде рабочего, о прибавочной стоимости. Чрезвычайно характерно для такой именно теоретической закваски Кола то, что он всерьез, без сомнений и обиняков называет, не больше и не меньше, как «доподлинной социалистической литературой»... фабианскую литературу, все эти многочисленные брошюры и памфлеты, с помощью которых Веббы и их ученики пытались доказать рабочим, что фабианские законопроекты, придумываемые добросовестными и добропорядочными членами этого скучнейшего общества благонамеренных «социалистов», ровно через 17 лет

становятся в Англии законом и постепенно перестроят всю страну на «социалистических началах».

Вряд ли, таким образом, читателю покажутся странными и неожиданными те основные дефекты, какие мы находим во втором томе: слабое освещение роли нарастающего влияния финансового капитала на положение рабочих — как материальное, так и правовое, — мягкость и недостаточность характеристики оппортунизма Независимой рабочей партии, которая даже от названия «социалистическая» отказалась потому, что ее программа «не вполне соответствовала» такому, кой-чему обязывающему, имени, расплывчатость характеристики различных течений в английском социализме и склонность всех их считать одинаково ценным достоянием рабочих и приписывать им одинаковую роль в развитии рабочего класса. Эта же причина заставляет Кола смягчать и характеристики деятелей движения, его вождей...

Задача редактора — не перерабатывать труд автора, а направить мысль читателя на ряд ошибок и предупредить его, чтобы он не слепо принимал на веру все то, что автор говорит. Частично это достигается рядом примечаний от редакции, восстанавливающих более правильную оценку того или иного конкретного факта. Настоящее же предисловие имеет целью дать читателю тот предупредительный сигнал, который должен заставить читателя путешествовать по страницам и второго тома с надлежащей осторожностью.

Мы, однако, не можем не отметить некоторых ошибок Кола (преимущественно в области освещения фактов или недостаточности этого освещения), которые было трудно, не перерабатывая текста, отметить в примечаниях.

Сюда относится прежде всего об'яснение Колом причин гибели тех производственных ассоциаций, которые строились рабочими Англии в начале второй половины XIX века. Кол это об'яснение дает в таком точно духе, как и Бенджамен Джонс, и Голиок (главные историки английской кооперации и горячие сторонники производительных ассоциаций), т.-е. ссылается на финансовую их слабость, на неустойчивость их и т. д. Самое главное, однако, что стояло на пути производительных ассоциаций, заключалось, конечно, не в этом, а в том, что капитализм, против которого выдвигались, в качестве основного средства, производительные ассоциации, представлял собою в середине XIX века не отсталую, а передовую форму организации народного хозяйства. Его творческая роль не была еще изжита. Напротив, при восходящей

линии его развития никакие новые формы организации хозяйства не могли рассчитывать на малейший даже успех. Кроме того, чистейшей утопией, конечно, являлась мысль, заложенная в основу строительства производственных ассоциаций, о которых рассказывает Кол, мысль о возможности замещения капиталистического способа производства иным — без предварительного захвата власти рабочим классом. Обо всем этом Кол, однако, ничего не говорит в своем втором томе, и получается впечатление, что, собери христианские социалисты средства покрупнее, прояви организаторы ассоциаций больше коммерческой смекалки — и вопрос был бы исчерпан: производственные ассоциации заменили бы собой капиталистические предприятия. У читателя, поэтому, создается ложный взгляд на самую природу хозяйства будущего: не переход организованных капитализмом средств производства в руки рабочего класса и на основе этого наследия создание пролетариатом новой техники, а вытеснение капитализма новым способом производства и новой техникой уже в рамках капиталистического общества, с его священным правом собственности, буржуазной диктатурой и т. п.

Вторая крупная ошибка Кола вытекает из того же подчинения его традиционным взглядам мелкобуржуазных историков кооперации, в частности — непосредственное влияние на позиции Кола взглядов и выводов Беатрисы Поттер-Вебб («Кооперативное движение в Великобритании»). Выискивая аргументы против марксистской политической экономии с ее теорией прибавочной стоимости, стараясь противопоставить этой теории «потребительскую точку зрения» «школы предельной полезности», Веббы обратили внимание на так наз. «рочдельские принципы», заключавшиеся просто на просто в продаже товаров потребителям по рыночной стоимости и возвращении им же, пропорционально сделанным закупкам, излишка между действительной себестоимостью и продажной ценой в виде «дивиденда на покупку». Здесь, видите ли, Веббы нашли некую новую систему, противопоставляющую точку зрения «производителя», который-де стремится «продать дороже и купить дешевле», точке зрения «потребителя», который не стремится к накоплению прибыли... Кол подпадает всецело под влияние этой нарочито против марксизма направленной интерпретации «сущности потребительской кооперации» и противопоставляет, по примеру Веббов, производительные ассоциации «рочдельской коопера-

ции». Он совершенно не замечает, что такое противопоставление им же самим опровергается, когда он сетует (не об'ясняя и не имея возможности об'яснить при таком противопоставлении) на воцарившийся в кооперации Англии второй половины XIX века торгашеский дух... Ведь такое противопоставление имело бы смысл только в том случае, если бы было верно, что рочдельская кооперация в Англии этого времени не превращается в частицу капиталистической системы распределения в такой же мере, в какой производительные ассоциации превращались в частицу капиталистической системы производства. На деле же получалось (и не могло не получаться, по самой природе кооперации, развивающейся в рамках капитализма), что и рочдельская кооперация и все ее остальные формы, складывавшиеся в течение второй половины XIX столетия, лишь постольку развивались успешно, поскольку они усваивали методы крепнущего капитализма и становились неот'емлемой частицей капиталистического хозяйства. Сам Кол отмечает, что «повседневные торговые приемы кооперации очень подходили к преобладавшей в эпоху королевы Виктории философии сбережений и самопомощи». Но, оказавшись в липких путах «философии» Веббов, Кол бессилен сделать отсюда вывод об идеологическом перерождении рочдельства из утопии, из мечтаний о вытеснении рочдельской копейкой дивиденда на покупку всей капиталистической системы — в частицу капиталистической системы распределения...

Беспомощен Кол и тогда, когда он пытается об'яснить такие явления, какие он в качестве историка вынужден отметить — именно 1) превращение кооперации в Англии из формы обслуживания рабочего бюджета в самостоятельное движение и 2) отсутствие в Англии социалистического движения в период, когда с гибелью I Интернационала на европейском континенте повсюду развивается массовое социалистическое движение. Он лишь констатирует, что так именно обстояло дело, но не дает этому явлению никакого об'яснения. Если бы он, однако, вдумался в ряд других фактов, которые он же сам приводит (развитие так наз. «строительных обществ», которые постройкой жилищ не занимались, а помогали рабочим на их сбережения купить построенный частным капиталистом домик, укрепление кооперации и т. д.), то для него стало бы несравненно более ясным то, что позволяет понять и отмеченные выше явления — отсут-

ствие в Англии социалистического движения, превращение кооперации в самостоятельную форму рабочего движения... Ведь, напр., указанные строительные товарищества представляли собою не что иное, как способ приковать рабочих к крепнущему капитализму, сделать их в той или иной, преимущественно незначительной, мере участниками «дележа» капиталистической добычи, получавшейся от успехов английского капитала на внешних рынках... Кол же чувствует, что «силы», двигавшие рабочих на организацию строительных товариществ и других кооперативов, были «мощными», но каковы были эти силы и в чью пользу они работали, он не расшифровывает и даже, учитывая отмеченные выше ошибки, не понимает. Он не видит, что эти силы были враждебны классовой борьбе пролетариата и стремились с помощью такого рода начинаний отвлечь рабочих от классовой борьбы, затушевать сущность классового общества... Вот эта же тонкая политика косвенного, плохо поддающегося сознанию рабочих подкупа их капитализмом — ведь строят кооперативы, союзы и т. п. сами рабочие — в значительной мере об'ясняет и то парадоксальное явление, что в стране наиболее развернувшегося капитализма не оказывается места социалистическому движению, тогда как в более отсталых странах социалистическое движение в восьмидесятые и семидесятые годы быстро завоевывает массы. И в эпоху I Интернационала и непосредственно после его гибели английский рабочий оказывается — незаметно для него самого — подкупленным материальными благами, которые ему несет рост и укрепление отечественного капитализма. В последний год XIX столетия он в шовинистическом порыве, внушенном ему с барабанным боем и при звуках песенок Киплинга о преимуществах англичан и их миссии в цветных странах, сжигает на своих митингах чучело из соломы, долженствующее изображать президента бурской республики Трансвааль, с которой Англия в это время ведет свою колониальную войну. И это он проделывает еще тогда, когда Англия уже перешла от эпохи промышленного капитализма к эпохе капитализма финансового, когда уже начался процесс загнивания капиталистического режима. Настолько сильной оказывается полученная на протяжении второй половины XIX века закваска, настолько еще крепка привязанность английского рабочего к английскому капитализму, воспитанная в нем политикой тонкого, умного подкупа!..

Мы видим, таким образом, что дефекты второго тома работы Кола не менее значительны, чем отмеченные нами в первом томе. В некоторых отношениях и по некоторым вопросам они даже значительнее. Но все они вытекают из того, что автор является воспитанником не только марксистской школы Центрального рабочего колледжа, в котором он долгое время преподавал, но и школы Общества фабианцев, школы Веббов, этой мелко-буржуазной реакции против марксизма, прикрывшейся именем социализма.

Но, как ни велики отдельные дефекты книги Кола, мы должны признать ее большую ценность. В некоторых вопросах Кол даже настолько освобождается от влияния Веббов, что он правильнее этих последних трактует целый ряд явлений рабочего движения второй половины XIX века. Веббы, напр., в своей «Истории тред-юнионизма» оказались основоположниками одной большой ереси. Там они называют Амальгамированное общество механиков «образцом» нового тред-юнионизма 50—70 годов. Этим названием и особо любовным вниманием к детищу Вилльяма Ньютона и Вилльяма Аллена они содействовали созданию убеждения, что в Англии даже в организационном отношении тип тред-юнионов складывался по образцу Амальгамированного общества механиков. Правда, у них же мы находим изображение и союзов, значительно отличавшихся даже в те годы от «нового образца» профессионального союза. Но все их славословия направлены по адресу именно Амальгамированного общества механиков. Кол же восстанавливает подлинную пропорцию. Он правильнее Веббов изображает положение, подчеркивая, что развитие профессионального движения в Англии шло не одним, а несколькими путями и что в результате этого развития английский тред-юнион не выковался в нечто, полностью воспроизводящее черты Амальгамированного общества механиков... В этом бесспорная заслуга работы Кола. Но еще более важно, конечно, то, что мы уже отмечали в нашем предисловии к первому тому. Кол впервые попытался дать сравнительно небольшую работу, на страницах которой мы находим то «внутреннее единство движения, какое помогает нам уяснить себе формы конституирования рабочей массы Англии в класс». В этом и заключается оправдание перевода трехтомной работы Кола на русский язык, на котором есть уже ряд ценных монографий и исследований, но нет единой книги, об'единяющей весь материал по истории английского рабочего класса.

В. Яроцкий.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Я предполагал закончить мой обзор истории рабочего движения в Англии настоящим вторым томом. Но как только я стал приводить в порядок собранный мною материал, то убедился, что это возможно сделать только в том случае, если увеличить размеры второго тома почти вдвое против первого. Кроме того, к концу столетия в истории рабочего движения наступил естественный перелом. Период царствования королевы Виктории представляет собою как бы завершенную главу его, которую следует рассматривать как нечто целое. Поэтому я решил остановиться около 1900 г. и уложить исследование в три тома.

В первом томе я старался дать связный отчет о ходе рабочего движения как ряда последовательных вспышек бунта рабочего класса против новых экономических и социальных условий, созданных промышленной революцией. Точно также здесь я стараюсь нарисовать картину нового рабочего движения, которое, начиная с 1850 г., отличалось уклоном к экономизму и пыталось достигнуть наилучших условий жизни для рабочих в рамках нового общественно-экономического строя. Долгое время это было уклоном не только к экономизму, но и к тому индивидуалистическому капитализму, который вначале являлся выражением нового промышленного строя. Позже рабочее движение примкнуло к социализму, который, будучи враждебен капитализму, в то же время считал экономику основой общественной организации.

В первом томе мне пришлось подчеркнуть единство всего рабочего класса в его ранних попытках профессиональной организации и кооперативного движения и в требованиях радикальной политической реформы. Здесь же, разбирая эпоху королевы Виктории, я должен, наоборот, подчеркнуть распадение рабочего движения на ряд обособленных течений.

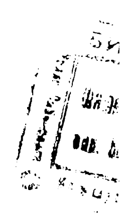
Кооперация и профессиональное движение разошлись. Самостоятельная политическая деятельность рабочего класса

на время совсем заглохла. Различные течения в рабочем движении, преследовавшие строго ограниченные цели, редко нуждались в об'единенных действиях или в проведении общей политики. Но когда «золотой век» капитализма эпохи королевы Виктории миновал и уступил место новой эпохе империализма и интернациональной экономической конкуренции, цель и характер рабочего движения, как мы увидим, постепенно видоизменились. Вместе с сознанием общности интересов всего рабочего класса в борьбе с капитализмом возродилась и идея об'единенной организации.

Как и в предыдущем томе, я задался целью дать только общий обзор рабочего движения и исключил все выноски и ссылки на источники.

Оксфорд, 1926 г.

Дж. КОЛ.

ГЛАВА I.

ВВЕДЕНИЕ.

1. Вторая фаза рабочего движения.

Первый том этого исследования доводит историю английского рабочего движения до 1848 года. К этому году относится неудачное выступление чартистов, которое привело к их разгрому и отметило определенный этап развития рабочего движения. «Год революций» в Европе отразился в Англии только слабой и вялой демонстрацией на Кеннингтонской лужайке [1]), и это было чрезвычайно показательным. До этого момента история английских рабочих является историей последовательных волн возмущения против нарождающегося капиталистического строя. Но одна волна за другой разбивались о неуклонно растущую мощь нового класса предпринимателей. «Общества переписки» откликались на волнующие призывы французской революции. Лэддиты разбивали новые, ненавистные им машины и были разбиты в свой черед. Рабочие-радикалы требовали всеобщего избирательного права для мужчин, угрожая в противном случае революцией, и им пришлось отойти в сторону под влиянием Акта о реформе, который укрепил власть их хозяев. Великий «Союз производств» под окрашенным утопизмом руководством Оуэна делал тщетные попытки пробить дорогу к коммунистическому обществу. И, наконец, чартисты, воскресив для движения, рожденного экономическими бедствиями, старый лозунг «всеобщего избирательного права для мужчин», были оттеснены пропагандой лиги борьбы против хлебных законов и низведены до положения беспомощной секты, расходящейся с новым духом времени.

Бунт ничего не дал. Тщетно рабочие сопротивлялись натиску нового порядка, который укреплялся непрестанно и

---

[1]) Кеннингтон—район в южном Лондоне. Прим. ред.

быстро. Снова и снова рабочие пытались организовать свое собственное движение и подчинить страну своей воле. Их неудача об'ясняется двумя причинами, каждая из которых достаточно серьезна сама по себе. Прежде всего — они и сами не знали, чего они хотели; и уж во всяком случае они не представляли себе, каким путем они могли бы заполучить то, чего им нехватало. Их выступления являлись, в большинстве случаев, скорее реакцией на голод и отчаяние, чем осознанными стремлениями к экономическому переустройству. Перед немногими вождями, вроде Оуэна, вставали видения социалистического будущего. Реалисты вроде Плэйса задолго до наступления подходящих условий пытались насадить реформизм и союз рабочих с либералами. Но даже вожди не имели, подобно О'Коннору, своей политики, либо, подобно Коббету, жаждали возврата к тому прошлому, которое еще не знало о чудовище-паре, ненасытно требовавшем все новых и новых человеческих жертв.

Обнищавшая масса слепо шла за своими вождями. Несчастные рабы новой индустрии улавливали проблеск надежды на лучшее будущее в проповедях Оуэна; но гораздо больше их волновали призывы Коббета или даже О'Коннора. Их призывали назад к той земле, с которой они были согнаны. Беспомощные в тисках нового промышленного капитализма, который они ненавидели еще и потому, что не понимали его, они были готовы присоединиться к любому движению, лишь бы это было движением против существующего строя. Но неудачи мало-по-малу утомили их. На смену им пришло поколение, уже рожденное среди копоти, шума и грязи новых фабричных городов. Этому поколению работа на фабрике по найму и положение пролетария рисовались предписанной свыше долей. Тяга к земле становилась слабее. Слух рабочих уже притупился от лязга и пыхтения машин. Рабочие даже слишком привыкли воспринимать новый порядок как неизбежность и пытаться приспособиться к нему.

В самом деле, рабочему классу начала XIX века не удавалось выработать такую созидательную политику, которая в то же время была бы практически осуществимой. Они были слишком слабы для этого. Машинное производство все более и более освобождалось от потребности в старом мастерстве и делало возможным пользоваться для наблюдения за машинами женским и детским трудом, что снижало заработную плату мужчин. Дешевизна товаров, вызванная машинным

производством, делала в то же время невозможным возврат к прошлому. А при новом строе матери и дети поневоле должны были итти в борьбе за жизнь против отцов, и тем самым уровень благосостояния рабочих еще более понижался. Коббет и О'Коннор, несмотря на свой радикализм, были фактически реакционерами. А Оуэн, который усматривал верное средство в общественном контроле над новыми хозяйственными силами, был поневоле утопистом, потому что звал рабочих на разрешение задачи, далеко превосходившей их силы.

Вторая причина заключалась в другой стороне той же медали. Там, где рабочие были слабы, капитализм оказывался слишком сильным. Правда, не в начале столетия полностью установился новый порядок, но он все время накапливал силы. Его лидеры были всецело проникнуты сознанием своего могущества. Машины, господствовавшие над рабочими, были слугами капиталистов, и сознание мощи и достижений, какое порождалось в их головах машиной, давало им непоколебимую уверенность и смелость. Они верили в свою миссию, и богатство, которое изливалось на них, казалось им символом их торжества. Они заставляли выращивать десять кип хлопка там, где раньше росла только одна. Моря под их влиянием покрылись кораблями, земли — железными дорогами, фабриками, рудниками, конторами, вещественными доказательствами нового изобилия. Капиталистов не смущало, что это богатство создавалось ценою беспрерывного труда рабочих — мужчин, женщин и детей, что эти рабочие получали за свой труд гроши и жили в ужасающей нищете, что новые фабричные города представляли собой отвратительные вонючие трущобы — рассадники заразы и разврата. Дайте им свободу действий, и народ получит все, о чем мечтает. Слепым безумием и легкомысленной помехой рисовалось им восстание рабочих против нищеты. Они требовали, чтобы трудящихся, в их собственных интересах, силой удерживали от образования коалиций и от самостоятельных политических выступлений. Поток производства мог бы шириться только в том случае, если бы в промышленность свободно притекали капиталы. Склонность к бережливости считалась главной добродетелью. Рост заработной платы осушал бы источники сбережений и препятствовал бы накоплению богатства. Надо сокращать потребление для того, чтобы производство могло увеличиваться беспредельно.

Теперь эта теория поражает нас своей нелепостью, но большинство капиталистов раннего периода не видели этого. Рынки всего мира были открыты для них, дешевизна их товаров уничтожала возможность какой бы то ни было конкуренции извне. Но, жестоко конкурируя друг с другом, они были вынуждены еще более снижать цены на свои товары. Казалось, что малейшая прибавка к заработной плате или небольшое сокращение рабочего дня являются угрозой разорения каждому отдельному предпринимателю. Дешевизна была их девизом, ключом к дешевизне была конкуренция. Поэтому-то они стремились как можно больше сократить издержки производства. Рабочие, в их собственных интересах, должны работать как можно дольше и за ничтожную плату для того, чтобы удешевить товары, необходимые для их же собственного потребления. Неудивительно, что, создав такую теорию и опираясь на свои достижения, капиталисты были непреклонны в проведении той политики, которая соответствовала их интересам. Неудивительно, что они были нечувствительны к страданиям бедняка. Взгляды их были устремлены в будущее, они видели наступление золотого века капитализма и думали, что знают, как достигнуть этого собственными силами. Они безжалостно расправлялись со всякой оппозицией. Акт о реформе дал им политическую власть и, начиная с 1832 г., они искусно пользовались ею.

Итак, движение рабочего класса в ранний период кончалось неудачей потому, что движение это было слишком слабо, и потому, что растущая сила капитализма была слишком значительна. Но, даже если борьба первоначальных моментов казалась ненужной и бесплодной, рабочие все же не имели иного выбора. Их попытки организовать профессиональные союзы для коллективных переговоров с предпринимателями встретились с непреодолимой враждебностью последних. Предприниматели не признавали за рабочими никаких прав на переговоры. Даже после отмены законов о сообществах законы о заговорах и о господах и слугах держали их непрестанно под угрозой судебных репрессий. Они попытались об'единиться с мелко-буржуазными радикалами. Общими силами они добились реформы 1832 г., но эта реформа попрежнему оставила их без избирательных прав, а всю политическую власть закрепила за их хозяевами. В борьбе за фабричную реформу они столкнулись с еще более непримиримой оппозицией тех самых радикалов, под руководством которых они шли раньше. Все пути эволюционного развития,

казалось, были для них закрыты. Им ничего не оставалось, как только силой пробиваться к цели. Это, по крайней мере, поддерживало в их сердцах тлеющую надежду.

Незадолго до середины столетия положение стало медленно изменяться. Первым признаком этого была агитация Лиги борьбы против хлебных законов. Она неуклонно отвлекала рабочих от чартизма к требованию практически выполнимых реформ. В этом вопросе, наконец, интересы рабочих и предпринимателей, казалось, совпадали. Рабочие, угнетенные низкой заработной платой, нуждались в дешевых продуктах питания, особенно в твердой цене на хлеб, которая прекратила бы сильное колебание в уровне условий существования. А предприниматели добивались свободной торговли, во-первых, потому, что это дало бы им возможность не повышать заработной платы, а во-вторых, потому, что для заграничного покупателя хлеб был самым удобным продуктом, на который он мог бы приобрести британские экспортные товары. Аграрии, противники капитализма, вроде Бронтера О'Брайена назвали Лигу заговором для снижения заработной платы; но дешевый хлеб был соблазнительным лозунгом. Лига борьбы против хлебных законов успешно организовала, под руководством мелкой буржуазии, главную массу рабочих. Чартизм потерял влияние на последних, а в 1846 году Пиль сдался, и это подорвало консервативную партию. Лига расчистила дорогу к новой политике рабочего класса. Эта политика заключалась в том, что рабочие стали удовлетворяться крохами, которые падали с барского стола.

Конечно, ставка капиталистов в агитации за свободную торговлю была гораздо больше, чем простая отмена хлебных законов. Они не в меньшей степени стремились к ввозу сырья для промышленности, беспрепятственной перевозке товаров за моря и окончательному устранению всех препятствий для развития и организации торговли. Отмена Навигационных актов в 1849 и 1854 г.г., уничтожение ввозных пошлин в 1853 и 1860 г.г., свободное развитие капиталистических предприятий по законам о компаниях 1855 и 1862 г.г. — все это было логическим последствием отмены хлебных законов в 1846 г. Но предпринимателям было удобно облекать свою агитацию в форму борьбы против хлебных законов. Только при такой постановке вопроса им была обеспечена поддержка рабочих и они могли создать большое народное движение. Отмена хлебных законов знаменовала совершеннолетие капитализма, и в числе подарков по этому торжествен-

ному случаю капитализм получил шпагу сдавшегося на милость рабочего движения.

Это совершеннолетие сказалось также и в изменении характера самого капитализма. Капитализм уже пережил период буйного разгула; к сороковым годам он уже начинал всерьез приступать к управлению своим наследством. В первые годы капитализма даже самый удачливый предприниматель часто испытывал большие денежные затруднения. Чтоб расширить дела, установить новые машины, нужен был постоянный приток свежего капитала. Но откуда было взяться этому капиталу, если только не путем накопления капиталистом за счет рабочих прибылей со своего собственного предприятия? Широкие круги общества еще не были готовы путем вкладов принять участие в его предприятии. Правда, газовые заводы и другие предприятия общественного пользования, а позднее железные дороги давали буржуазии и аристократии уроки по организации акционерных обществ. Но, собственно, в промышленности акционерный капитал еще не привился. Принцип ограниченной ответственности, на котором основывалось все его последующее поразительное развитие, тогда еще не был признан законом. При этих условиях «воздержание» рабочих и капиталистов представлялось долгом, наложенным свыше, ибо дело могло развиваться только в том случае, если в него возвращалась каждая сбереженная копейка.

Но еще до середины столетия положение изменилось. Буржуазия быстро росла; число торговцев и лиц свободных профессий возрастало чрезвычайно быстро. Землевладельцы все еще надменно относились к «третьему сословию», но тем не менее любезно поместили свои капиталы в промышленные предприятия. Их соблазнила перспектива участия в высоких прибылях, которые приносил промышленный капитал. Доставать деньги для дальнейшего развития промышленности стало легче. Крупные предприниматели быстро обзавелись собственными поместьями и превратились в благородных землевладельцев. По их стопам пошли и более мелкие промышленники. Скоро все капиталисты обзавелись комфортабельными домами, шикарными выездами — словом, тип «благородного джентельмена» эпохи королевы Виктории нашел свое завершение.

Теперь уже не нужно было столь резко обрушиваться на рабочих за всякую их попытку улучшить свое положение. Пилю удалось провести свой фабричный закон в 1844 году.

Законопроект о десятичасовом рабочем дне был принят в 1847 г. Примеры непосильной работы женщин и детей на текстильных фабриках отошли в прошлое. Заработная плата стала медленно повышаться, и оппозиция предпринимателей постепенно уменьшалась. Предприниматели не только не разорились от этих послаблений.рабочим, но даже стали богатеть еще быстрее; торговля и промышленность развивались гигантскими шагами, а прибыли, которые они приносили, выросли до невиданных дотоле размеров.

Таким образом, обе стороны получили серьезные основания для изменения своей политики и тактики. Предприниматели могли несколько облегчить гнет эксплоатации труда и не так решительно расправляться с попытками рабочих к об'единению. Рабочие же, которым до тех пор казалось, что капитализм не может дать им ничего, кроме беспросветной нищеты, стали улавливать в будущем проблески надежды. Им давно твердили, что если бы они шли рука об руку с капитализмом, вместо того, чтобы противодействовать и бороться с ним, они тоже имели бы свою долю в наживе предпринимателей. Они, в конце концов, поверили этому; вместо того, чтобы бороться с капитализмом, они стали признавать его, как совершившийся факт и, по возможности, приспосабливаться к нему. О перемене в настроениях свидетельствовали и новое кооперативное движение 1844 года, и новые профессиональные союзы 1850 года, и возникавшие массами новые общества взаимопомощи. Все эти начинания признавались и поощрялись Актами 1846 и 1855 г.г. и представляли собой попытку работать в рамках нового капиталистического строя и рука об руку с ним, вместо того, чтобы добиваться его уничтожения. Рабочие поддались на удочку, капиталистам оставалось только умерять их пыл.

Конечно, все эти перемены не пришли сразу. Радикалы, вроде Брайта и Кобдена, которые успешно привели об'единенное движение рабочих и буржуазии к победе в борьбе за свободу торговли, не видели необходимости фабричной реформы. Они были в области экономических отношений против профессиональных союзов, но в то же время стремились закрепить за собой их поддержку в политике. Когда квалифицированные рабочие, начиная с 1850 года, стали организовывать устойчивые профессиональные союзы на основе умеренной и примирительной программы, предприниматели в массе все еще не хотели признавать их и не видели

надобности в коллективных переговорах. Старый дух выдыхался с трудом; но он несомненно выдыхался. Представление об общности интересов предпринимателей и рабочих медленно завоевывало свое признание.

Как мы увидим дальше, это еще не означало, что рабочие отказались от права стачек или от права ведения от своего имени самостоятельной промышленной и политической агитации. Но агитационные кампании 50-х, 60-х или 70-х годов были непохожи на рабочие движения более раннего периода. За единственным исключением «Первого Интернационала», все они имели в виду проведение той или иной ограниченной реформы по специальным вопросам; они не опирались на общую программу или на политику, враждебную капиталистическому строю. В течение этих десятилетий рабочие сражались в целом ряде упорных битв, они создавали новые большие движения, на прочном фундаменте коллективной лойяльности. Но они не создали никакой новой философии или новой системы общественной мысли. Лидеры этих движений не были идеологами капитализма, но они принимали его безусловно и не стремились в своей политике выйти за его пределы.

Эти обстоятельства чрезвычайно затрудняют изложение второй стадии рабочего движения по сравнению с первой стадией его, которая была описана в первом томе настоящего исследования. Ранние движения рабочих были цельными сами по себе. Каждое из них представляло законченный и самостоятельный этап в развитии политики и взглядов рабочего класса. Позднейшие движения никак не могут быть названы цельными. Они носили как бы характер придатка к тому общественному строю, в рамках которого они развивались. Они были изнанкой ткани, на лицевой стороне которой был выткан узор капитализма. Они имели смысл и значение только в той стадии, в которой находилось тогда развитие капиталистического строя. А далее мы увидим, что эти движения изменили свою форму и окраску тотчас же, как только капитализм, под давлением новой стадии экономического развития, перестроился по новому империалистическому образцу.

Однако, пока мы будем иметь дело только с тем золотым веком капитализма, который начался в средине девятнадцатого столетия и продолжался до конца 70-х годов. Это был период торжества свободы торговли, быстрого разрастания рынков на родине и за границей, период национального

процветания и благополучия, которое казалось безграничным и неисчерпаемым. Это был век королевы Виктории; он символически отразился в комфортабельном буржуазном доме, с благопристойной безвкусной меблировкой красного дерева, с переполненными гостиными, где читались сентиментальные баллады, с портвейном и чаем. Эти продукты цивилизации основывались на гордой уверенности буржуазии, сознававшей себя созидательницей всех этих благ и проникнутой непоколебимым представлением о своей исключительной добродетели.

В это время, впервые после своего краха в эпоху промышленной революции, достиг благополучия и квалифицированный рабочий-мастеровой. Дом предпринимателя был разукрашен красным деревом и плюшем. Квалифицированный рабочий подражал ему в своей крошечной гостиной— символ, чересчур священный, чтобы он смог стать общим достоянием. Предприниматель имел свои сбережения и вклады в банках; квалифицированный рабочий тоже помещал свои фунты в кооперативе или в сберегательной кассе (penny book) и приобретал долю в фондах общества взаимопомощи или профессионального союза, где он состоял членом. В своих добродетелях он в меньшем масштабе повторял предпринимателя; он также чувствовал себя самостоятельным человеком и разделял общее самодовольство, присущее духу времени. Он, как и капиталисты, надеялся, что с каждым днем он и его страна будут все богатеть и богатеть.

Однако, он был далеко не богат. Он едва-едва поднимался над уровнем самой неприглядной бедности. А ниже его стояла еще масса неквалифицированных и неорганизованных рабочих, которые были слишком бедны, чтоб поднять голову. У квалифицированных рабочих было еще слишком много забот о своем собственном благополучии, чтобы обращать внимание на нищету, копошащуюся под их ногами. Им представлялась возможность подняться над общим уровнем. Но для этого требовалось крайнее напряжение. Малейшее упущение — и они снова могли быть отброшены назад. К их лишениям прибавилось унижение от неудачи. Прежде квалифицированные рабочие, страдавшие от эксплоатации, наравне со всеми, становились в борьбе за улучшение условий жизни во главе всего рабочего класса. Теперь же они были поглощены, главным образом, своими узкими цеховыми интересами. Они твердо

помнили, что своя рубашка ближе к телу; у них не было ни времени, ни средств, чтоб интересоваться другими. Их профессиональные союзы, их товарищеские общества, даже их кооперативное движение, которое имело большой успех, были закрыты для беднейших слоев рабочих. Членские взносы в профессиональные союзы были слишком высоки, участие в обществах взаимопомощи требовало сбережений, которые были недоступны для менее квалифицированных рабочих; кооперативная лавка требовала уплаты наличными, в то время как большинство рабочих могло жить только в кредит или умирать с голоду.

Ограниченность целей, которые поставило перед собой новое рабочее движение, было причиной того, что оно вовсе не стремилось к об'единению своих сил и к преследованию общей политики. В первый период промышленной революции рабочих об'единяло общее им всем угнетение, но в эпоху королевы Виктории они шли порознь, так как стремились к различным целям. Кооперация и профессиональное движение, почти единые в период своего зарождения, стали двумя отдельными и почти несвязанными друг с другом движениями. Каждый профессиональный союз, даже каждое местное кооперативное общество шли своим собственным путем, не чувствуя особой необходимости в единстве действий. Политическая деятельность одно время почти заглохла; поэтому, вслед за падением чартизма, не возникало никакого нового движения, а после отмены хлебных законов не было ни одной широкой агитационной кампании, руководимой мелкой буржуазией, лозунги которой могли бы привлечь интересы рабочих.

Однако, мы увидим, что рабочее движение постепенно снова становится единым. Кооператоры пришли к об'единению сначала для оптовой закупки и производства, а затем для того, чтобы добиваться общих политических и экономических целей. Движение за расширение избирательного права, временно заглохшее, после падения чартизма, возродилось вновь, но на этот раз уж в форме чисто конституционного и реформистского движения. Это об'яснялось под'емом уровня благосостояния и увеличением «респектабельности» рабочих. Профессиональные союзы об'единялись как для сопротивления тем жестоким нападкам, которым они подвергались, так и для того, чтоб общими силами добиться признания со стороны закона их новой умеренной и конституционной политики. Но все эти движения за об'единение

в 60-х годах были совсем не похожи на агитационные кампании более раннего периода; за ними не только не стояло косвенной угрозы революции, но они совершенно открыто заявляли, что их стремления не идут дальше проведения некоторых определенных и ограниченных реформ.

Во второй части этой главы, а также в последующей будет описана более подробно экономическая кон'юнктура золотого века капитализма во времена свободной торговли, а также те рабочие движения, которые возникали как отголосок этой кон'юнктуры. Мы проследим рост нового кооперативного движения, начиная с рочдельских пионеров 1844 года, а также рост нового профессионального движения, начиная с Об'единенного общества машиностроителей 1851 года — первого профессионального союза «нового образца». Кроме того, мы в общих чертах обрисуем движение обществ взаимопомощи, которое сыграло не малую роль в выработке характера и взглядов рабочего класса той эпохи.

В этом обзоре мы встретимся с доподлинными зачатками современной организации. Призывы оуэнизма и чартизма звучат для нас на мертвом языке. Но среди нас живут и прямые потомки рочдельских пионеров, а также профессиональные союзы «нового образца» 1851 года. Эти пионеры не отличались широтой своих стремлений. Их планы нельзя сравнить с вольным полетом мысли оуэнизма и других более ранних движений. Но они возводили свои постройки на прочном фундаменте — настолько прочном, что даже в совершенно изменившихся условиях современности снести эти постройки требует громадных усилий, и их политика все еще живет, хотя вокруг нее уже сторонниками позднейших методов работы настроено много нового. Сила их была в их ограниченности, а причина ограниченности лежала в источниках самого движения. Со времени, когда они начали строить, движение английского рабочего класса имеет непрерывную и неразрывную историю.

2. Золотой век.

Время между 1850 и серединой семидесятых годов в целом было периодом необычайного и все увеличивающегося благоденствия. Голод сороковых годов сменился благополучием пятидесятых. Шестидесятые годы, несмотря на страшный хлопковый голод 1862—63 годов и финансовый кризис 1867 года, характеризовались еще более быстрым прогрессом. Торговля и промышленность в начале семидесятых

годов достигли небывалого расцвета. Казалось, что чаша богатства перельется через край. Мало кто предвидел надвигавшуюся депрессию, охватившую страну в середине семидесятых годов. Она продолжалась с небольшим перерывом почти целое десятилетие.

В 1850 г. еще не было никаких признаков этой депрессии, и Великобритания приближалась к зениту своего благополучия. Основа этого благополучия была заложена в тридцатых и сороковых годах — в период лишений и тревог. Вся страна покрылась сетью железных дорог, самые глухие и отдаленные уголки страны оказались связанными между собой и с центром. Развитие торгового мореплавания шло гигантскими шагами; с применением пара облегчилось передвижение. Первая промышленная революция изменила способы производства; товары выбрасывались такими большими массами, что дороги, каналы и торговые суда не справлялись с перевозкой их. Вторая промышленная революция внесла изменение в способы транспорта. Промышленник получил новые рынки для сбыта своих товаров, для крупной и мелкой буржуазии открылись возможности выгодно помещать свои сбережения. Сила пара сначала победила ручной труд. Потом «лошадиная сила» вытеснила работу лошади и бросила вызов ветру и волнам.

Развитие железных дорог внесло большие изменения в хозяйственную жизнь страны. На постройке их были заняты целые массы рабочих, по характеру своей работы переходивших постоянно с места на место. «Текучесть рабочей силы» все время увеличивалась; новый поток переселения из деревни в город установился вдоль новых железнодорожных линий. Для нужд железнодорожного строительства и оборудования железных дорог создалась крупная железоделательная промышленность. Появилась целая категория предпринимателей, контрагентов, занимавшихся специально финансированием железнодорожного строительства и руководством самими постройками. Возник целый ряд рискованных проектов, создавались и лопались чисто спекулятивные предприятия. Но кто бы ни выиграл или ни терял на сооружении железных дорог, они были все же построены; английская промышленность получила могучее средство транспорта и источник силы для дальнейшего расширения, что делало для нее нестрашной какую бы то ни было конкуренцию.

Период большого строительства закончился в 1850 году, хотя новые линии продолжали быстро развиваться. Большие

достижения к тому времени были сделаны и в об'единении железных дорог. Сосредоточение железных дорог в руках нескольких крупных компаний и организация беспересадочного сообщения по дальним маршрутам все более и более связывали страну в одно экономическое целое, а также увеличивали ее производственную и торговую мощь.

В то же время стали создаваться великие морские пути. Начало 50-х годов было временем необычайно быстрого развития мореплавания и судостроения; рост потребности в морском транспорте также стимулировал развитие металлической промышленности и машиностроения. До тех пор текстильная промышленность была почти бесспорно на первом месте; даже позже, в течение нескольких лет, не удалось поколебать ее первенство. Но металлическая промышленность уже пред'являла требование на равное с ней место. За железом следовал уголь, уже завоевавший независимое и важное положение среди других отраслей промышленности. И далеко не случайно, что в 50-х годах машиностроители, а в 60-х годах горнорабочие встали в центре профессионального движения.

Крупные промышленные сдвиги требовали значительно более крупного и непрерывного притока капитала и кредита, чем прежняя промышленность, которая даже не допускала этого по самому характеру своей организации. Источником же капиталов явились сбережения более состоятельных классов общества. Закон 1844 года урегулировал выпуск банкнот и поставил прочно на ноги всю банковскую систему; тем самым он дал твердое основание кредиту и упрочил положение Лондона как мирового торгового и финансового центра. В то же время задачу накопления капитала сильно упростило признание законом акционерной формы организации для торговых предприятий обычного типа и разрешение ограниченной ответственности акционеров. Это расширило возможности для помещения капитала в промышленные и торговые предприятия. Владение промышленными предприятиями перестало быть привилегией небольшого кружка предпринимателей; средние и высшие классы общества стали делать свои вклады, сначала в железнодорожные компании, а затем стали приобретать и акции всевозможных промышленных предприятий. Даже рабочие, заработная плата которых стала давать маленькие излишки сверх прожиточного минимума, были захвачены общей волной и помещали свои сбережения. «Рабочие компании

с ограниченной ответственностью» представляли собой акционерные общества, владельцами которых являлись, главным образом, рабочие физического труда; в то же время распространяющееся кооперативное движение предоставляло рабочим возможность помещать свои сбережения.

Земледелие, также как и промышленность, переживало «золотой век». Предсказания, что свободная торговля разорит фермеров и землевладельцев, на самом деле не оправдались. Цены на зерно не понизились, а стали устойчивыми. Как рента, так и доходность сельско-хозяйственных предприятий возросли. Замечалась некоторая тенденция к переходу от хлебопашества к скотоводству и молочному хозяйству; потребление мяса и молока в городах возрастало и спрос на эти продукты сильно поднялся, что и делало такой переход весьма соблазнительным. Это в свою очередь повлияло на положение батраков, потому что скотоводство требовало меньше рабочих рук, чем земледелие, и в деревнях оказался большой излишек рабочей силы. Поэтому, хотя прибыль и рента были высоки, заработная плата оставалась на том же низком уровне; это вызвало непрерывное переселение рабочих из деревень в города и переход их к различным отраслям труда в промышленности. Часть батраков даже эмигрировала. В особенности же много батраков нашло себе работу в железнодорожном строительстве. Когда в начале 70-х годов Джозеф Арч начал свою организационную работу среди сельско-хозяйственных рабочих, он не нашел и намека на то, что они разделяли благополучие своих хозяев.

В то же время хлеб для быстро растущего населения свободно ввозился из-за границы, и цена на него, если и не понизилась, то была безусловно стабилизирована. Система свободной торговли предохраняла ее от колебаний. Это, в свою очередь, придавало устойчивость заработной плате и условиям труда. Хлеб, как главный продукт питания трудящихся, был тем самым и наиболее важным «сырьем» для промышленности. Система свободной торговли скоро отразилась и на ввозе других сырых материалов, а около 1860 г. Великобритания пошла еще дальше и, упразднив ввозные пошлины на фабрикаты, стала во всех отношениях страной свободной торговли. Более того, успех Кобдена, при заключении в 1860 г. коммерческого договора с Францией, приветствовался в широких кругах, как начало эры всемирной свободы торговли. Высказывались предположения, что

в этом вопросе все страны последуют примеру Англии. Во Франции Бастиа провозглашал, как общепринятую истину доктрину свободной торговли английских классиков политической экономии. В Германии Лист предостерегал, что свобода торговли может принести выгоду только Англии, так как она, вооружившись машинами, хочет победить всех конкурентов; но эта система не годится для тех стран, которые стараются добиться успеха подражанием английскому примеру. Однако, на эти предостережения одно время никто не обращал внимания.

В городах условия жизни стали гораздо более сносными. Акт об общественном здравии 1848 года и учрежденные на его основании местные врачебные управления были реальными достижениями в области санитарного законодательства. Правда, эти мероприятия были проведены только под свежим впечатлением холерной эпидемии. А в 1847 году был проведен ряд законов, упорядочивших дело снабжения городов водой, газом (для освещения) и т. д. Условия работы на фабриках постепенно улучшались под влиянием законов 1844, 1847, 1850 и 1853 г.г.; акты 1850 и 1860 г.г. расширили область фабричного законодательства, включив в нее также и копи. Весь период, начиная с 1847 года, был периодом усиленного общественного и промышленного законодательства. Народному образованию, правда, до 1870 года ходу не было из-за религиозных раздоров, но количество школ неуклонно росло и безграмотность уменьшалась. За время с 1851 г. и 1861 г. государственные ассигнования на народное образование в Англии и Уэльсе возросли с 150.000 фунтов до 813.000 ф. с., и безграмотность упала среди мужчин с 30,7% до 24,6%, а среди женщин с 45,2% до 34,7%. А в следующие два десятилетия, несмотря на временное неблагоприятное влияние кодекса Лау в 60-х г., дело народного образования все время улучшалось.

Однако, не надо думать, что заработная плата в этот блестящий период была высока. В 50-х годах незначительное увеличение заработной платы не угналось за ростом цен, а в 60-х г.г. зарплата едва-едва держалась на одном уровне с ценами. Заработная плата, с точки зрения ее покупательной способности, значительно возросла только в начале семидесятых годов и, продержавшись несколько лет, снова упала с наступлением великой депрессии.

Тем не менее, условия труда несомненно улучшились. Работа протекала в лучших условиях и ее легче было полу-

чить; на долгий период расцвета торговли приходилось всего несколько лет застоя. Значительный процент рабочих стремился приобрести квалификацию и, в соответствии с этим, получать бо̀льшую заработную плату. Рабочий день был несколько уменьшен и фабричные условия улучшились. Темная масса неквалифицированных рабочих оставалась в стороне, но квалифицированный труд смог поднять голову и с увеличивающимся самоуважением впитывать в себя, по примеру своих хозяев, идеи бережливости и самопомощи.

Благосостояние высших и средних слоев общества чрезвычайно возросло. По переписи 1851 года лица свободных профессий составляли всего 2,2% народонаселения. В 1871 г. число их достигло 3,9%, а в 1881 году—6,2%. Сумма подоходного налога между 1850 и концом 70-х годов, в среднем, более чем удвоилась. Как аренда за дома, так и цены на землю повышались очень быстро. Помимо больших состояний, которые наживались в промышленности и торговле, общее благосостояние и положение мелкой буржуазии все время укреплялось. Кроме выгодного помещения капиталов на родине, явилась возможность помещать их в колониях. В форме товаров английский капитал разливался по рынкам всего мира. Железные дороги Европы и Америки строились в значительной степени на английские деньги, из английского материала и под английским управлением.

В 1850 г. промышленная революция казалась уже отдаленным историческим событием. Настала новая эпоха, современники которой унаследовали богатство и производительные силы, заложенные еще в XVIII веке. Большая выставка 1851 г. явилась примером английского благополучия. «Таймс» назвал этот год годом беспримерного благополучия; через год он повторил эту фразу и по отношению к 1852 г. Расцвет торговли продолжался до 1856 г., а застой, сопровождавший финансовый кризис 1857 г., длился не более двух лет. Затем следовали 8 лет расцвета торговли; даже хлопчатобумажный голод 1862—63 г.г. не смог нарушить всеобщего благополучия в деловом мире. Кризис 1866 г., опять-таки вызванный причинами преимущественно финансового характера, продолжался менее трех лет. Наиболее выдающимся событием за это время было банкротство Оверенда и Гернея. Затем опять наступил шестилетний период процветания. Лишь в 1874 году появились предзнаменования великой депрессии.

Имея в виду все изложенное, мы можем обратиться к изучению рабочего движения в период золотого века капитализма. Мы увидим, что история этого движения распадается на две части. Первая часть, в 50-х и в начале 60-х г.г. — время укрепления и подготовки к борьбе. Вторая часть—интенсивная промышленная и политическая борьба конца 60-х и начала 70-х г.г. Эти два периода послужат предметом двух следующих глав.

ГЛАВА II.

БЕРЕЖЛИВОСТЬ И ВОЗДЕРЖАНИЕ.

1. Самопомощь в эпоху королевы Виктории.

«Самопомощь» стояла в числе основных добродетелей эпохи королевы Виктории. Делать сбережения на черный день стало долгом, к которому призывали все моралисты и экономисты. Как рабочие, так и хозяева слепо выполняли этот долг. По вопросу о добродетели бережливости создалась целая литература; вечное блаженство в загробной жизни ставилось в зависимость от воздержания в жизни земной. Мы видели, что такое упорство в проповеди воздержания, а также и поразительный успех этой проповеди среди мелкой буржуазии и рабочих обуславливались вполне определенными причинами. В эпоху королевы Виктории сняли жатву с той пашни, которая была засеяна во времена промышленной революции. Крупные общественные сдвиги превратили Великобританию из страны преимущественно земледельческой в страну торгово-промышленную; это сопровождалось изменением привычек и образа мыслей английского общества. Общественные отношения в корне изменились; вырос большой новый имущий класс, в руки которого перешла и экономическая власть и политическое влияние. Наряду с крупными предпринимателями-коммерсантами и банкирами торгово-промышленной эпохи появилось целое сословие и более мелких людей. Быстро увеличивалось число мелких предпринимателей и фабричных управляющих, лиц свободных профессий и розничных торговцев. Общественное положение более чем когда-либо ставилось в зависимость от доходов; деньги обеспечивали уважение и прочное положение в обществе. Они ценились не только как средство для наслаждений, но имели еще большую ценность, как путь к приобретению веса в обще-

стве. Обладание ими вселяло уверенность в благополучии как в настоящей, так и в загробной жизни.

Такова была идеология многочисленного класса мелкой буржуазии, получившего в эпоху королевы Виктории все свои характерные черты. Но в значительной степени этой идеологией был проникнут и рабочий класс или, по крайней мере, все большая и большая часть рабочего класса. В первые годы промышленной революции уровень жизни огромного большинства рабочих был сильно понижен. Земледельцы были доведены до крайней бедности; большинство мастеровых, принадлежавших к старинным ремеслам, заметно пострадало из-за введения новых методов производства и из-за конкуренции менее квалифицированного труда, который применялся для наблюдения за новыми машинами. В самом худшем положении очутились, конечно, ткачи, но и многие другие ремесла пострадали, хотя и в меньшей степени. В течение раннего периода промышленной революции наживались крупные состояния. Но нажива эта шла не рабочим, а капиталистам — крупным и мелким, создававшим новый общественный строй.

Мы видели, что в эпоху королевы Виктории это положение уже изменилось. Движение населения, вызванное отчуждениями земли и переселением из деревень в фабричные города, постепенно прекращалось. Новая промышленность достаточно развернулась для того, чтобы поглотить всю огромную армию рабочих, ищущих работы. Войны не истощали больше национальных богатств; в стране появились большие излишки капиталов, которые делали возможным быстрое развитие промышленности. Число компаний и больших торговых домов все время увеличивалось; банковская система неуклонно разрасталась; банки становились все солиднее и солиднее; вместе со всем этим расширялась и область для помещения капиталов. Уже не нужно было, как в прежние дни, лишать себя всего, кроме самого необходимого.

Таким образом, уже не ощущалось острого недостатка в капиталах для развития промышленности; капиталисты стали менее «воздержанными» и даже несколько повысили заработную плату. Но они не переставали проповедывать добродетель воздержания своим рабочим. Кроме того, и сами рабочие после нищеты времен промышленной революции увидели, наконец, перед собою менее безнадежную перспективу. Путем строгой бережливости они могли надеяться

отложить хоть сколько-нибудь, чтоб обеспечить свою старость или застраховать себя от безработицы.

А для не лишенных «предприимчивости» — добродетели, которая в эпоху королевы Виктории ставилась не ниже бережливости — маячила даже надежда выбиться из положения рабочего и стать мелким предпринимателем и торговцем. В сравнении с безнадежностью предыдущих лет, рабочий эпохи королевы Виктории, по крайней мере, после 1848 г., имел пред собою перспективу, ради которой стоило экономить; эта перспектива примиряла его с капиталистическим строем, и он старался только как можно лучше приспособиться к нему.

Такое положение, кроме того, неизбежно вызывалось образом действий нового политически господствующего класса капиталистов. Первым крупным мероприятием реформированного парламента был акт о реформе Закона о бедных 1834 г. Этот акт уничтожил старую систему помощи бедным, при которой, в большинстве провинций, рабочие, зарабатывавшие меньше известного минимума, получали пособия из сумм, собираемых в каждом приходе в фонд помощи бедным. Вследствие этого большая часть рабочих привыкла постоянно прибегать к помощи Закона о бедных. В основу нового закона была положена мысль, что содержать себя является нравственным долгом каждого человека; он обязан своими собственными силами охранять себя от случайностей жизни. Составители этого закона стремились наложить на нищенство клеймо позора и поставить помощь в такие условия, чтобы к ней прибегали только те, которые дошли до крайней степени нищеты. Они, конечно, полагали, что проведение в жизнь этих принципов в обстановке промышленного расцвета вызовет такой под'ем заработной платы, который даст возможность содержать себя собственным трудом. Таким образом, те бедствия для неимущих, которые неизбежно связаны с проведением нового закона, будут носить лишь временный характер. Новый закон был проведен чрезвычайно строго, и в этом отношении правительство несомненно перегнуло палку. Но, в конце концов, все вышло так, как законодатели предполагали в самом начале.

Таким образом, легко видеть почему начало эпохи королевы Виктории совпадает с большим ростом организаций «самопомощи» среди бедных классов населения. Уровень жизни большей части населения медленно поднимался.

Отмена старого Закона о бедных сильнейшим образом побуждала всех кто мог откладывать сбережения и собрать хоть небольшую сумму на случай болезни или старости, чтобы только не попасть в лапы «Трех пашей из Сомерсетского дома» или быть заключенными в новые «Бастилии». Под первым названием были известны в народе чиновники по проведению Закона о бедных[1]), а под вторым — новые рабочие дома, где бедняки получали помощь по закону.

Итак, в начале царствования королевы Виктории мы находим широко распространенное движение за создание собственных сберегательных организаций как среди рабочих, так и среди некоторых групп мелкой буржуазии. С одной стороны, мы видим быстрый рост всевозможных обществ взаимопомощи, строительных обществ и других чисто сберегательных организаций. А с другой—мы находим кооперативное движение, пустившее, наконец, глубокие корни; оно началось с рочдельских пионеров 1844 г. и также способствовало распространению бережливости среди рабочих. Кооперативные общества были для рабочих тем же, чем были компании с ограниченной ответственностью для капиталистов. Палата Общин, где теперь господствовали промышленные и торговые интересы, тоже шла навстречу рабочим в их стремлении к сбережениям, путем проведения соответствующих законов.

В этой книге мы можем лишь в общих чертах обрисовать эти разнообразные формы движения. Начало их относится ко времени более раннему, чем эпоха королевы Виктории; но в эту эпоху все эти формы движения приобрели очень много последователей и увеличили свое влияние. Мы сперва займемся кооперативным движением. Новые формы его сильно повлияли на организацию рабочего класса.

2. Кооперативное движение.

Новое кооперативное движение началось с того момента, когда рочдельские пионеры открыли свою лавку. Другие общества оспаривали у них первенство идеи «дивиденда на забор» — основного принципа потребительской кооперации. Но это не имеет особого значения, так как ясно, что именно успех Рочделя расчистил путь для роста кооператив-

[1]) Так рабочие называли трех правительственных комиссаров, которые ведали законами о бедных. Комиссия по законам о бедных помещалась в Сомерсетском дворце. Прим. ред.

ного движения. Идея была крайне проста. Предшествующие общества или пробовали продавать товары по себестоимости, рискуя потерпеть убытки и затрудняя создание фонда основного капитала, или продавали по рыночным ценам, употребляя свои барыши на создание «общинного» фонда, который шел на поддержку «кооперативных поселков» Оуэна или на другие общественные нужды. Иногда они нарушали основной принцип кооперативного движения тем, что выплачивали дивиденды на вложенный капитал соответственно своим успехам в торговле. Рочдельские же пионеры продавали товары по рыночной цене, а прибыль распределяли между членами, в соответствии с суммой забора каждого отдельного члена, а не с размерами его денежного вклада в общество. В то же время они призывали своих членов оставлять дивиденды для накопления паевого капитала и тем создавали возможность прочного и систематического развития всего дела.

Трудно сказать, насколько эти первые кооператоры сознавали все значение того, что они делали. Подобно другим ранним кооперативным обществам, это была вначале небольшая группа рабочих, последователей Оуэна, и их первый устав был написан правоверным оуэновским языком. Рочдельские пионеры об'явили о своих целях следующими словами:

«Открытие лавки для продажи продуктов, одежды и т. д.

«Постройка, приобретение или сооружение домов, в которых могли бы селиться члены, желающие помогать друг другу в улучшении своего быта и социального положения.

«Производство предметов, какие Общество сочтет нужным производить, с той целью, чтоб дать занятие безработным членам, а также тем членам, которые терпят лишения от постоянных снижений заработной платы.

«Покупка или аренда земельных участков, которые будут обрабатывать безработные члены или те члены, чей труд плохо оплачивается».

И далее: «Таким образом, при первой возможности общество приступит к организации производства, распределения, общественного воспитания и правительственной власти или, другими словами, оно учреждает об'единенную общими интересами самообслуживающуюся колонию и содействует другим обществам в создании таких же колоний».

Все это написано чистейшим языком Оуэна, особенно в части о «колониях», — организацию таких колоний Оуэн

в это время энергично проповедывал в созданном им «Обществе внутренней колонизации» [1]). По мнению «пионеров», как и других ранних кооператоров, открытие лавок являлось только этапом на пути к более широким достижениям в области самодеятельности членов и, в конце концов, к учреждению законченной и самостоятельной оуэновской общины. Рочдель был некоторое время крупным центром оуэнизма; в тревожные времена 1830 г. там было учреждено общество производства фланели, а в 1838 году правоверные оуэнисты открыли «Общественное собрание». Пионеры впоследствии окончательно отошли от старых оуэновских традиций, но этот отход отнюдь не был с их стороны преднамеренным.

Их лавка процветала, и спустя несколько лет они встали пред необходимостью расширения дела. Незадолго до этого они связались с производством, а затем, когда в соседних городах стали развиваться другие общества, они открыли оптовый отдел. На этот раз они потерпели неудачу; но попытка их заслуживает внимания потому, что оптовый отдел был предшественником Кооперативного общества оптовых закупок. В то же время и производственные отделы предприятия доставляли пионерам не мало огорчений. Вместо того, чтобы основывать производственные отделы под контролем своих членов, они создали новые общества, в которые вкладывали свои капиталы и принимали вклады от широкой публики. Эти общества неизбежно имели тенденцию превратиться в обыкновенные акционерные капиталистические предприятия и потерять связь с кооперативным движением. Постепенно пионеры стали предпочитать таким обособленным обществам производственные отделы, прикрепленные к потребительским обществам; но интенсивное развитие производства под контролем потребителей наступило значительно позже, когда рост оптовой кооперации дал возможность открыть фабрики, непосредственно принадлежащие обществам оптовых закупок и управляемые ими.

К этому периоду относится интенсивный рост одной разновидности кооперативного движения, которая основывалась на совершенно иных принципах. В новейшее время кооперация вылилась в две резко противоположные друг другу формы. С одной стороны, имеется потребительская

---

1) Так это общество было названо в отличие от колонизации путем эмиграции в другие страны. Прим. ред.

кооперация, в которой об'единенные потребители контролируют снабжение и производство необходимых товаров и пользуются наемным трудом; при этом наемные рабочие могут участвовать или не участвовать в прибылях. С другой стороны, имеется производительная кооперация, в которой об'единение производителей, пользуясь или не пользуясь поддержкой своего профессионального союза, общими усилиями дает то, что хотя бы по названию является фабрикой, самоуправляющейся под контролем рабочих.

Эти два типа организации резко отличаются друг от друга. Потребительская лавка продает товары своим членам; производительное общество ищет сбыта вне круга своих членов. Потребительская лавка после скромного начала составляет свой капитал из займов и вкладов своих членов, тогда как производительным обществам редко удается обойтись без внешнего займа. С другой стороны, потребительские лавки, как правило, пользуются наемным трудом, производительное же общество, во всяком случае, стремится сделать рабочих действительными участниками в предприятии.

Как мы знаем из предыдущего тома настоящего исследования, различия эти в период, предшествовавший рочдельским пионерам, еще не вполне выявились. На лавку смотрели как на первый шаг к самодеятельности членов; «союзные мастерские» или производительные общества старались войти в связь с трудовой биржей, которая дала бы им возможность обменивать свои товары на продукты производства других таких же обществ, вместо того чтобы искать для своих товаров сбыта на вольном рынке. Таким образом, различия между двумя формами кооперации в то время не были ни резко выявлены, ни достаточно осознаны. Но рочдельский метод резко подчеркнул особенности потребительской кооперации, а несколько лет спустя не менее определенно обнаружились и характерные черты производительных обществ. Своим окончательным оформлением производственная кооперация в значительной степени обязана небольшой группе людей, известных под названием христианских социалистов и возглавляемых Р. Д. Морисом, Чарльзом Кингсли, Эдуардом Ванситартом Нилем и Д. М. Ледлоу.

На Кингсли глубокое впечатление произвели страдания рабочих голодных сороковых годов и несостоятельность церкви в деле социального проповедничества. Царство

божие, провозглашали христианские социалисты, должно иметь место не только в загробном, но и в этом мире — имелся, ведь, христианский идеал общества, который христиане обязаны всеми силами стремиться осуществить здесь, на земле. Кингсли и его друзья были глубоко встревожены атеизмом и рационализмом, господствовавшим среди чартистов и оуэнистов, с социальным учением которых они в значительной степени соглашались. Они задумали обратить социалистов в христианство и привить идеи социализма христианам.

В поисках определенной программы, христианские социалисты, памятуя оуэновское движение 1830—34 г.г., обратились к Франции 1848 г. «Хартия, — писал Кингсли, — принесла мне горькое разочарование, когда я прочел ее... Французский призыв к организации труда в тысячу раз ценнее». Группа, вдохновляемая Ледлоу, откликнулась на призыв Бюше к созданию «кооперативных мастерских» и на призыв Луи Блана к «организации труда». Она стала основывать мелкие кооперативные мастерские на средства, собранные, главным образом, среди членов группы. Она издавала журналы и брошюры для расширения своей пропаганды и посылала для проповеди своего учения миссионеров, главным из которых был старый оуэнист Ллойд Джонс. Через несколько лет христианским социалистам пришлось согласиться с тем, что они в своей деятельности потерпели неудачу. Их общества, слишком мелкие, недостаточно обеспеченные капиталом и раздираемые внутренними несогласиями, прогорали одно за другим [1]). В 1854 году движение христианских социалистов пришло к концу.

Христианские социалисты потерпели неудачу в осуществлении своей прямой цели, но тем не менее они принесли много пользы укреплению кооперации. Кроме попыток создать самоуправляющиеся фабрики при посредстве Общества организации ассоциаций трудящихся, основанного ими

[1]) Здесь Кол более чем поверхностно об'ясняет причины краха «самоуправляющихся мастерских» христианских социалистов, не понимая того, что *кооперация в условиях развивающегося капиталистического общества воспринимает все черты и особенности капиталистического хозяйства.* Все приводимые им соображения относятся к шаблонным об'яснениям, дававшимся обычно проповедниками потребительской кооперации, которые считали, что именно в этой последней заложено все необходимое для „установления справедливости" в экономических отношениях. На самом же деле судьба прогоравших производительных кооперативов была судьбой мелких капиталистических хозяйств, а судьба процветавших—судьбой капиталистических предприятий, в которые данные кооперативы быстро и вырождались. Прим. ред.

в 1849 г., они принимали активное участие в более широкой деятельности кооперативных организаций и были в хороших отношениях с обществами рочдельского типа. При Оуэне происходили регулярные кооперативные конференции, но они были забыты после разгрома 1834 г. Христианским социалистам удалось добиться их возрождения; после Рочдельской кооперативной конференции 1850 года и впредь более или менее регулярно собирались конференции представителей кооперативных организаций.

Но главное — это то, что христианские социалисты помогли кооперативам обеспечить за собою охрану со стороны закона. В прежнее время серьезным затруднением являлось отсутствие законодательного обеспечения неприкосновенности денежных фондов кооперативных организаций. Начиная с 1836 года, некоторое обеспечение давала статья «вклад сбережений» акта об обществах взаимопомощи, который был проведен в том году. Но с дальнейшим развитием кооперации все более и более чувствовалась необходимость в специальных законодательных мерах. Христианские социалисты помогли кооператорам добиться проведения таких мер. Акты о промышленных и сберегательных обществах 1852, 1855 и 1862 г.г. создали, наконец, необходимую обеспеченность, а также формулировали взаимоотношения закона и кооперативных организаций. Эти взаимоотношения почти не изменились по настоящее время.

Христианский социализм оказал также, по крайней мере, временное влияние на профессиональные союзы. Живучесть идей Оуэна выявилась в 1845 году [1]. В этом году в промышленности наступило оживление и была создана Национальная ассоциация для защиты труда. Она выделила вспомогательный орган — Национальную ассоциацию для найма труда. Целью последней было содействие учреждению кооперативных обществ производителей. О том же говорит и одно из правил устава «нового образца» профессиональной организации — Об'единенного общества машиностроителей, основанного в 1851 году. По этому правилу фонды общества

[1] Тут сказалось не столько даже влияние непосредственно Р. Оуэна, сколько то. преломленное через призму мировоззрения христианских социалистов, учеников Оуэна, учение, какое одновременно пользовалось известной популярностью во Франции, именно учение утописта Бюше. Христианские социалисты, зачастую ссылаясь на Оуэна, были в несравненно большей степени последователями именно француза Бюше. И идея организации самоуправляющихся мастерских в Англии происходит не столько от оуэнизма, сколько от Бюше. Прим. ред.

могли быть употребляемы для целей кооперативного производства. Тут мы несомненно видим или пережиток старых идей, или результат влияния христианских социалистов. Возможно, что в действительности оба эти фактора оказали влияние. Но, хотя ряд профессиональных союзов включал подобные правила в свои уставы, а некоторые и на самом деле основали такие общества, все же это не дало крупных результатов. Прочных успехов кооперация достигла по линии Рочделя.

Это, однако, отнюдь не было так ясно современникам, как нам при взгляде на прошлое. Начало 50-х годов было периодом, когда создавались всевозможные ассоциативные предприятия — как среди капиталистов, так и среди рабочих. Положение акционерных компаний было частично урегулировано в 1844 г., и сразу возникла целая масса различных предприятий. Как мы видели, даже рочдельские пионеры, когда они решились пуститься в производство, сначала пробовали различные виды акционерных организаций. В особенности в Ланкашире так называемые рабочие компании с ограниченной ответственностью, предприятия, акции которых принадлежали рабочим, получили значительное развитие. Но они или прогорали как самоуправляющиеся фабрики, или с течением времени теряли свой отличительный характер и превращались в обыкновенные акционерные предприятия.

Тем временем, оуэнизм старейшего образца далеко еще не умер. Оуэновские общества все еще энергично вели свою пропаганду, хотя она у людей вроде Голиока становилась все менее и менее социалистической и все более и более антирелигиозной. Действительными преемниками ранних оуэнистов были скорее те рабочие организации, которые между 1847 и 1851 г.г. основывали и управляли Генеральными обществами освобождения (General Redemption Societies) в Лидсе, Нориче, Стокпорте, Бери и других городах. Эти общества стремились из грошевых взносов создать фонд, который при посредстве кооперативных организаций мог бы быть употреблен на «освобождение труда». И хотя эти общества или исчезали, или со временем превращались в общества взаимопомощи обычного типа, все же в годы их деятельности с их помощью создался и окреп целый ряд молодых кооперативных организаций. В особенности в Йоркшире кооперативное движение обязано этим организациям

своим переходом от оуэнизма к потребительской кооперации современного типа.

Конец 40-х и начало 50-х годов было, таким образом, временем чрезвычайного роста кооперации. После бурного периода этих лет движение пошло более спокойным темпом. Производительные общества в большинстве своем распались и погибли для кооперации. Потребительские общества спокойно развивались и захватывали в своем развитии все новые и новые области. Акт о промышленных и снабжающих обществах 1862 года сделал возможным дальнейший прогресс. В следующем году на севере Англии создалось Кооперативное общество оптовых закупок.

История кооперативного движения была уже усеяна обломками неудачных оптовых организаций: оуэновские трудовые биржи 1832 г., Об'единенное кооперативное товарищество на северо-западе Англии, учрежденное несколькими годами позже в Ливерпуле. Попытка христианских социалистов создать в 1850 году Общество оптовых закупок в Лондоне обошлась очень дорого. Оптовый склад, созданный рочдельскими пионерами в 1852 году, был впоследствии заброшен. Все это указывает на те препятствия, которые стояли на пути оптовой кооперации. Но акт 1862 года значительно облегчил задачу, и Абрагам Гринвуд, главный вдохновитель рочдельского общества, выступил с проектом повторить в более широком масштабе опыт, оказавшийся столь удачным в области розничной торговли. Общества на севере Англии, при посредстве Комитета кооперативной конференции Ланкашира и Иоркшира, уже научились работать совместно. Почему же не создать для оптовой торговли более грандиозного об'единения, в которое все местные кооперативные общества вошли бы на правах членов?

Таким образом, при создании Общества оптовых закупок опять приняли рочдельскую схему организации. Снова товары продавались по их рыночной стоимости, снова дивиденды уплачивались в соответствии со стоимостью закупок членов, снова получателям дивиденда предлагалось оставлять его за проценты в руках общества. Но членами Общества оптовых закупок являлись розничные общества. Им должны были выплачивать дивиденды; им, как пайщикам, принадлежало Общество оптовых закупок. Этот план был осуществлен. Несмотря на скромное начало, Общество оптовых закупок северной Англии быстро раз-

рослось. В 1868 году шотландские кооператоры последовали примеру английских и основали свое собственное общество оптовых закупок. В 1873 году английское Общество основало свои первые производственные мастерские в Кремпсолле и Лейстере. Отбросив слова «северной Англии», оно сделалось просто Обществом оптовых закупок и распространило свое влияние по всей стране.

Результатом крупного торгового успеха кооперативного движения был, между прочим, отрыв его от других форм рабочих организаций[1]). По идее Оуэна, кооперация, профессиональное движение и социализм должны были находиться в тесной связи друг с другом, об'единены одной целью. Когда социализм выродился, профессиональное движение и кооперация пошли каждый своей самостоятельной дорогой. Они временно потеряли связь с политическим движением рабочего класса, которое, правда, в это время почти совсем замерло. В 60-х годах профессиональное движение снова втянулось в политику и повело борьбу за расширение избирательного права и за реформу законов о труде; кооперативное движение, уже добившись к тому времени, со значительно меньшими затруднениями, признания со стороны закона и обеспечения неприкосновенности своих фондов, не имело особых побуждений к тому, чтобы ввязываться в политическую деятельность или пропаганду. Идеи Оуэна еще не совсем были забыты, и кооператоры иногда произносили фразы о «кооперативной республике». Но повседневные торговые приемы кооперации очень подходили к преобладавшей в эпоху королевы Виктории философии сбережений и самопомощи. Кооператоры проделали огромную организационную работу, усилили самоуважение и увеличили экономическую мощь рабочего класса. Но они достигли таких успехов, принеся в жертву идеализм раннего периода и обособившись от других видов рабочего движения. От оуэнизма остались лишь набор фраз, но вместе с тем, что весьма ценно, вера в силу просвещения и традиция процентного отчисления от прибылей для просветительных целей.

---

[1]) Чем об'ясняется подобная зависимость успеха торговой организации рочдельского типа от разрыва с рабочим движением в целом — Кол не об'ясняет. Мы останавливаем внимание читателя на этом об'яснении в предисловии к настоящему тому. Прим. ред.

3. Общества взаимопомощи.

Общества взаимопомощи в том или ином виде существовали во все времена среди всех цивилизованных народов. Они существовали в древней Греции и Риме; они существуют в настоящее время в Индии и в Китае. К ним же до некоторой степени можно отнести и средневековые гильдии. Но в Англии XIX века, особенно в эпоху Виктории, эти общества приобрели совершенно особый характер. Рядом с маленькими деревенскими клубами, неофициальными об'единениями для взаимного кредита и страхования, и подобными же примитивными образцами различных обществ создались могущественные и влиятельные общества взаимопомощи общенационального или областного масштаба. Наиболее типичными среди последних являются великие «ордена». Многие «ордена» вели свое начало из глубины XVIII столетия, хотя в большинстве они окончательно сформировались лишь в XIX веке. Дефо в своем знаменитом трактате о проектах еще в начале XVIII века призывал к созданию обществ взаимопомощи; вскоре после этого гугеноты-эмигранты [1]) дали пример образования обществ, оказавшихся более устойчивыми и постоянными, чем маленькие деревенские клубы и дружественные общества взаимопомощи, которые были очень распространены после 1740 года. Несмотря на это, они получили признание со стороны закона только в 1793 году. За ним последовал ряд других законов. Наиболее существенные из них о правах и организационных формах обществ взаимопомощи были проведены в 1819, 1829, 1834, 1846 и 1855 г.г. Наконец, в 1875 году был издан закон, в котором были собраны воедино все предшествующие постановления по этому вопросу. В своих основных частях он действует без изменений и поныне.

Как мы увидим дальше, закон стал поощрять создание обществ взаимопомощи значительно ранее эпохи королевы Виктории. Но до этой эпохи он не был для них вполне благоприятным. Со времени французской революции все виды народного об'единения долго находились под ревни-

---

[1]) После отмены Нантского эдикта, которым во Франции устанавливалась некоторая религиозная терпимость, французские протестанты — именовавшиеся гугенотами—массами стали переселяться в Англию, куда они увезли с собою секреты ткацкого (особенно — шелкоткацкого) дела, в то время представлявшего почти монополию гугенотов. Прим. ред.

вым оком закона. В 1799 году был проведен акт об Обществах переписки, который об'явил нелегальным создание обществ с отделениями; таким образом, все большие ордена были фактически поставлены вне закона. Акт 1799 года проводился не очень строго, но все же он препятствовал росту движения в национальном масштабе. Кроме того, с 1799 до 1824 г. были в силе «акты об об'единении», и все виды профессиональной организации были запрещены законом. Естественно, что многие профессиональные союзы старались обойти закон, приняв личину обществ взаимопомощи; но, пожалуй, вернее было бы сказать, что многие корпорации, которые были одновременно и профессиональными союзами и обществами взаимопомощи, старались выставить напоказ одну сторону своей деятельности и затемнить этим другую. Таким образом, они избегали преследования и сохраняли за собой защиту закона.

В начале эпохи королевы Виктории акт об обществах переписки был еще в силе, но он уже не применялся повсеместно; в частности, такие организации, как «Общество странных парней» (Oddfellows) и «Орден лесных братьев», значительная часть членов которых происходила из мелкой буржуазии, были освобождены от его действия. Манчестерское «Общество странных парней» (The Manchester Unity of Oddfellows), которому принадлежала инициатива реорганизации орденов на современных началах, возникло в 1812 году; в начале эпохи королевы Виктории большинство великих орденов стали принимать свои современные формы. Старинный «Орден лесных братьев» был реорганизован в 1834 г.; в том же году подобному процессу подверглось и «Общество странных парней».

После этого наступило быстрое развитие. Ордена стремились охватить своей организацией более широкие слои населения, так как наиболее квалифицированные рабочие уже стали подниматься над тем уровнем, когда вся жизнь сводилась к простой борьбе за существование. Одновременно быстро размножались общества взаимопомощи самого разнообразного типа; в соответствии с изменившимися запросами времени создавались и новые организационные формы. Королевская комиссия 1870—1874 г. в своем отчете, на основании которого был проведен акт 1875 года, разделила общества взаимопомощи на тринадцать отдельных категорий; здесь мы упомянем только о некоторых, наиболее значительных из них.

Сущность современного общества взаимопомощи заключается в том, что путем взаимного страхования оно дает своим членам возможность обеспечить себя определенными пособиями в случае болезни, смерти или других непредвиденных событий. Наиболее существенными являются практические пособия по болезни и на похороны. Очевидно, что без специальной обработки данных, позволяющих с достаточной точностью определить соотношение между членскими взносами и размерами выдаваемых пособий, дело страхования могло быть поставлено только очень примитивным образом. В XVIII веке доктор Прайс выпустил особые таблицы, которые дали возможность производить на твердой основе все вычисления, связанные со страховым делом. Эти таблицы на основании последующего опыта подверглись значительной переработке. Для исчисления риска смерти общества взаимопомощи располагали необходимыми данными уже в начале XIX столетия. Но опасность болезней стала исчисляться сколько-нибудь удовлетворительно гораздо позже. Таблицы, выпущенные в 1850 г. Генри Ратклифом, одним из секретарей «Общества странных парней», представляли большой шаг вперед. Немного времени спустя государство взяло на себя заботу о собрании соответствующего материала — оно потребовало от всех обществ представления отчетов. Таким путем было собрано огромное количество данных, на основании которых и создалась современная наука о страховании.

При регулировании работы обществ взаимопомощи государство некоторое время колебалось, стремясь, с одной стороны, как можно меньше вмешиваться в эту работу, но в то же время сознавая, что неправильное ведение денежных дел недопустимо с точки зрения интересов самих членов обществ. В 1829 году оно поручило Джону Тидду Пратту изучить и проверить уставы всех обществ, желавших зарегистрироваться, и впоследствии часто ошибочно думали, будто его свидетельство является гарантией правильной с финансовой точки зрения постановки дела. Но постепенно государство оставило попытки вмешиваться в дела обществ и требовало от них только гласности в ведении дел и периодической ревизии принадлежащих им ценностей.

Тем временем, в 1846 году было формально учреждено Регистрационное бюро товарищеских обществ. Тидд Пратт был назначен первым главным регистратором. Постепенно в ведение его бюро перешел целый ряд всевозможных

обществ, включая в том числе кооперативные и строительные общества и профессиональные союзы. В 1876 году его место занял Д. М. Ледлоу, видный деятель движения христианского социализма, который впервые ввел систему государственной помощи кооперативным обществам и крупным орденам. Тидд Пратт, будучи ярым защитником обществ взаимопомощи, был противником больших орденов и скорее поощрял общества местного типа.

Королевская комиссия 1870 года, как мы видели, провела подробную классификацию обществ на типы. Помимо крупных орденов с их филиальными отделениями и преимущественно децентрализованным финансовым аппаратом, комиссия также выделила весьма распространенный тип чисто местных обществ как в городе, так и в деревне. Кроме того было зарегистрировано значительное число обществ, организация которых охватывала целое графство[1], а также распределительные общества, депозитные общества, общества сборщиков и т. д.

Эти различные организации сильно отличались друг от друга по своему характеру, хотя все они в той или иной форме выдавали своим членам пособия. Для получения права на эти пособия члены должны были производить установленные взносы. В орденах и в некоторых местных обществах деятельность в области взаимного страхования сочеталась с энергичной общественной деятельностью; их члены не только обеспечивали друг друга на случай похорон, но в полном смысле слова были добрыми товарищами. Другую крайность представляли некоторые централизованные общества и, в частности, Общества сборщиков; последние сосредоточили все свое внимание на погребальных пособиях и собирали членские взносы путем обхода подряд всех домов какого-нибудь определенного района. Различие между ними и страховыми обществами «коммерческого» типа было чисто формальным. У них не было акционеров, вообще все делалось скорее ради выгоды самих сборщиков и директоров, чем в интересах вкладчиков. Такие общества не вели никакой общественной деятельности, а контролировались своими членами весьма поверхностно. С другой стороны, обществам сборщиков, подобно некоторым коммерческим страховым обществам, удавалось войти в контакт

---

[1]) Административная единица Англии, соответствующая нашей области. Прим. переводч.

с более бедными слоями населения, чем те, с которыми соприкасались такие организации, как «Тайное общество взаимопомощи» и «Орден лесничих», но они достигали этого довольно дорогой ценой: очень значительная часть сумм, собранных ими среди своих членов, уходила на административные расходы.

Общества сборщиков и некоторые другие централизованные общества в действительности никогда не носили демократического характера. Они шли навстречу определенной потребности и поэтому процветали; но в отличие от орденов и некоторых местных обществ они фактически не создавались и не управлялись коллективом своих членов.

Некоторые другие типы обществ взаимопомощи представляют собой нечто среднее между доподлинным взаимным страхованием и чистым индивидуализмом сберегательных касс. Таковы были депозитные общества, в которых только часть взносов шла на образование общего фонда, а остальное накоплялось в виде депозита на текущем счету отдельного вкладчика; право каждого члена на получение пособий из общего фонда зависело от суммы его текущего счета. Другие общества принадлежали к «распределительному» типу, т.-е. они выдавали пособия на основе взаимного страхования только известный период времени; в конце этого периода члены их распределяли между собой баланс, а потом снова делали взносы, и все начиналось сызнова. Очевидно, что при таком способе не было возможно накопление больших фондов на случай каких-нибудь крупных непредвиденных расходов.

Короче говоря, около 1870 года было много обществ различных типов, выдававших своим членам всевозможные пособия. На ряду с местными мелкими клубами мы встречаем большие национальные организации, на ряду с об'единениями, члены которых связаны узами доброго товарищества и совместной общественной деятельности, — чисто деловые предприятия. Но все эти различные типы обществ отвечали, хотя часто и весьма несовершенно, действительным потребностям. Характер и причину возникновения этих потребностей в определенную историческую эпоху я пытался уже раз'яснить.

Кроме того, на ряду с обществами взаимопомощи вырос целый ряд организаций, имеющих в значительной степени подобные же цели. Организация сберегательных касс была предложена Дефо в 1697 году; такие кассы были основаны

в XVIII веке в различных частях Германии и Швейцарии. Бентхэм снова предложил их в 1797 году, а двумя годами позже в Англии открылась первая сберегательная касса в Виндовере. В 1807 году Уитбрэд предложил организовать сберегательные кассы при почтамте; но это не состоялось до 1861 года. Тем временем быстро размножились добровольные сберегательные кассы. В 1817 г. прошел первый акт о сберегательных кассах, к которому впоследствии был сделан целый ряд дополнений и поправок.

Другой значительной организацией, содействовавшей сбережениям в эпоху королевы Виктории, было строительное общество. Вряд ли нужно указывать, что это название было неправильным, так как строительное общество не занималось само постройкой домов, а только выдавало своим членам пособия для покупки домов, уже построенных другими лицами. Строительные общества начали основываться в конце XVIII столетия, но только в 1836 г. о них был издан специальный закон. Сначала они были временными организациями, существующими только до тех пор, пока каждый из членов получал и возвращал необходимый ему заем. Но с 1846 года начал развиваться тип современного постоянного строительного общества. В то же самое время появилась дифференциация между вкладчиками и заемщиками, которые первоначально были одними и теми же лицами. Таким образом, строительные общества, подобно потребительским обществам, стали обширным резервуаром для помещения мелких сбережений рабочего и мелко-буржуазного класса, представляя собой нечто вроде акционерных компаний с ограниченной ответственностью.

Строительные общества, даже если их управление и носило до некоторой степени демократическую форму, являлись чистейшими деловыми предприятиями, лишенными обычно всякого общественного оттенка. Но долгое время их деловая репутация была крайне плоха. Были частые растраты и, вообще, многие общества долгое время были неустойчивы в финансовом отношении. Громкий крах «Либератора» в 1893 году был только кульминационным пунктом неудач строительных обществ. Это, наконец, вызвало коренную их реорганизацию. Многие общества были закрыты, а оставшиеся поставлены на более твердую основу. Но и до этого, несмотря на сомнительную финансовую репутацию многих строительных обществ, в этот тип организации были вло-

жены большие капиталы, в виду того, что такие общества несомненно отвечали насущной потребности.

Совершенно иной характер носили рабочие клубы, появившиеся в большом числе в 1860 году и позднее; они отвечали не финансовым, а социальным потребностям общества. Движение за организацию клубов было начато священником Генри Солли, которого мы опять встретим как временного члена редакционной коллегии «Beehive» («Улья»), наиболее влиятельной рабочей газеты 60-х и 70-х годов. Первоначально спиртные напитки были изгнаны из клубов. Организаторы их стремились дать рабочим место, где бы они могли провести часы досуга за разумными развлечениями, в противоположность трактирам, где на первое место ставилось пьянство. Но постепенно, под давлением большинства посетителей, спиртные напитки стали подаваться и в клубах. Союз распространения клубов и других учреждений для рабочих, основанный в 1862 году, в первые двенадцать лет своей жизни развивался медленно. В 1873 году он был поставлен на демократическую основу и с 1875 года, приняв современные организационные формы, стал быстро расти. Некоторые из клубов были связаны с той или иной политической партией; но в целом движение не имело и не имеет определенной политической окраски. Оно носит чисто общественный характер, с легкой примесью просветительной деятельности [1]).

Однако, великое кооперативное движение, описанное в предыдущей главе, являлось резервуаром для помещения сбережений рабочего класса в большей степени, чем все эти организации. Правда, это положение может быть применялось, главным образом, к потребительским обществам, которые предоставляли вкладчику гораздо более благоприятные условия, чем производительные общества. Последние, как мы видели, всегда были вынуждены продавать свои продукты частично на вольном рынке и там им приходилось конкурировать непосредственно с капиталистическими производителями. Это препятствие можно было бы преодолеть, если бы производительные общества находились в равных условиях с капиталистами. Однако, обычно, они были го-

[1]) Роль клубов, их служба укреплению связи рабочих с капитализмом здесь совершенно не освещены. «Марксист» Кол не догадывается об этой роли, делающей понятным участие в клубном строительстве 50-70 г.г. преимущественно священников и др. «просветителей» рабочего класса... Прим. ред.

раздо слабее последних. Они отнюдь не имели таких возможностей для создания капитала, какие имели потребительские общества. Рабочий вкладчик заинтересован в безопасном помещении своего капитала более, чем в получении большой прибыли. Когда потребительские общества упрочили свое положение, они представляли вкладчику прекрасное обеспечение безопасности; производительная же деятельность, основанная на конкуренции, неизбежно связана с гораздо большим риском. Рабочий предпочитал вверять свои сбережения кооперативному потребительскому обществу. Оставляя там же дивиденды на свой пай, он давал этим обществам возможность сравнительно легко накопить значительный капитал. Член потребительского общества часто предпочитал оставить свой дивиденд, чтоб увеличить пай, вместо того, чтоб тратить его на текущие расходы. Таким образом, потребительская кооперация скоро выдвинулась вперед, далеко обогнав производительную. Кооперативное движение эпохи королевы Виктории носило, таким образом, характер организации для совместного накопления сбережений. В значительно меньшей степени оно было прямым вызовом капиталистической системе наемного труда [1]).

Все движения и организации, которые мы рассмотрели в этой главе, — общества взаимопомощи, сберегательные кассы, строительные общества, кооперативные лавки, — составляют вместе чрезвычайно мощный аппарат для поощрения бережливости и взаимного обслуживания на основе этой бережливости. Но ни одна из этих организаций не была исключительно рабочей организацией; более того, ни одна из них, за исключением наиболее слабых обществ взаимопомощи, низовых клубов и обществ сборщиков, не сумела проникнуть в сколько-нибудь значительной степени в низшие слои рабочего класса. Преобладающим элементом в более демократически организованных обществах взаимопомощи была мелкая буржуазия. Среди членов кооперативного движения тоже всегда был довольно значительный процент мелкой буржуазии; все же, вследствие неизбежного антагонизма между кооперацией и торговым капиталом, это движение повсеместно носило характер преимущественно

[1]) В этот период оно и вовсе перестает быть таким вызовом; идеалы рочдельских пионеров о перестройке всего мира на началах кооперации совершенно сходят на нет с 70-х годов, и Голиок начинает в своих работах жаловаться на „торгашеский дух" кооперативов. Последние становятся в оппозицию даже к профессиональному движению, заявляя, что кооперация удовлетворяет все нужды рабочих. Прим. ред.

чисто рабочего движения. Более крупные общества взаимопомощи, за исключением орденов, а также строительные общества и сберегательные кассы с самого начала были или вскоре стали чисто деловыми предприятиями, имевшими со своими членами лишь денежные отношения. Из всех описанных течений лишь в одном кооперативном движении кроется такая социальная сила, которая могла бы создать из него могущественное орудие экономического переворота.

Однако, в этой книге мы не можем входить в обсуждение более широких проблем кооперации. Мы разбирали здесь все эти течения с точки зрения их проявления в эпоху королевы Виктории; в эту эпоху общество, после судорог промышленной революции, стало создавать такие организации, которые позволили бы использовать все возможности капиталистической системы. Я старался выявить те мощные социальные силы, которые в этот период побуждали рабочих усвоить привычки бережливости и воздержания. А это заставляло их найти способы для взаимного страхования против жизненных непредвиденностей, а также места для безопасного помещения своих сбережений. Хотя кооперация никогда не теряла своего идеалистического и антикапиталистического характера, который она приобрела под влиянием Оуэна, мы видели, что в эпоху королевы Виктории облик ее значительно изменился. Идеализм отошел на задний план, и она стала развиваться скорее как коллективная деловая организация, воспринявшая многие особенности капитализма, чем как прямой конкурент капиталистическому предприятию. Точно также и общества взаимопомощи, не теряя своего прежнего характера, все более и более превращались в общества взаимного страхования. Элемент товарищества, игравший прежде первенствующую роль, все более и более отходил на задний план.

Таким образом, в эпоху королевы Виктории все было направлено к тому, чтобы подчинить организации рабочего класса стремлению, которое господствовало во всех проявлениях общественной жизни той эпохи — стремлению к стяжанию, под влиянием которого ценность людей определялась их богатством, а добродетели измерялись в денежных знаках. Совершенно очевидно, что такое настроение, действуя в течение долгого времени, сильно способствовало накоплению капитала, увеличению богатств и повышению общего уровня благосостояния. Лишь в позднейший период обнаружилось, что вместе с этим оно также возбудило серьезные вопросы,

на которые капитализм не мог дать ответа. До тех пор, пока можно было легко найти за границей все новые и новые рынки для сбыта товаров, которые бережливый народ производил во все большем и большем количестве, процесс накопления богатств проходил для большинства людей гладко; но уже в то время некоторые деятели, в том числе Карл Маркс, предсказывали, что придет то время, когда главной задачей общества будет не производить товары в достаточном количестве, а найти средства для потребления того, что оно способно производить.

В этом, однако, мы забегаем вперед. В эпоху королевы Виктории мы видим, как большая группа рабочих, особенно из числа более квалифицированных и занятых в более организованных отраслях промышленности, постепенно поднялась над уровнем нищеты предшествующего периода и более или менее прочно обеспечила свое существование. Цели и политика профессионального движения той же эпохи, о чем будет речь в следующей главе, отражают на себе действие тех же сил. Изложенное позволяет сказать, что в эпоху королевы Виктории значительная часть рабочих получила возможность сверх необходимого прожиточного минимума приобрести некоторые излишки. Это повлекло за собой сильное расширение коллективной деятельности. Вместо того, чтобы истратить свои маленькие излишки, рабочий в ту эпоху откладывал их, чтобы прежде всего хоть отчасти застраховать себя от жизненных случайностей; государство, придерживаясь принципа невмешательства, отказывалось помочь ему в этом. Затем рабочий стремился обеспечить свою старость или покупкой собственного дома через посредство строительного общества, или помещением своих сбережений в то же строительное общество, а также в потребительскую кооперацию. Рабочий эпохи королевы Виктории быстро усвоил науку, которую его хозяева охотно ему преподавали. Он был безупречен в смысле бережливости. Во многих отношениях эта бережливость делала его более терпимым, чем предыдущее поколение, к тому общественному строю, в условиях которого он жил. Она заставляла его приспособляться к нему в своих помыслах и действиях. Политика лидеров «либерально-рабочего» движения делается понятной сразу, как только мы поставим ее в связь с экономической основой общества эпохи королевы Виктории.

ГЛАВА III.

ОБНОВЛЕННОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ.

1. Профессиональное движение 1835—1850 г.г.

Новые методы организации, внесенные рочдельскими пионерами, в течение немногих лет привели к глубокому изменению характера и политики кооперативного движения. В профессиональном движении таких глубоких и решительных перемен не было. Профессиональные союзы встречали гораздо более упорное противодействие со стороны предпринимателей, чем кооперативное движение; условия же их повседневной работы представляли значительно большее разнообразие. Задачи потребительской кооперации были, в сущности, одни и те же по всей стране, а методы профессиональной организации, удовлетворявшие текстильщиков, не отвечали потребностям строителей; то, что подходило горнорабочим, оказывалось неприемлемым в условиях работы машиностроителей. Профессиональное движение всюду переживало глубокие сдвиги в связи с новыми экономическими и социальными условиями. В то же время новые союзы принимали весьма различные организационные формы и в своей работе шли разными путями.

Это обстоятельство, имеющее чрезвычайно большое значение, может остаться незамеченным, если мы сосредоточим наше внимание на союзах только одного определенного типа. Так, например, основанное в 1851 году Амальгамированное общество машиностроителей обычно называется профессиональной организацией «нового образца». Отсюда как будто бы следует, что оно было образцом, которому все позднейшие союзы непременно старались подражать. В этом есть, конечно, некоторая доля истины; действительно, амальгамированные общества были наиболее характерным проявлением профессиональной организации времен коро-

левы Виктории; но вместе с тем новые организации горнорабочих и текстильщиков тоже не менее интересны. По взглядам своим они до некоторой степени отличаются от Об'единенных обществ, а их политика вытекает из особого экономического положения данных категорий рабочих.

В этой главе я попытаюсь описать различные формы, в которые вылилось «новое профессиональное движение», и подчеркнуть их сходства и их различия.

В предыдущем томе этого исследования история профессионального движения была доведена до великого краха 1834 года, когда «Великий национальный об'единенный союз профессий» пал под совместным натиском предпринимателей и правительства. После этого делались только отдельные замечания о его возрождении в связи с чартистским движением, а затем в связи с агитацией Оуэна. Теперь мы продолжим наше повествование и, начав с 1834 года, доведем его до эпохи под'ема профессионального движения в пятидесятых годах. Когда «Великий союз профессий» распался, те группировки, из которых он был составлен, сохранили свое существование. Большинство их первоначально возникло из местных профессиональных клубов или даже из находившихся в то время в зародыше национальных профессиональных об'единений. Многие из этих единиц погибли в общем крахе; большинство новых членов, вступивших в организацию в момент общественного под'ема, разбежалось; но многие местные и некоторые национальные организации устояли и удержались во время катастрофы. То же самое явление наблюдалось и при разгроме других больших профессиональных союзов 1834 года — прядильщиков, гончаров, швейников и строителей.

Итак, сохранился целый ряд национальных об'единений. Из строительных профессий сохранили свою организацию каменщики и плотники. Союз каменщиков был самым устойчивым и мощным союзом во всей Англии вплоть до образования «Амальгамированного общества машиностроителей». В металлической промышленности, где рабочие не принимали большого участия в общественном под'еме 1830—1834 г.г., продолжал, по крайней мере, номинально существовать целый ряд национальных об'единений. Строители паровых машин Ливерпуля, подмастерья машино-паровозостроительных заводов Манчестера, механики Иоркшира, «старые кузнецы» и «Дружеское общество железолитейщиков» — все эти организации начали свою летопись задолго до последних

потрясений и все они дожили до об'единения в 1851 году. Хлопчатобумажники Ланкашира, горнорабочие Северо-Восточного побережья и других областей сохранили, по крайней мере, остовы своих организаций. Союз гончаров почти совершенно исчез, но снова возродился в 1843 году. Котельщикам, об'единившимся в национальном масштабе в 1834 г., удалось поддержать непрерывное существование своей организации.

Возрождение профессиональных союзов ясно почувствовалось уже в 1841 году. Под руководством Мартина Джюдда и организаций Северо-Восточного побережья горнорабочие основали «Великобританскую ассоциацию горнорабочих» и положили начало регулярным национальным делегатским конференциям. Далее, они стали высылать из центра в местные шахты специальных организаторов. Уже в следующем году в Уэльсе и северных графствах вспыхнул ряд крупных стачек под руководством чартистов. Но промышленность в те годы испытывала депрессию, а движение было недостаточно сильно, чтобы противостоять совместному натиску безработицы и правительственных преследований. Забастовщики потерпели поражение и должны были вернуться к работе на условиях, выставленных предпринимателями. В 1843 году подобное же поражение потерпели горнорабочие Южного Уэльса, и, как и в 1834 г., вслед за распадом их союза возникла террористическая организация, известная под названием «Шотландский скот» (Scotch Cattle). В 1844 г. горнорабочие Западного Иоркшира и Дургэма были вовлечены в неудачную забастовку, которая совершенно обессилила их союзы. В 1847 году была сломлена большая национальная организация Мартина Джюдда. Попытка ее реорганизации в общенациональном масштабе окончилась неудачей. Однако, некоторые наиболее крупные ее составные части продолжали существовать. Как в Ланкашире, так и на северо-восточном побережье союзы сохранили свою организацию.

К этому периоду истории горнорабочих относится один метод профессиональной борьбы, которым они всегда широко пользовались впоследствии. Горнорабочие, более чем какая-либо другая категория рабочих, страдали от непрестанных преследований со стороны закона. Союз Джюдда пригласил известного чартистского адвоката В. П. Робертса на постоянную должность с годовым окладом в 1.000 фунтов. Ему было поручено по всем возникаю-

щим делам защищать в суде интересы союза. Он пользовался в своей деятельности чрезвычайным успехом, и его называли «генеральным юрисконсультом горнорабочих». Даже после распада союза горнорабочих он в течение многих лет часто выступал во всякого рода судебных процессах, касавшихся профессиональных союзов.

Горнорабочие, таким образом, непрерывно вели активную работу. В то же время организации машиностроителей, до сих пор не игравшие крупной роли в профессиональном движении, стали приобретать все большее и большее значение. Уже в 1836 году лондонские об'единения машиностроительных рабочих общими силами провели успешно забастовку за 10-ти часовой рабочий день. Но настоящее передовое движение среди этой категории рабочих началось только в Ланкашире в начале сороковых годов. В 1844 году в Ланкашире произошла об'единенная стачка против попыток предпринимателей ввести систему увольнительных удостоверений. Эта стачка вылилась в движение за общее улучшение условий труда на производстве. В том же году лондонские машиностроители об'единенными силами снова одержали победу в борьбе за сокращение рабочего дня. В 1847 году возникло движение за более тесное единство рабочих организаций. Оно возглавлялось обществом подмастерьев на заводах паровых машин — самой крупной и значительной организацией машиностроителей. Вильям Ньютон в Лондоне и Вильям Аллан, ставший в 1848 году генеральным секретарем в Ланкашире, ревностно проповедывали идею об'единения. В 1850 году им удалось об'единить целый ряд довольно крупных организаций. Амальгамированное общество машиностроителей было официально основано в начале 1851 года, и, после нескольких месяцев колебаний, в него стали вливаться широким потоком отдельные рабочие и мелкие местные организации. Только немногие организации, среди которых наиболее значительным было Ливерпульское общество строителей паровых машин, отказались войти в об'единенное общество машиностроителей. Котельщики и железолитейщики, однако, тоже сохранили свою обособленность и положили начало большим независимым организациям в других отраслях машиностроительной промышленности. В следующей главе мы опишем особое положение и влияние Амальгамированного общества машиностроителей.

Кроме машиностроителей, другие категории рабочих обнаруживали то же стремление к более тесному единству. Национальная ассоциация печатников образовалась в 1845 г. путем об'единения ряда местных организаций. Правда, через два года она распалась вследствие внутренних разногласий. Но уже в 1849 году некоторые передовые провинциальные об'единения образовали Провинциальную ассоциацию печатников, а в Лондоне общество наборщиков в своей организации приобрело некоторые черты, сохранившиеся и по сие время.

Строительные рабочие, довольно инертные в деле улучшения своей организации, проявляли большую активность в рабочем движении. В 1846 году они об'явили в Ланкашире забастовку за 9-ти часовой рабочий день. Забастовка эта, правда, кончилась неудачей. В 1848 и следующих годах в Лондоне да и по всей Англии вспыхивали многочисленные мелкие забастовки с требованием сокращенного рабочего дня по субботам. В большинстве случаев рабочие одерживали победу. В 1847 году секретарем Союза каменщиков стал Ричард Харнотт. Это был, пожалуй, наиболее типичный и влиятельный лидер профессионального движения того времени, и под его руководством Союз приобрел большую силу и влияние.

Активность профессиональных союзов ярче всего проявилась в 1845 году, когда была сделана попытка об'единить все профессиональные союзы для совместных действий и взаимной защиты. По инициативе шеффильдских организованных рабочих, лидером которых был Джон Дрюри, конференция профессиональных союзов постановила в том году образовать Национальную ассоциацию об'единенных профессий для защиты труда. По названию и по уставу ассоциация эта напоминала более раннюю ассоциацию, основанную Джоном Догерти в 1830 году. Очевидно, что организаторы новой ассоциации, при основании ее, постоянно имели в виду старый образец. Преемственность стала еще более очевидной, когда возродилась идея кооперативного производства под контролем профессиональных союзов и была создана вспомогательная организация — Национальная ассоциация об'единенных профессий для найма труда. Целью этой организации было собрать средства для создания кооперативных фабрик и мастерских. Президентом обеих ассоциаций стал Томас Слингсби Дёнкомб, известный радикальный член пар-

ламента, сочувствовавший чартизму. Дело пропаганды пошло полным ходом.

Однако, на примере этого начинания обнаружилось, что хотя профессиональное движение снова в значительной степени возродилось, дух профессиональных союзов был уже не тот. Только немногие из крупных союзов согласились присоединиться к Ассоциации. Промышленная депрессия в 1845 и 46 г.г. сопровождалась целым рядом стачек и локаутов, которые истощали фонды Ассоциации. Попытки к образованию кооперативных мастерских были скоро оставлены, и Ассоциация для найма труда влилась в главную организацию. Но и последняя в этот момент уже переживала упадок и потеряла значительную долю своей силы и влияния; кроме того, она изменила свою тактику. Наиболее значительным ее достижением было проведение в 1859 году акта, узаконившего выставление мирных забастовочных пикетов. После этого она сделала очень немного. Протянув свое существование до 1867 года, она в последние свои годы была уже известна лишь своей проповедью примирения и законодательных мер для сохранения промышленной гармонии. Она формально прекратила свое существование, когда был проведен скороспелый акт о примирении 1867 года.

В первые годы существования Национальной ассоциации ее силы истощались не только стачками. Ей приходилось терпеть и от преследования со стороны закона. В 1847 г. на основании ничем не подтвержденного доноса двух каторжников (convicts) Джон Дрюри и трое других лидеров профессионального движения в Шеффильде были обвинены в подстрекательстве к разрушению машин. Они были приговорены к десяти годам ссылки. Когда же удалось найти формальное основание для отмены этого чудовищного приговора, на сцену сразу появилось новое обвинение. Национальная ассоциация взяла на себя ведение этого дела, и после года проволочек заключенные были, наконец, освобождены. Эти преследования ускорили падение Ассоциации.

Национальная Ассоциация об'единенных профессий стоит как раз на линии раздела между старым и новым профессиональным движением. С одной стороны, как и думали ее основатели, это была поздняя попытка организации «Генерального союза» на оуэновских началах с кооперативными и социалистическими целями. Но, с другой стороны, как то и вышло в действительности, она являлась воплощением новой идеи сотрудничества с капитализмом и идеи мирных

отношений с предпринимателями. Ассоциация была не очень удачным воплощением этой идеи, так как предприниматели вовсе не были готовы к политике соглашений, да и большинство союзов не сознавало необходимости в центральной организации. Каждый союз был занят накоплением своих собственных сил и преследовал свои ограниченные цели. «Опыт прошлого, — писал манчестерский каменщик, — показал нам, что мы имели достаточно генеральных союзов».

2. Новые образцы профессиональной организации. Машиностроители и хлопчатобумажники.

Амальгамированное общество машиностроителей обычно называют «новым образцом» организации профессиональных союзов. В действительности, «образцом» было не само Амальгамированное общество машиностроителей, а его предшественник — Общество подмастерьев заводов паровых машин (основанное в 1826 году). Методы организации и устав этого общества с незначительными изменениями были приняты Амальгамированным обществом машиностроителей. Но кампания за об'единение мелких союзов машиностроителей привлекла к Амальгамированному обществу машиностроителей широкое внимание общественных кругов и сделала его руководящим союзом Англии. Пример его вызвал многочисленные подражания. Общество это стало образцом для целой серии «амальгамированных обществ», образовавшихся в течение последующих двадцати лет.

Основным принципом этой новой организационной формы была тесная связь между профессиональной деятельностью и рабочей по взаимопомощи. Амальгамированное общество машиностроителей выдавало своим членам всевозможные пособия, начиная с пособия во время стачек и безработицы и кончая пособиями по болезни и пенсиями для престарелых рабочих. Чтобы быть в состоянии выплачивать все эти пособия, оно должно было взимать довольно крупные членские взносы; взнос в один шиллинг в неделю был доступен только для наиболее бережливых и хорошо оплачиваемых квалифицированных рабочих. Новая организация машиностроителей была да и должна была быть, по замыслу своих учредителей, об'единением квалифицированных рабочих, связанных тесными узами цеховых интересов. Они на ряду с промышленной деятельностью уделяли много интереса и делу взаимного страхования. Короче, Амальгами-

рованное общество машиностроителей было в равной степени и профессиональным союзом и обществом взаимопомощи.

Для учреждений подобного рода была необходима гораздо более тщательная финансовая организация, чем та, которою обладали обычные профессиональные общества. О централизации фондов не могло быть и речи, так как закон не предоставлял им достаточной гарантии неприкосновенности; но централизацию финансового управления можно было осуществить и не собирая воедино все фонды, а оставив их при местных отделениях. Для этого достаточно было установить систему периодического перераспределения фондов между местными отделениями, сообразно числу их членов, а также выработать подробную инструкцию для выдачи каждого вида пособия. В вопросах промышленного значения была проведена еще более строгая централизация. Ни одно стачечное пособие не могло быть выдано без прямого предписания центрального исполнительного комитета. Распределение пособий, в соответствии с установленными правилами, возлагалось на местные отделения; но для промышленной деятельности филиальные отделения были сгруппированы в окружные комитеты; эти комитеты были независимы во всех вопросах. Но об'явление забастовки не входило в их компетенцию.

Аллан и Ньютон были двумя выдающимися деятелями в новом союзе. Аллан — осторожный шотландец — занял в Обществе пост генерального секретаря. Он был очень компетентным финансовым администратором. Ньютон был человеком несколько иной формации. Вначале он служил десятником на одном из заводов в Лондоне, но был уволен за активное участие в работе своего профессионального союза. Тогда (в 1848 году) он открыл кабак, который скоро стал крупным рабочим центром. Он убедил лондонских машиностроителей примкнуть к Амальгамированному обществу, а в 1852 году его кандидатура в парламент была выдвинута от местечка Тоуэр-Хэмлетс как чартистская. Он был ближайшим другом Аллана, но в своей деятельности склонялся к проведению более активной профессиональной политики. Однако, он никогда не был постоянным должностным лицом Общества. Все характерные особенности Амальгамированного общества машиностроителей как со стороны внутреннего управления, так и со стороны политики были скорее обязаны осторожности Аллана.

В начале своей деятельности Амальгамированное общество машиностроителей выступало, как воинствующая промышленная организация. Главной задачей ее политики было усиление контроля над условиями труда. Уже в 1845 году Общество подмастерьев заводов паровых машин выступило против систематической сверхурочной работы, против найма неквалифицированных рабочих для работы у машин и против сдельной работы. Надежда на более успешную борьбу с этими злоупотреблениями была одним из главных мотивов за об'единение. Как только Общество было основано, его наиболее активные филиальные отделения стали выдвигать свои требования. Предприниматели тотчас же ответили угрозой образовать свой союз для борьбы с притязаниями рабочих. И действительно, уже в 1851 году Центральная ассоциация нанимателей машиностроительных рабочих и Амальгамированное общество машиностроителей во весь рост стояли друг перед другом и готовились к взаимному нападению.

К этому времени Амальгамированное общество машиностроителей провело среди своих членов голосование по вопросу об уничтожении сдельщины и постоянной сверхурочной работы. Громадное большинство высказалось за немедленные действия. Предприниматели заявили, что в ответ на стачку, хотя бы в одном только предприятии, они об'явят локаут всех членов Об'единенного общества машиностроителей. Переговоры, предложенные Обществом, были отвергнуты. Тогда машиностроители отказались работать сверхурочно, и в январе 1852 года был об'явлен общий локаут. Он распространился от Лондона до Ланкашира, центров сосредоточия сил обеих борющихся организаций.

Борьба продолжалась три месяца. Машиностроители получали значительную финансовую поддержку как от других союзов, так и со стороны широкой публики; но, в конце концов, они были принуждены вернуться на работу на неблагоприятных для них условиях. Предприниматели сперва даже строили план образования, в противовес Амальгамированному обществу, другого профессионального союза, под их непосредственным контролем. Но затем они только поставили условием обратного приема на работу отказ от членства в союзе. Рабочие должны были давать в этом особую расписку. Но они совершенно правильно решили, что такая расписка, данная ими по принуждению, не может их в чемлибо связывать. Они подписали и остались членами союза.

Прошло немного времени, и Общество снова значительно увеличило число своих членов и свои доходы.

Машиностроительная забастовка произвела в общественных кругах большое впечатление. Христианские социалисты, находившиеся тогда в самом расцвете своей деятельности, оказывали союзам машиностроителей могущественную поддержку. Вместе с Фредериком Гаррисоном и позитивистами они сделались верными союзниками «нового профессионального движения», вынося дело рабочих на арену общественности. Машиностроители заняли первое место в английском профессиональном движении.

Почти в то же самое время текстильщики наново организовали свои силы. В 1852 и 1853 г.г. был перестроен Союз прядильщиков, и впервые в промышленности нашли свое применение «расценочные таблицы» для сдельной работы. Расценки Блэкберна, изданные в 1853 году, представляют собой очень важную стадию в развитии этой формы коллективного договора, которая и до сих пор находит широкое применение в текстильной промышленности. Однако, в том же году прядильщики Престона потерпели значительное поражение, которое, правда, скоро было забыто. Рабочие нескольких прядильных фабрик Престона об'явили забастовку, потребовав повышения заработной платы. Предприниматели ответили об'явлением всеобщего локаута. Стачечное движение распространилось на ряд других городов, где, в большинстве случаев, победа оказалась на стороне рабочих. Но в Престоне предприниматели получали в продолжение всей стачки денежную помощь от ланкаширских заводчиков. Поэтому они твердо держались своих позиций. Из других округов были привезены штрейкбрехеры. Лидеры стачки подверглись аресту. В результате забастовщики должны были вернуться на работу, а арестованные были освобождены без привлечения к суду. Этот случай служит еще одним примером вмешательства административных органов в забастовочную борьбу.

Поражение в Престоне не подсекло дальнейшего развития организации. В продолжение ближайших нескольких лет профессиональное движение быстро разрослось, и уже в 1858 году ткачи последовали примеру прядильщиков и образовали Об'единение ткачей северного Ланкашира — то ядро, вокруг которого позднее выросла современная Об'единенная ассоциация ткачей. Вслед за этим снова разразилась крупная стачка — ткачи Пэдихэма забастовали, потребовав

установления настоящих расценок. Рабочие опять потерпели неудачу. Но она, как и прежде, не приостановила развития профессионального движения.

Эти профессиональные союзы текстильной промышленности как по характеру своей организации, так и по политике, которой они придерживались, резко отличались от профессиональных союзов типа Амальгамированного общества машиностроителей. По своей структуре они и по сию пору остались федеральными об'единениями. Местные цеховые ассоциации не превратились в отделения общенациональной организации, а сохранили свое самостоятельное существование и свои местные фонды и лишь для промышленной борьбы создали центральное об'единение. У них не было того единообразия в системе сбора членских взносов и выдачи пособий, которое так характерно для Об'единенного общества машиностроителей. Их местные отделения сохраняли автономию товарищеской деятельности и в разрешении тех промышленных вопросов, которые касались только их округа. В первое время заработная плата устанавливалась отдельно для каждого города, но расценочные таблицы постепенно становились все более единообразными. На отдельных предприятиях, в зависимости от местных условий, к основным расценкам делались процентные надбавки или с них делались скидки. Основные же расценки вырабатывались центральными органами. Таким образом, в вопросе о заработной плате само собой установилась централизация. Сила об'единений от этого значительно возросла. Машиностроители, имея централизованную организацию, разрешали вопросы о заработной плате на местах. А хлопчатобумажники, вообще предоставляя значительную автономию своим местным отделениям, в вопросах заработной платы склонялись к совместным действиям в масштабе всей организации.

В политике обоих союзов наблюдалось еще одно чрезвычайно существенное различие. Как мы уже видели, деятельность Амальгамированного общества машиностроителей была направлена главным образом к регулированию условий найма на работу; ограничивая сверхурочные работы и число учеников, располагая эмиграционным фондом (в то время довольно распространенным, хотя и бессильным средством, к которому прибегали профессиональные союзы для регулирования найма на работу), наконец, настаивая на том, чтобы к работе у машин допускались лишь квалифицированные

рабочие, машиностроители стремились сохранить за собой те преимущества, которые им давала их квалификация. Хлопчатобумажники не могли проводить такую политику: по самому характеру их профессии у них не могло быть столь развитого ученичества, как у машиностроителей. Далее, машиностроители оплачивались преимущественно повременно и всеми силами боролись против сдельщины. А хлопчатобумажники почти все работали поштучно; сдельная оплата настолько укоренилась в их профессии, что они и не помышляли о каких бы то ни было изменениях в этой области.

Поэтому хлопчатобумажники, прежде всего, были заинтересованы в сокращении рабочего дня и в улучшении условий фабричного труда. Вопрос о заработной плате они готовы были урегулировать собственными силами. Добиться же сокращения рабочего дня и улучшения условий труда на фабриках можно было только законодательным путем. С самого начала столетия хлопчатобумажники вели непрерывную агитацию за фабричное законодательство. Они поддерживали Оуэна в 1816 году. Их «Комитеты сокращения рабочего времени», под руководством Догёрти, принимали большое участие в агитационной кампании, повлекшей за собой проведение фабричного закона 1833 года; наконец, те же комитеты неоднократно выступали в связи с законом Пиля 1844 года, законом о десятичасовом рабочем дне 1847 года и законом о шестидесятичасовой неделе 1850 г.

Машиностроители, имевшие в своих рядах относительно гораздо большее число квалифицированных рабочих различных профессий, почти всецело полагались на свои собственные силы, так как спрос на квалифицированных металлистов превышал предложение. Они мало интересовались фабричным законодательством. Многие из их лидеров, придерживаясь принципов «невмешательства», относились даже отрицательно к фабричному законодательству. Но хлопчатобумажники и текстильщики, наоборот, искали защиты у закона и должны были прибегнуть для этого к методам политической агитации.

Последующее развитие профессионального движения в пятидесятых годах сопровождалось расцветом этих двух форм профессиональной организации. С одной стороны, выросли «амальгамированные общества», построенные по типу Амальгамированного общества машиностроителей, с его тесным переплетением профессиональной деятельности с взаи-

мопомощью, с его централизацией контроля и ограничительными правилами по вопросам о найме и условиях труда. С другой стороны, выросли об'единения, сходные по типу с Ассоциациями ткачей и прядильщиков. Для этого типа организаций были характерны децентрализация финансового управления, федеральная структура, коллективные переговоры на основе твердо установленных расценочных таблиц и — что важнее всего — упорная борьба за законодательное регулирование продолжительности рабочего дня и условий фабричного труда. Эти два типа организаций не были враждебны друг другу, но они смотрели на задачи рабочего класса в области промышленной борьбы с различных точек зрения и концентрировали свое внимание на разных моментах. Поэтому они стремились работать самостоятельно и не чувствовали необходимости совместных действий. Мы увидим в дальнейшем, как это положение изменилось под влиянием развития у горнорабочих третьего типа профессиональной организации. Тип союзов горнорабочих содействовал об'единению всего профессионального движения на общих основаниях.

3. Строители.

Одним из следствий роста общественного благосостояния в эпоху королевы Виктории было развитие строительной промышленности. В 50-ые и 60-ые годы быстрым темпом пошло строительство заводов, железных дорог, муниципальных зданий и т. п. Для этого требовалось много рабочих рук; стал ощущаться недостаток в квалифицированных строительных рабочих. Неудивительно поэтому, что профессиональные организации строителей играли крупную роль в профессиональном движении и проявляли большую активность в промышленной борьбе. До выступления машиностроителей на арену профессионального движения, наиболее мощным профессиональным союзом Англии было Общество каменщиков. Его центральные фонды никогда не были особенно велики и его местные отделения обладали значительно большей автономией, чем местные отделения Об'единенных обществ. В самом деле, это был союз старого типа, типа боевой организации, а не дружественного общества. В нем сохранялась старинная традиция местной независимости. Другие строительные цехи были организованы значительно хуже. Дружественное общество столяров

и плотников — национальная организация, пережившая вместе с каменщиками крах 1834 года — было бездеятельно и не пользовалось сколько-нибудь значительным влиянием. Большинство рабочих этих цехов было или вовсе неорганизовано, или об'единялось в рабочих клубах, в лучшем случае слабо связанных друг с другом об'единенными комитетами, имевшими исключительно местное значение. Лондонский Орден кладчиков кирпича был основан в 1848 году, а Манчестерский альянс маляров — в 1855 году; но только много позднее они стали зародышами общенациональных организаций. Вплоть до 1860 года они имели чисто местное значение. Кровельщики, а также и плотники примкнули в 1845 г. к Национальной ассоциации об'единенных профессий. Эта же Ассоциация была вдохновительницей движения за об'единение строительных рабочих, по примеру, данному самим Оуэном. Но это движение было преждевременным. В пятидесятых годах организация строителей носила, преимущественно, форму местных об'единенных движений, почти не связанных друг с другом. Центром каждого такого движения был чахлый независимый местный клуб. Кроме того, у них было несколько национальных союзов с местными отделениями. Тем не менее, они проявляли значительную активность в промышленной борьбе. Каменщики, под руководством Харнотта, успешно охраняли монополию своего цеха и поддерживали на должной высоте свою заработную плату. А начиная с 40-х годов все строительные профессии принимали деятельное участие в движении за сокращение рабочего дня и за повсеместное введение сокращенного рабочего дня по субботам. Мы уже упоминали о ланкаширском об'единенном движении 1846 года и о лондонском об'единенном движении 1848 года.

В 50-х годах набежала новая волна активной деятельности. В 1853 году, по инициативе каменщиков, возникло движение за сокращение рабочего дня. В 1856 году в результате крупной стачки, охватившей все строительные профессии, манчестерские рабочие добились установления сокращенного рабочего дня по субботам. В следующем году лондонские плотники при посредстве своих об'единенных комитетов, представлявших многочисленные местные клубы, потребовали введения девятичасового рабочего дня. Предприниматели ответили отказом. Более того, в Лондоне и Ланкашире подрядчики-строители создали собственные сильные организации для сопротивления требованиям рабочих. Тогда

лондонские рабочие придали своему движению более широкий характер и, для защиты своих требований, основали (1858 г.) Об'единенный комитет плотников, каменщиков и кладчиков кирпича. Этот Комитет прежде всего пред'явил требования четырем фирмам. Глава одной из этих фирм ответил увольнением зачинщиков; тогда все его рабочие забастовали. Подрядчики встретили стачку локаутом и отказались вести переговоры с союзами на каких бы то ни было основаниях, потребовав, чтобы рабочие дали подписки, что отказываются от членства в профессиональных союзах — на этом условии бастующие могли быть приняты обратно. Все это было в 1859 году.

В 1852 году подобное же условие обратного приема на работу ставилось машиностроителям, и тогда вопрос этот был действительно вопросом жизни и смерти всего профессионального движения. Теперь та же угроза висела над строителями, и, как и прежде, возникло движение за организацию поддержки той части рабочего класса, которая в данный момент подвергалась нападению. Машиностроители, помня о той поддержке, которую они получили семь лет назад, передали в течение трех недель в забастовочный фонд 3.000 фунтов. Повсюду профессиональные союзы организовывали сборы и создавали особые об'единенные комитеты помощи строителям. В Лондоне для организации помощи был создан постоянный комитет союзов других профессий.

На стороне лондонских строителей было и то преимущество, что во главе их стоял лидер, пользовавшийся исключительной популярностью, Джорж Поттер, член одного из незначительных местных об'единений плотников. Он был талантливым оратором и памфлетистом и обладал исключительным умением увлекать за собой массы. Перед лицом такого воодушевления рабочих и оказываемой им отовсюду поддержки подрядчики-строители не могли надеяться на тот успех, которого добились машиностроительные предприниматели в локауте 1852 года. Борьба продолжалась месяцы, но в конце концов предприниматели отказались от своих требований — расписок рабочих о неучастии в союзе. Рабочие, однако, были недостаточно сильны, чтобы настоять на своих требованиях, и работа была возобновлена на прежних условиях. Требование девятичасового рабочего дня было взято назад еще до конца забастовки, чтоб сосредоточить все силы союзов на борьбе с посягательствами предпринимателей на их право существования и ведения перего-

воров от имени своих членов. Как и в 1834 г., так и теперь была сделана попытка прибегнуть к помощи производственной кооперации для борьбы с локаутом. Группа рабочих организовала Лондонскую строительную компанию по образцу прежних гильдий. Но вскоре по окончании забастовки эта организация распалась.

Поттер не хотел примириться с неудачей движения за сокращение рабочего дня. Не успел конфликт кончиться, как он уже предложил снова созвать Об'единенный комитет и в следующем году организовал в Дерби Конференцию профессиональных союзов, которая согласилась образовать Всеанглийскую ассоциацию борьбы за сокращение рабочего дня в строительной промышленности. Таким образом, движению был придан общенациональный характер. Тогда подрядчики-строители сделали следующий маневр. До этого времени строительные рабочие получали заработную плату еженедельно. Теперь предприниматели об'явили, что они предполагают ввести систему оплаты по часам, с тем чтобы дать рабочим возможность устанавливать продолжительность рабочего дня по собственному желанию. Это, конечно, означало, что если рабочие захотят работать только девять часов, их заработная плата соответственно уменьшится. Маневр подрядчиков вызвал целый ряд стачек, но постепенно почасовая система оплаты была все же введена, и движение за сокращение рабочего дня потерпело временное поражение. Оно не возобновлялось вплоть до 1867 года или вернее до 1871 года. В 1867 г. каменщики Северо-восточного побережья бастовали за девятичасовой рабочий день, а в 1871 году машиностроители забастовали и добились введения девятичасового рабочего дня.

Строительный кризис 1859—60 года оказал значительное влияние на профессиональную организацию, в строительной промышленности и в других отраслях. Мы увидим дальше, что он ускорил рост постоянных профессиональных советов в больших промышленных центрах и значительно содействовал усилению духа единства среди рабочих различных профессий. Выявив то хаотическое состояние, в котором находилась организация большинства строительных профессий, строительный кризис дал начало движению за создание мощных национальных союзов по типу союзов каменщиков или машиностроителей. Об'единенное Общество столяров и плотников, основанное в 1860 году, в точности следовало последнему образцу. Один из главных руководителей дви-

жения Роберт Эппльгарт, бывший ранее секретарем местной организации столяров Шеффильда, в 1862 году был избран генеральным секретарем нового общества и сразу встал в первые ряды лидеров профессионального движения. Общество штукатуров, основанное в 1860 году, в своей организации следовало образцу каменщиков. Постепенно и другие строительные профессии последовали этим примерам, и — хотя очень медленно — была создана более мощная национальная организация.

4. Горнорабочие.

Тем временем возникло организационное движение среди горнорабочих. Мы видели, как Великобританская ассоциация горнорабочих, основанная Мартином Джюддом, распалась к 1848 году и попытка к ее возрождению в 1850 году окончилась неудачей. Союзы не погибли совершенно; почти всюду продолжали существовать кое-какие организации при шахтах. Но даже на Северо-восточном побережье профессиональное движение было крайне обессилено и были порваны все связи между отдельными копями.

Первая попытка к возрождению относится к 1852 году — одновременно на Северо-восточном побережье и в Шотландии. В 1855 году там состоялись многочисленные стачки, что знаменовало возрождение движения в Дургэме и Нортумберлэнде.

В 1856 году Александр Мак-Дональд, с такой энергией организовавший шотландских горнорабочих, обратил свое внимание на английские копи и сделал попытку создать национальную организацию углекопов. В том году произошла большая стачка в Шотландии, длившаяся четырнадцать недель и охватившая от 30 до 40 тысяч рабочих. Шотландская ассоциация горнорабочих была побеждена, но она продолжала существовать, и Мак-Дональд, как ее лидер, сумел оживить организационную работу. Наконец, в 1858 г. ему удалось созвать в Эштоне конференцию представителей значительного числа северных копей. Представителей послали такие центры, как Шотландия, Иоркшир, Ланкашир и Стаффордшир. Конференция в принятой резолюции высказалась за образование Национальной ассоциации горнорабочих, а также положила начало характерной для горнорабочих политики борьбы за законодательную охрану труда. В результате энергичной деятельности Мак-Дональда в 1860 г

был проведен первый закон, регулирующий работу в шахтах. Рабочим было разрешено выбирать из своей среды контролеров для наблюдения за взвешиванием добытого ими угля во избежание злоупотреблений при вычислении их сдельного заработка. Однако, на практике это ничего не дало рабочим.

Тем временем зашевелились рабочие других угольных районов. Так, в 1857 году была большая стачка в Южном Уэльсе, окончившаяся поражением рабочих; в следующем году стачка в Западном Иоркшире привела к компромиссному соглашению. В 1860 году в Южном Стаффордшире и Южном Иоркшире были об'явлены локауты. И, несмотря на поражения, всюду организация становилась все сильнее и сильнее. Неудовлетворенность актом 1860 года усилила волнения, и в 1863 году Мак-Дональду удалось созвать в Лидсе первую действительно представительную конференцию горнорабочих, на которую приехали делегаты от всех значительных угольных районов страны.

На конференции была окончательно сформирована Национальная ассоциация горнорабочих. Мак-Дональд был избран ее президентом, Митчель (из Иоркшира) — секретарем. Но конференция протекала в неблагоприятных условиях. Произошло столкновение между Мак-Дональдом и группой, которая поддерживала некоего Джона Тауэрса, издателя журнала «Шахтер». Раздоры эти, казалось, носили преимущественно личный характер, но затем они осложнились и принципиальными разногласиями. Одна секция настаивала на агрессивной политике в промышленности; сторонники же Мак-Дональда ближайшей целью своей деятельности ставили подготовку парламента и общественного мнения к проведению рабочего законодательства. Большинство конференции требовало проведения в законодательном порядке восьмичасового рабочего дня в шахтах для подростков, но представители Дургэма, во главе с Вильямом Кроуфордом, воспротивились этому предложению, ссылаясь на то, что с укорочением рабочего дня подростков неизбежно уменьшится заработок взрослых рабочих.

Мак-Дональд одержал победу. Национальная ассоциация развивалась, главным образом, как политическая организация. Причина торжества политического течения кроется в той экономической депрессии, которую переживала угольная промышленность. В 1864—1865 годах депрессия эта привела к ослаблению профессиональных организаций. В Нортум-

берлэнде, где Том Барт и Крауфорд реорганизовали в 1863 г. Нортумберлэндскую ассоциацию горнорабочих, союз был устойчив, в Дургэме же организация потерпела крушение и была восстановлена и реорганизована лишь в 1869 году усилиями Крауфорда. В Стаффордшире рабочие потерпели поражение в стачке против снижения заработной платы. Это обстоятельство, в свою очередь, вызвало среди рабочих жалобы на Национальную Ассоциацию за то, что она не проводила единой координированной политики.

Наконец, разногласия привели к расколу. В 1869 году ланкаширские горнорабочие взяли на себя инициативу в созыве конференции недовольных округов. Мак-Дональд решительно стоял за полную децентрализацию в вопросах промышленной борьбы. Ланкаширские горнорабочие были сторонниками сильного национального союза с централизованными фондами и агрессивной централизованной промышленной политикой. На конференции 1869 года была основана Об'единенная ассоциация горнорабочих в противовес враждебной ей Национальной ассоциации горнорабочих.

С этого момента в течение некоторого времени горнорабочие были разделены на два лагеря. Мак-Дональд распространил свою власть на Шотландию и Восток; Об'единенная ассоциация захватила Запад, Нортумберлэнд и Дургэм; Иоркшир, Восточная часть Средней Англии и Шотландия и несколько отдельных пунктов, разбросанных в других округах, составили Национальную ассоциацию. Об'единенная ассоциация охватила Южный и большую часть Северного Уэльса, Ланкашир, Западную часть Средней Англии, Кумберлэнд и юго-западные графства. В 1873 году Национальная ассоциация насчитывала 125.000 членов, а Об'единенная — около 100.000. «Они взяли налево, — сказал Мак-Дональд в 1873 году, — а наш путь лежит направо».

Главными центрами деятельности Об'единенной ассоциации горнорабочих были Ланкашир и Южный Уэльс. В 1871 г. в Южном Уэльсе произошла стачка, которая длилась двенадцать недель. Стачка эта была вызвана снижением заработной платы. Рабочие, при поддержке Об'единенной ассоциации, одержали победу. Но в 1873 году предприниматели вновь заявили о предстоящем снижении заработной платы и об'явили локаут. Результат этого столкновения был весьма неопределенный: условия соглашения вырабатывались отдельно для каждой шахты. К этому времени Об'единенная ассоциация истощила все свои средства. Стачка была

проиграна, и рабочие принуждены были принять систему подвижных тарифов заработной платы. Была сделана попытка образовать новый союз, примыкающий к Национальной ассоциации Мак-Дональда, но нигде, за исключением Монмаутшира, новый союз не приобрел много сторонников. Профессиональное движение было почти с корнем вырвано в большей части угольного района Южного Уэльса и его место заняла система подвижных тарифов заработной платы, описание которой мы даем дальше.

Развал Об'единенной ассоциации об'яснялся отчасти истощением от целого ряда конфликтов, имевших место в Южном Уэльсе, а отчасти и другими обстоятельствами. Когда в 1874 году углекопы Ланкашира об'явили стачку, предприниматели законтрактовали в Корнуэле штрейкбрехеров и привезли их в Ланкашир, чтобы сорвать забастовку, но лидеры Об'единенной ассоциации обратились с воззванием к штрейкбрехерам и убедили их вернуться домой. За это организация была обвинена в заговорщичестве с целью срыва заключенных контрактов. Томас Халлидей, генеральный секретарь Об'единенной ассоциации, предложил дать обещание «не соблазнять» рабочих, которые связаны контрактами. Но предприниматели не удовлетворились этим и потребовали от профессиональных деятелей обещания не побуждать бросать работу всех рабочих, независимо от того, связаны они контрактами или нет. На этих условиях соглашение не состоялось, и шахтовладельцы не взяли назад своего обвинения, иначе говоря, угроза судебного преследования все время продолжала висеть над головами лидеров профессионального движения. Этим путем предприниматели хотели повлиять на исход стачки. В течение пяти лет Об'единенная ассоциация вела энергичную боевую политику, но преследования, которые обрушились на ассоциацию со стороны предпринимателей и закона, сломили ее, и около 1875 года она перестала существовать.

Тем временем Национальная ассоциация шла по своему пути политической агитации. Наконец, в 1872 году ей удалось провести закон об угольных копях и рудниках. Он послужил основой современного законодательства о горной промышленности. В промышленных вопросах Национальная ассоциация была гораздо менее воинственной, чем Об'единенная ассоциация. Она призывала районные об'единения к миролюбивой политике соглашений. Эта линия была удачно проведена в Дургэме и Нортумберлэнде. В 1871 году шахтовла-

дельцы Нортумберлэнда признали Ассоциацию горнорабочих, и с этих пор начались их взаимные сношения. В следующем году примеру Нортумберлэнда последовали дургэмские предприниматели, и был учрежден Об'единенный дургэмский комитет. В 1874 году в Дургэме вспыхнула неофициальная стачка, вызванная снижением заработной платы; шахтовладельцы мотивировали это снижение неблагоприятной кон'юнктурой на рынке. Но в то время, как в Южном Уэльсе союз боролся против снижения заработной платы, в Дургэме он согласился на снижение. Три года спустя Дургэм также принял систему подвижных тарифов заработной платы.

Основную идею политики Мак-Дональда, как лидера горнорабочих, мы сможем уяснить из его президентских речей, произнесенных на открытии ряда национальных конференций. Больше всего надежд возлагал он на законодательную деятельность; вот почему он был таким горячим поборником рабочего представительства в парламенте. В области промышленных вопросов он верил в возможность соглашений, хотя и был против системы подвижных тарифов заработной платы. Эта система была доброжелательно принята руководителями горнорабочих в Нортумберлэнде и Дургэме. Мак-Дональд был ревностным защитником производственной кооперации, и, быть может, его влиянию обязано основание в 1873 году на северо-восточном берегу Кооперативного общества горнорабочих, которое распалось четыре года спустя, в период промышленного кризиса. Помимо своей деятельности в союзах горнорабочих, Мак-Дональд принимал активное участие в общем профессиональном движении. Он был членом парламентского комитета конгресса профессиональных союзов с 1871 до 1874 года, а в 1874 году он был избран от Стаффорда как один из двух первых представителей рабочих в парламенте.

Национальная ассоциация горнорабочих или, как она была названа позже, Национальный союз горнорабочих жестоко пострадал в период промышленной депрессии, наступившей в конце семидесятых годов. После смерти Мак-Дональда в 1881 году Союз потерял все свое значение и перешел целиком в руки лидеров дургэмских и нортумберлэндских углекопов. Тогда остальные округа один за другим стали отпадать от него. Союз несомненно вел очень полезную и ценную работу. Прилагая все усилия к тому, чтобы осветить те ужасные условия, в которых находился труд углекопа, он в то же время подготовил путь для современ-

ного законодательства в горной промышленности. В вопросах промышленной борьбы Национальный союз никогда не имел того значения, какого достиг его соперник, но в области политической он выполнил более значительную работу.

В продолжение шестидесятых годов горнорабочие образовали третью значительную группу в профессиональном движении. По своей политике они больше походили на текстильных рабочих, чем на Об'единенные общества машиностроителей и плотников. Но в их среде были различные течения. Нортумберлэнд и Дургэм преследовали политику, более похожую на политику Эппльгарта и Аллана, и, быть может, поэтому им удалось образовать более стойкие союзы. Об'единенная ассоциация горнорабочих не была похожа ни на одну из двух господствующих групп. Национальная ассоциация в такой степени была связана с личностью Мак-Дональда, что с прекращением его деятельности она потеряла всякое значение. В общем, горнорабочие все еще были очень изолированы, и им было труднее бороться с враждебным отношением своих предпринимателей к коллективным переговорам, чем рабочим других отраслей промышленности. В течение немногих лет горнорабочие сумели создать две самые широкие и мощные профессиональные организации, которые когда-либо существовали. Но усилия, которых им это стоило, истощили их. Исключая северо-восточное побережье, углекопы вновь вернулись к хаосу и к полной дезорганизации. Они смогли оправиться от этого лишь в восьмидесятые годы, когда с приливом новых сил была создана Великобританская федерация горнорабочих.

ГЛАВА IV.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА.

1. Лондонский профессиональный Совет и «Хунта».

Мы уже видели, как во время борьбы строительных рабочих в 1859 году рабочие других профессий организовали помощь бастующим. В крупных городах были созданы временные об'единенные комитеты всех профессий — они собирали деньги, ободряли рабочих в их борьбе и пробуждали их классовое самосознание. В сущности, в этом не было ничего нового. Не в первый раз в истории рабочего движения создавались подобные комитеты либо для ведения крупной стачки, либо для противодействия той или иной законодательной мере, направленной против рабочих, либо с целью агитации за какую-нибудь реформу. Часто эти комитеты существовали в течение долгого времени и становились как бы постоянными организациями. В Лондоне, Манчестере и в некоторых других больших городах такие об'единенные органы или профессиональные советы, по современной терминологии, существовали почти непрерывно в период волнений от 1816 до 1834 года. Во многих случаях они возникали и позднее для проведения какой-либо специальной задачи.

В настоящее время трудно установить, где впервые был организован устойчивый и постоянный Совет профессиональных союзов. Город Ливерпуль, где уже в 1848 году возникла Ассоциация охраны профессий (Trade Guardian Association), приписывал себе эту честь, но, быть может, и другие города имеют не меньше оснований претендовать на это. Так, например, возникновение Абердинского совета по некоторым данным относится к 1846 году, а в Глазго, Шеффильде, Манчестере и Лондоне уже давно, почти непрерывно, существовали такие организации.

Но положительно можно утверждать, что борьба строительных рабочих оказала несомненное влияние на возникновение новых Советов, на упрочение уже существовавших и придала им постоянный характер. В этом отношении исключительную роль играл Лондон. Во время борьбы строительных рабочих рабочие других профессий устраивали регулярные собрания, а когда борьба окончилась, было решено придать этим выступлениям постоянный характер. На этом основании в 1860 году был сформирован Лондонский профессиональный совет. Он состоял из исполнительного органа в составе пятнадцати членов, избираемых на ежегодной конференции делегатов от союзов Лондона. Задачи, поставленные перед этим Советом, были определены следующими словами: «Совет обязан быть на страже интересов труда, защищать политические и общественные интересы его в парламенте и вне его, способствовать проведению законов в интересах профессиональных союзов, а также издавать (если в этом встретится надобность) «Ежегодный справочник профессиональных союзов».

Таким образом, новая организация имела своей задачей участие в политической и в экономической борьбе. С самого начала Совет был всегда активен в политической агитации, направленной на защиту профессионального движения. Перед ним стояли очень важные задачи и в экономической области, они были не менее точно определены его уставом. «Совет имеет право расследовать жалобы, с которыми обращаются к нему пострадавшие союзы. Если после строгого расследования Совет найдет жалобу заслуживающей внимания, то он рекомендует всем союзам оказать поддержку пострадавшему Союзу».

Вполне возможно, что образчиком для этой организации послужил Профессиональный совет в Глазго, во главе которого стоял искусный руководитель, старый последователь Оуэна, Александр Кэмпбел. Этот Совет был создан в 1857 г. и уже в 1861 году он предложил создать Генеральную федерацию всех профессиональных союзов в Шотландии. Но если даже Глазго и опередил Лондон, все же эта новая форма организации приобрела такое огромное значение именно в Лондоне. Здесь находились центральные органы Об'единенных обществ машиностроительных рабочих и плотников, и, главным образом, влиянию этих руководящих центров Совет обязан своим ростом и укреплением. Его первым секретарем был Джорж Хоуэлл, кладчик кирпича, ближайший

сотрудник Эппльгарта и Аллана; в 1862 году его заменил Джорж Оджер, по профессии сапожник, выдающийся оратор радикального крыла рабочего класса.

Супруги Вэбб дали этой группе лондонских деятелей, которые отныне руководили профессиональным движением, название «Хунты». В Лондоне во главе руководящих организаций рабочего класса стояли Аллан от машиностроительных рабочих, Эппльгарт от плотников, Даниэль Гайль от железолитейщиков, Эдвин Каульсон от кирпичников и Джорж Оджер от Лондонского профессионального совета. Они и их ближайшие сотрудники, действуя совместно, заняли чрезвычайно сильную стратегическую позицию. Макдональд и Кемпбел в Шотландии, Джон Кейн от рабочих железоделательной промышленности и Уильям Крауфорд в Дургэме, Томас Галли в Манчестере были не менее видными руководителями; но силы их не были организованы, в то время как Хунта действовала сообща и заняла центральное место в политической жизни.

Лондонский профессиональный совет был тем рычагом, при помощи которого Хунта управляла рабочим движением. Почти каждый профессиональный союз, которому приходилось вести стачечную борьбу, обращался за помощью к Хунте. Достаточно было Лондонскому совету сказать свое слово, чтобы финансовая помощь бастующим была обеспечена от любого союза. Совет стал теперь не только об'единенным комитетом лондонских союзов, но центральным комитетом, управляющим всем профессиональным движением в целом. О политической работе Совета мы скажем дальше, здесь же мы остановимся на деятельности его как руководящего центра в экономической борьбе рабочих.

Господствующее положение было достигнуто Советом не без сопротивления со стороны других организаций. Провинциальные лидеры были склонны противодействовать этому, и в Лондоне Джорж Поттер, который уже в 1859 году был руководителем строительных рабочих, встал вскоре в открытую оппозицию политике Хунты. Руководители об'единенных обществ, будучи горячими сторонниками умеренной политики соглашения, косились на стачечное движение, считая его несвоевременным и провокационным. В 1865 г. произошла стачка рабочих железоделательной промышленности в Стаффордшире. Хунта была против этой стачки, а Поттер поддерживал ее. Лондонский профессиональный совет дал Поттеру кличку: «Маклер по стачкам»

Но авторитет Джорджа Поттера нисколько этим не поколебался. Помимо его огромной личной популярности, он был издателем и политическим руководителем единственной влиятельной рабочей газеты «Улей». Эту газету он основал в 1861 году как орган боевого профессионального движения. Начиная с 1865 года, Поттер и Хунта и особенно Поттер и Эппльгарт были в постоянной вражде. Поттер пытался освободиться от засилья Лондона и Хунты и с этой целью обратился к профессиональным организациям на местах.

Но вместе с тем Поттеру необходимо было опереться на какую-нибудь организацию в Лондоне. С этой целью в 1866 году им была основана Лондонская ассоциация трудящихся. Эта Ассоциация была прежде всего политическим органом и в течение некоторого времени соперничала с Профессиональным советом. При ее содействии, как мы увидим дальше, Поттеру удалось созвать в 1867 году знаменитую конференцию профессиональных союзов, которая была непосредственным предшественником Конгресса профессиональных союзов.

2. Политическое движение рабочего класса в 60-е годы.

Группа лидеров, которую мы охарактеризовали в предшествующей главе, проявила такую же активность в политической области, как и в экономической. В годы медленной смерти чартизма, после 1848 года, заглохло самостоятельное политическое движение рабочего класса в Англии. Но на закате чартистское движение приняло интернациональный характер, и традиция сочувствия революционным выступлениям на континенте пережила чартизм как национальное движение. В 1854 году Эрнест Джонс основал Международный комитет гостеприимства и протеста, который устраивал приемы революционерам-эмигрантам, а также выражал протесты против жестокостей и гонений в Европе, где торжествовала реакция. Под разными именами эта организация просуществовала до 1860 года, в свои последние годы она называлась «Интернациональной Ассоциацией». Часть ее работы перешла к другим организациям. В шестидесятых годах Лондонский профессиональный совет, под руководством Оджера, принимал активное участие по приему эмигрантов, а также по организации протестов против жестокостей контр-революции. Гарибальди стал кумиром лон-

донских рабочих, Кошут был встречен с большим энтузиазмом, горячие симпатии выражались польскому восстанию, а гражданская война в Америке резко расколола общественное мнение Великобритании на два лагеря. Совет решительно встал на сторону Севера. Во всех этих политических событиях рабочие, однако, не шли дальше радикальных элементов среднего класса. В их интернационализме не было ничего социалистического, пока не организовалось Международное общество рабочих. Об этом мы скажем в следующей главе.

Чартизм, в сущности, перестал существовать, если не считать его политических выступлений в международном движении. Вскоре возникли новые политические движения. Были выставлены требования тайного голосования и избирательных прав для всего мужского населения. Но на этот раз движение было чисто конституционным и ни в какой мере не обладало теми полу-сознательными революционными импульсами, которые были главной движущей силой рабочих элементов чартизма. Новые лидеры хотели добиться избирательных прав для рабочих, но они не хотели революции, они были готовы к полному сотрудничеству с мелко-буржуазными либералами, которые были склонны поддержать их программу. Однако, уже в 1857 году начали возникать новые организации. В этом году был основан Северный союз реформы с центром в Ньюкастле. Душой этой организации был Джон Кейн, секретарь Союза железоделательных рабочих. В ближайшие годы появилось огромное число подобных организаций. В Лондоне, где уже существовала Национальная ассоциация борьбы за реформу, в 1859 году образовался Северный лондонский политический союз. Его секретарем был хорошо известный деятель профессионального движения Бенджамин Люкрафт. Ассоциация за реформу в средних графствах была основана в 1860 году и в том же году состоялась Национальная конференция в Гилдхолле в Лондоне, где было внесено предложение образовать Национальную лигу за реформу, по образцу Лиги против хлебных законов. По всей стране происходили митинги, на которых велась агитация за реформу. На ряду со старыми чартистами Эрнестом Джонсом, Дж. Рейнальдсом, В. Робертсом и руководителями профессионального движения Кейном, Люкрафтом и Хоуэллом на этих собраниях выступали и буржуазные радикалы — Брайт и Эдмунд Билс. На этой стадии движение было основано на сотрудни-

честве между рабочим классом и парламентскими радикалами.

Однако, вскоре деятели профессиональных союзов стали выступать независимо. В 1862 году Эппльгарт и его товарищи из Хунты и Лондонского профессионального совета основали Политический союз профессиональных союзов с программой всеобщего и тайного голосования. В следующем году эта организация получила название Ассоциации борьбы за всеобщее и тайное голосование для мужского населения; в начале 1865 года она расширилась и получила имя Национальной лиги борьбы за реформу; во главе ее стояли в качестве председателя — радикальный адвокат Эдмунд Билс и Джордж Хоуэлл — в качестве секретаря. Хотя Лига и открыла свои ряды для сторонников мелко-буржуазных слоев, все же она по существу оставалась рабочей организацией, которая опиралась, главным образом, на отделения профессиональных союзов, раскинутых по всей стране. Оджер и Билс были ее главными ораторами.

В то же самое время на севере Англии возникла вторая национальная организация. В 1861 году Ассоциация борьбы за парламентскую реформу, основанная трудящимися в Лидсе, созвала Конференцию ланкаширских и йоркширских Обществ борьбы за реформу. Задачей этой Конференции было обсудить позиции либеральной партии по отношению к реформе. Это обсуждение было продолжено на национальной конференции, которая состоялась в Лондоне в 1862 году. Здесь присутствовали и руководящие члены радикальной партии в парламенте. На этой конференции была вынесена резолюция в пользу всеобщего голосования; кроме того, конференция призвала к сотрудничеству классов в вопросе о реформе и убеждала сторонников реформы сосредоточить свое внимание на некоторых частностях (тайное голосование, перераспределение избирательных округов, трехгодичный парламент), вместо того чтобы настаивать сразу на всей программе в целом.

Следующая конференция должна была состояться в 1863 году, но из-за хлопчато-бумажного голода, который достиг в это время наибольшей остроты, конференция была отложена. В 1864 г. конференция состоялась и образовала Национальный союз борьбы за реформу. Местные общества борьбы за реформу и профессиональные союзы были приглашены вступить в члены, и значительное число их присоединилось к вновь образованному национальному союзу.

Эти две организации — Лига и Союз делили между собой работу по агитации за реформу. Лига была, главным образом, рабочей организацией и почти всецело управлялась деятелями профессионального движения. Союз имел много приверженцев среди рабочих, но здесь преимущественно господствовали мелко-буржуазные радикалы. В 1866 г. Лига имела семьдесят отделений (из них девятнадцать в Лондоне), включая сюда многие крупные города. А Союз имел сто тридцать отделений, раскинутых по средней и северной Англии. Центром Лиги был Лондон, а центром Союза — Манчестер.

История движения шестидесятых годов за парламентскую реформу уже не раз была описана подробно. После акта 1832 года партия вигов считала, что избирательные права не могут быть больше расширены.

Не только требования чартистов, но и умеренные проекты дальнейшей реформы немедленно отклонялись. Несмотря на обращение лорда Джона Росселя[1]) в пользу умеренной реформы, виги продолжали игнорировать этот вопрос вплоть до смерти Пальмерстона в 1865 году. Когда, наконец, это чудовищное препятствие было устранено, стало ясно, что пред лицом возрастающей агитации в стране министерство вигов должно было взять на себя инициативу проведения реформ. Россель внес свой умеренный проект реформы в 1866 году, но потерпел неудачу из-за откола части своей партии, возглавляемой Робертом Лоуэ. Виги пали, и у власти встали тори под предводительством Дэрби и Дизраэли. Но это не разрешило вопроса, так как настроение в стране в пользу реформы поднялось настолько, что его нельзя было игнорировать. Дизраэли внес в 1867 году свой знаменитый законопроект о реформе, пустой и бессодержательный. Но в палате общин в этот проект был внесен целый ряд поправок, и он появился в свет под именем «закона о реформе 1867 года». Таким образом, тори провели реформу. Горнорабочие в сельских местностях, сельско-хозяйственные рабочие не получили избирательных прав (до 1885 г.), рабочие же в городах добыли себе, наконец, избирательное право.

---

[1]) Джон Россель, одна из главных фигур в борьбе за реформу 1832 г., немедленно после проведения в жизнь данной реформы заявил делегации рабочих, что никаких изменений нового закона он не потерпит, так как данный закон идеален. Между прочим, Россель накануне 1832 г. грозил тори, что он в любой момент может двинуть на Лондон «сотни тысяч» вооруженных рабочих... Прим. ред.

Самым ярким эпизодом в кампании, которая привела к этой победе, был запрещенный митинг в Гайдпарке в 1866 году. Лига Реформ намеревалась устроить митинг в Гайд-парке. Комиссар полиции, действовавший на основании инструкции министра внутренних дел, запретил его. Тем не менее, раздраженная этим запрещением Лига устроила демонстрацию. Огромная масса демонстрантов, под предводительством Билса, Хоуэлла, Эппльгарта и других лидеров, дошла до парка, который оказался закрытым. Громадная толпа собралась по ту сторону решетки парка и требовала пропуска демонстрантов.

Умышленно или просто от напора толпы решетка была сломана. Масса ринулась в парк, где были устроены сотни импровизированных митингов. Тем временем, официальные руководители с частью демонстрантов отправились к Трафальгарской площади и устроили там многолюдный митинг протеста против действий правительства.

Были ли решетки парка сломаны случайно или с умыслом, демонстрация все же достаточно испугала господствующие классы и сыграла огромную роль в том, что городские рабочие получили избирательные права.

После проведения закона о реформе Лига реформ сочла свое дело законченным и решила уступить свое место другим организациям (о них у нас речь впереди). Эти организации поставили своей задачей выдвигать представителей рабочего класса в парламент. Национальный союз борьбы за реформу продолжал существовать как вспомогательный орган либеральной партии, а впоследствии многие деятели профессионального движения, так называемые «рабочие либералы» присоединились к нему. В 1875 году Джорж Хоуэлл, секретарь Конгресса профессиональных союзов, и Джорж Поттер, переставшие руководить боевым профессиональным движением, состояли в числе членов Исполнительного совета союза борьбы за реформу.

3. Международное общество рабочих.

Одновременно с борьбой за парламентскую реформу руководители профессиональных союзов играли некоторую роль в рабочем движении, носившем совершенно иной характер, чем движение за реформу. В 1864 году на происходившем в Лондоне совещании было положено начало Международному обществу рабочих. Карл Маркс в это время уже жил,

как эмигрант, в Лондоне. Он принял на себя руководство новой организацией. В течение последующих лет нам придется наблюдать парадоксальное явление: деятели, подобные Эпплыгарту и Оджеру, содействовавшие революционному под'ему рабочего класса на континенте Европы, в то же самое время, в союзе с либеральными представителями буржуазии, вели строго конституционную борьбу за избирательную реформу в своей родной стране, а в профессиональной работе стояли за политику соглашения и были резко враждебны «стачечным увлечениям» Поттера и его друзей.

Чтобы понять этот кажущийся парадокс, необходимо вспомнить, что было раньше сказано нами об интернациональной деятельности английского рабочего класса. Лондон уже издавна, а главным образом с 1848 года, был убежищем для политических изгнанников—националистов и социалистов. Отсюда Мадзини организовал своих итальянцев, отсюда же Маркс вдохновлял социалистическое движение в Европе. Континент казался либералам ареной торжества контр-революции, где безнаказанно попирались либеральные принципы. В глазах же рабочих континент был местом, где профессиональное движение подвергалось гонению и где не признавалось право союзов. Даже строгие конституционалисты чувствовали, что политика многих континентальных правительств не могла найти иного ответа, кроме революции.

Руководители английских рабочих неясно представляли себе взаимоотношения, какие существовали между континентальным национализмом и классовым движением рабочих. Чартисты, а потом и Лондонский профессиональный совет оказывали горячую поддержку итальянскому и польскому национальным движениям. Мадзини был близким другом многих рабочих деятелей, а польские изгнанники принимали активное участие в английском радикальном движении. Социалисты были до сих пор незначительной группой и не привлекали к себе внимания. Коммунистический манифест, написанный Марксом и Энгельсом и опубликованный Коммунистической лигой в 1848 году, открыто провозгласил социалистическое ученье о классовой борьбе, но он был почти забыт во время наступившей реакции. Первый том «Капитала» Маркса появился только в 1867 году. Сам Маркс был известен скорее как ученый-эмигрант из Германии, чем как руководитель четко определившегося социалистического движения.

Действительно, даже на континенте социализм только-только начал проявлять себя как самостоятельная и независимая сила. Социалистическое движение во Франции делилось на два течения: на прудонистов [1]) и на небольшую группу бланкистов [2]). В Германии Всеобщий рабочий союз Лассаля был основан только в 1863 году, к этому же времени относится начало деятельности Бебеля и Вильгельма Либкнехта — первых пропагандистов марксизма. В России только что появился бакунизм. Вся Италия была еще в это время под влиянием Мадзини. Всюду создавались небольшие социалистические группы, но только в шестидесятых годах они стали приобретать значение.

Своим участием в основании Международного общества рабочих английские лидеры хотели только выразить сочувствие континентальным рабочим, которые находились под гнетом. Собрание, на котором был сформирован первый Интернационал, было созвано по инициативе Оджера и других руководителей профессиональных союзов. В состав Интернационала, кроме английских представителей, вошли эмигранты самой различной политической ориентации, начиная с последователей Мадзини до марксистов включительно [3]). Различные проекты уставов и обращения были составлены сторонниками Мадзини и последователями Оуэна, но принят был лишь третий проект, составленный самим Марксом. В основу этого проекта был положен принцип классовой борьбы. Согласно этому воззванию, основной задачей Общества является завоевание рабочими политической власти как единственного средства для улучшения условий труда. Но оно также призывало рабочих овладеть тайнами международной политики и применить простые законы морали и справедливости в международных отношениях.

---

[1]) Последователи Прудона, отрицавшего государственную власть и ее захват и проповедывавшего перестройку общества на началах взаимопомощи. Мелко-буржуазная природа прудонизма была вскрыта Марксом в «Нищете Философии» еще в 1847 г. Прим. ред.

[2]) Последователи Огюста Бланки, активного революционера, почти не выходившего из французских тюрем. Бланки, в отличие от многих современных ему «социалистов», ясно представлял себе необходимость, для освобождения рабочего класса, захвата пролетариатом государственной власти. Прим. ред

[3]) Фактическое изложение истории зарождения I Интернационала у Кола не точно. Инициатива созыва митинга в Фаррингдонском зале принадлежала отнюдь не одному Оджеру. Особенно большую роль играли эпигоны чартизма, которые и поддерживали постоянную связь с эмигрантами. Прим. ред.

«Борьба за такую иностранную политику является неот'емлемой частью общей борьбы за освобождение рабочих всего мира. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Английские представители, которые подписали это воззвание и присоединились к этой доктрине, вероятно, видели в этом только проявление международной солидарности рабочих. Само собой разумеется, что они не сознавали, куда идет Интернационал. Он являлся для них только второстепенным делом. Английские представители были прежде всего поглощены борьбой за избирательную реформу, а затем ставили себе задачу добиться легализации профессиональных союзов (о чем речь в следующей главе). Маркс с самого начала господствовал в Интернационале и повел его по пути, который он сам заранее наметил. Международное общество рабочих управлялось Генеральным советом. В него номинально входили представители различных стран; но на деле он состоял из лидеров английских рабочих и эмигрантов, живших в Лондоне. Эппльгарт, Оджер, Генри Бродгёрст, Хоуэлл, Люкрафт и В. Кремер — вот те руководители профессиональных союзов, которые присоединились к Первому Интернационалу. Эккариус, последователь Маркса, был секретарем. Маркс, имея возможность поступать по своему усмотрению, сосредоточил внимание преимущественно на образовании отделений за границей. Не трудно было завербовать сторонников в Германии, Франции, Италии, России и многих других странах, и новая организация приобрела силу по всей Европе. Но вскоре появились внутренние разногласия и раздоры. Немцы были в большинстве строгие марксисты, но в Италии, России и Испании появилось анархическое течение, резко враждебное участию рабочих в парламенте, за что горячо ратовали социалисты-марксисты. В Германии возникли разногласия с лассальянцами, во Франции—с последователями Прудона и Бланки. Сторонники Мадзини отделились от Интернационала, когда Маркс встал во главе его. Внутри Интернационала самым сильным враждебным Марксу течением был бакунизм. Но все эти разногласия, несмотря на их ожесточенный характер, не составляли препятствий росту и распространению влияния Интернационала. Они не отражались также на политике Генерального совета, которым продолжал руководить Маркс.

История Первого Интернационала выходит за пределы нашей книги, — мы скажем о нем лишь в виду его влияния на Англию. Каждая страна имела свой Национальный феде-

ральный совет интернационала, представлявший различные примыкавшие организации. Англия как местопребывание центра Интернационала не имела собственного федерального Совета, но она пользовалась преобладающим представительством в Генеральном совете всего Интернационала в целом. Уже в самом начале ставился вопрос об организации Британского генерального совета, но Маркс предвидел, что такой Совет ускользнет из под его контроля и попадет под влияние умеренных лидеров английских профессиональных союзов. Поэтому-то он противился этой организации вплоть до 1871 года. В письмах Маркса мы находим много курьезных описаний его удачных манипуляций с британскими лидерами.

Пока английские лидеры были в Интернационале, никогда не создавалось сильной английской секции. Только немногие профессиональные союзы — между прочим, союз кирпичников и сапожников — и мелкие рабочие об'единения примкнули к Интернационалу. Лондонский профессиональный совет отказался присоединиться к Интернационалу. Начиная с 1867 года, революционный характер секций на континенте становится все более и более очевидным, и лидеры британских союзов постепенно начинают отходить от Интернационала.

Уход этот имел и другое основание. Повсюду на континенте рост Интернационала возвещался дикими выкриками на страницах буржуазной прессы. Английские газеты отразили это настроение и стали нападать на лидеров британских профессиональных союзов. Лидеры в это время старались снискать доверие и расположение королевской комиссии по вопросу о союзах, чтобы добиться легализации профессиональных союзов. Атаки прессы побудили лидеров более пристально присмотреться к действиям Первого Интернационала и учесть тактическую невыгоду союза с Интернационалом. Большинство из них покинуло Интернационал. По этому поводу Маркс сказал: «они принесли на алтарь буржуазной законности принцип профессионального движения».

Эппальгарт, который при случае умел казаться самым умеренным из умеренных, но в то время, повидимому, придерживался более передовых политических взглядов, чем большинство его товарищей, не вышел из Совета на этой стадии, несмотря на ожесточенные нападки «Таймс» и других буржуазных газет. Он, действительно, принимал бо́льшее уча-

стие в Интернационале, чем другие британские лидеры. Но, наконец, и он отошел. Это произошло тогда, когда осужденная судьбой Парижская Коммуна, обычно приписывавшаяся делу рук Интернационала, поставила раз навсегда и решительно вопрос о революции. Руководители профессионального движения покинули Интернационал. Английская секция, в которой теперь получили преобладание элементы менее податливые, проявляла настойчивость, и Маркс принужден был согласиться на образование Британского федерального совета. Эта организация, с Молтмэном Барри в качестве председателя и Джонсом Хэйлс в качестве секретаря, пыталась в 1872 году образовать новую британскую рабочую партию, совершенно независимую от других партий, для политической борьбы и агитации, но руководители не смогли сговориться между собой, и движение быстро заглохло.

В том же 1872 г. прекратил свое существование и Интернационал. С каждым годом раздоры между последователями Бакунина и сторонниками Маркса становились все острее. Между тем разгром Парижской коммуны воодушевил европейскую реакцию и нанес еще один потрясающий удар Интернационалу. На конгрессе 1872 г. разногласия и взаимные обвинения между бакунистами и марксистами достигли крайнего напряжения. После горячих споров бакунисты были исключены из Интернационала. Маркс, отчаявшись в успехе интернационального движения в Европе, перенес центр Интернационала в Нью-Иорк, а четыре года спустя Первый Интернационал перестал существовать. Но все же социалистическое движение сохранилось повсюду в Европе. Германская социал-демократическая партия была создана в 1869 г. и в 1875 году, об'единившись с лассальянцами, на основе знаменитой Готской программы, приняла поныне существующую форму организации и пережила закон Бисмарка 1878 г. о социалистах. Во Франции марксистская Рабочая партия была основана в 1876 году и в том же году Даниэль де Леон основал Социалистическую рабочую партию в Соединенных Штатах. Всюду зародился современный социализм, исключение составляла только Англия. Целое десятилетие прошло между падением Интернационала и появлением в Англии Социал-демократической федерации.

ГЛАВА V.

ЗАКОНЫ О ТРУДЕ 1864—1871 г.г.

1. Закон о «господах и слугах». Конференции профессиональных союзов.

В то время как политические события, описанные в предыдущей главе, шли своим чередом, происходили заметные сдвиги и в области промышленной организации рабочего класса. Профессиональные союзы все теснее и теснее сплачивались между собой и вели совместную агитацию за улучшение законов о рабочих и их взаимоотношений с предпринимателями. Первая фаза этой борьбы относится к 1864 г., когда профессиональные союзы начали проводить согласованную кампанию за изменение законов о «господах и слугах». Начало второй — гораздо более значительной — фазы ознаменовалось в 1867 году «Шеффильдскими волнениями» и судебным решением по делу Хорнби против Клода. Эти события поставили профессиональное движение под угрозу новых притеснений со стороны закона. Наконец, третья фаза охватила период с 1871 года до 1875 года, с момента, когда был проведен закон о профессиональных союзах и изменены законы об уголовном преследовании союзов, и до того момента, когда «законы о труде» были снова существенно изменены в пользу рабочих. За эти критические одиннадцать лет (1864—1875 г.г.) общественное положение профессиональных союзов в корне изменилось. Был основан Конгресс профессиональных союзов, и все движение приняло формы, несколько напоминающие его современную организацию.

Как уже сказано, новый сдвиг в профессиональном движении начался в 1864 году. В это время профессиональный совет города Глазго, возглавляемый Александром Кэмпбеллем, постановил начать в общенациональном масштабе

кампанию за изменение законов о «господах и слугах». В предыдущих главах уже было сказано, как в горной промышленности предприниматели пользовались этими законами против рабочих и как в сороковых годах союзы пригласили В. П. Робертса на постоянную должность юрисконсульта для защиты интересов своих членов перед судом. Однако, от несправедливых законов страдали не только горнорабочие. Целый ряд законодательных актов, начиная со статута о мастеровых 1563 года и кончая законом о господах и слугах 1824 года, подвергал рабочих суровым наказаниям за нарушение контракта, за оставление недоделанной работы и за другие подобные же проступки по отношению к своим хозяевам. За такие проступки рабочий мог быть заключен в тюрьму по единоличному вердикту судьи. А во многих случаях этот судья сам был заинтересованным хозяином. Рабочий мог быть арестован по судебному приказу. Правда, по закону 1848 года в Англии арест мог быть заменен присылкой повестки. Но на Шотландию этот закон не распространялся, и там попрежнему единственным приемом привлечения к суду был арест. Предприниматель в разбиравшемся деле мог давать показания против рабочего. Но рабочий не имел права давать показания против предпринимателя. Для рабочего было только одно наказание — тюремное заключение, так как всякое нарушение контракта считалось уголовным преступлением. Предприниматель же, нарушивший контракт с рабочим, мог быть присужден только к уплате следуемого заработка и в самом крайнем случае — еще к возмещению убытков. Таким образом, закон был основан на представлении о принудительном рабском труде.

После сказанного не трудно понять мотивы, побудившие профессиональный совет Глазго взять на себя инициативу движения. Однако, немалую роль тут сыграло и то влияние, которым в этом совете пользовался Александр Мак-Дональд. А он был более других заинтересован в кампании, так как старые законы тяжелее всего ложились на горнорабочих. Но и в других отраслях промышленности было достаточно несправедливостей. Поэтому, когда профессиональный совет Глазго поставил на специально созванной конференции профессиональных союзов в Лондоне вопрос об изменении законов, он встретил горячую поддержку со стороны большинства крупных союзов. На конференции присутствовали все известные вожди профессионального движения, в том

числе Кэмпбелль, Эппльгарт, Мак-Дональд и Джорж Поттер. Эта конференция, в сущности, может быть названа первым Конгрессом профессиональных союзов. Для проведения намеченной кампании был выделен специальный комитет. Под его влиянием местные профессиональные советы создали ряд областных центров содействия кампании. Дж. М. Коббет, один из сыновей Вильяма Коббета, член парламента от Олдгэма, согласился внести в парламент от имени профессиональных союзов соответствующий законопроект.

Кампания увенчалась успехом только в 1867 году, когда новый акт о предпринимателях и рабочих, наконец, стал законом. Право ведения дела по судебному приказу было отменено и тем самым уничтожен предварительный арест. Дела должны были вестись на открытом заседании, а не в частной квартире судьи, как то было прежде. Приговор выносился не единолично, а полным составом суда. Рабочие получили право давать показания. Тюремное заключение было ограничено только случаями серьезных преступлений против личности и собственности, в обычных делах оно заменялось штрафами или возмещением убытков. Закон 1867 г. был далеко неудовлетворительным, так как по этому закону, в некоторых случаях, нарушение контракта попрежнему считалось уголовным преступлением, но и в таком виде он представлял собой большую победу.

Конференция профессиональных союзов 1864 г. указала путь к дальнейшему об'единению профессионального движения. Нужда в таком об'единении, а также в создании какого-нибудь координирующего центра была очень настоятельна. Правда, Национальная ассоциация об'единенных профессий для защиты труда, основанная в 1845 году, номинально продолжала свое существование, но число членов ее достигало теперь всего нескольких тысяч и ни один крупный профессиональный союз не был связан с ней. В свои последние дни она занялась исключительно агитацией за создание примирительных камер. Ее секретарь Томас Винтер снова и снова пытался внести этот вопрос на обсуждение парламента. Наконец, в 1867 году, Ассоциация добилась проведения скороспелого акта о примирении. Этот акт предусматривал создание, на основе широкого избирательного права, местных примирительных камер для мирного разрешения промышленных конфликтов. Он с самого начала был мертвой буквой. Но на его проведение ушли все силы Ассоциации,

и она окончательно распалась в тот самый год, когда этот акт стал законом.

В предыдущих главах указывалось, что за неимением центрального органа Лондонский профессиональный совет взял на себя задачу согласования деятельности отдельных союзов. Однако, это не соответствовало интересам ни профессиональных советов других больших городов, ни таких крупных союзов, как союзы горнорабочих, главная масса членов которых жила в Северной Англии. Да, кроме того, и Лондонский профессиональный совет сам по себе не мог успешно об'единить союзы и организовать взаимную поддержку при забастовках.

Нужда в такой поддержке стала чувствоваться особенно остро в начале шестидесятых годов. Когда предприниматели столкнулись лицом к лицу с новыми могущественными союзами в одной отрасли за другой, а в особенности в горнопромышленности, они стали широко пользоваться локаутом. Один иоркширский углекоп жаловался в 1866 году, что за последние шесть лет он два года был без работы, причем каждый раз терял ее из-за локаута. Поэтому профессиональный совет Шеффильда, побуждаемый углекопами Иоркшира, создал в 1866 году вторую конференцию профессиональных союзов для обсуждения способов организованной профессиональной защиты против локаутов. На этой конференции было представлено двести тысяч членов союзов. Она постановила создать постоянную организацию — Союз организованных профессий соединенного королевства. Задачей этого Союза было образование центрального фонда для поддержки рабочих тех отраслей промышленности, которые подвергались локауту. На конференции были представители почти всех крупных союзов. Делегаты от амальгамированных обществ энергично протестовали против борьбы путем забастовок и настаивали на важности примирения. Из 200.000 представленных на конференции членов союзов к Союзу организованных профессий примкнули через свои организации только 60.000. К концу же 1867 года число членов его упало до 25.000. Союз просуществовал только до 1870 года. Он с самого начала был обречен на неудачу.

Главной причиной распада Союза являлось отсутствие средств. Богатые амальгамированные общества не вошли в него, а у горнорабочих Южного Иоркшира и Ноттингэмшира, об'единений портных, котельщиков, хлопчатобумажных прядильщиков, рабочих железоделательной промышлен-

ности и других союзов, примкнувших к Союзу, было достаточно своих собственных нужд. Кроме того, в Союзе возникли крупные внутренние разногласия по вопросу о точном определении «локаута» и его принципиальном отличии от стачки. Союз управлялся исполнительным комитетом из представителей шеффильдского промышленного округа. Секретарем этого комитета был Вилльям Дронфильд — старый лидер шеффильдского профессионального движения. Кроме исполнительного комитета существовал еще «комитет судей», составленный из представителей девяти округов, на которые распадалась вся организация. Все заявления о помощи разбирались этим комитетом судей. Однако, фонды союза быстро истощились, и механизм перестал работать. Все дела его фактически перешли к Дронфильду и шеффильдскому исполнительному комитету. Таким образом, Союз никогда не носил характера учреждения, представлявшего всю страну в целом.

Второй причиной распада Союза организованных профессий были внешние события. В 1866 году происходили «шеффильдские волнения», а в 1867 году — судебное дело Хорнби против Клода. Эти события отвлекли внимание профессионального движения от экономической борьбы и побудили его обратить все свои силы на парламентскую агитацию. Промышленную борьбу сменила упорная битва между профессиональными союзами и представителями администрации и закона.

2. «Шеффильдские волнения» и королевская комиссия по профессиональным союзам.

«Шеффильдские волнения» заключались в ряде восстаний и насильственных действий, преимущественно направленных против штрейкбрехеров и вообще рабочих, нарушавших правила и обычаи своих профессиональных организаций. Рабочие ножевого производства Шеффильда были организованы в целый ряд очень небольших об'единений, каждое из которых охватывало один узкий цех. При этом общественное мнение было враждебно по отношению к рабочим, не входившим в профессиональные об'единения. Если не член союза получал работу или член нарушал правила своего союза, его товарищи по работе подвергали его мере воздействия, известной под названием «травли крысы». Его инструменты разбрасывались, а в более серьезных случаях в его станок насыпалась горсть песка или пороха. Иногда

месть касалась и дома виновного, и тогда в трубу его камина забрасывалась горсть пороха. Такие события случались время от времени и до 1866 года. Но в 1866 году они очень участились, и в октябре 1866 года был взорван дом одного рабочего. Подозрение пало на агентов союза точильщиков. Этот случай вызвал волну общественного негодования, которую усиленно поддерживали предприниматели, как раз в это время проводившие кампанию локаутов против профессиональных союзов. Все громче раздавались голоса, требовавшие специальных репрессивных законов против союзов. Все профессиональное движение называлось преступным заговорщичеством против общества.

Шеффильдский городской совет предложил прежде всего назначить следственную комиссию по вопросу о насильственных действиях и волнениях. Однако, это не соответствовало интересам союзов. Лондонский профессиональный совет потребовал изучения всего профессионального движения. Это требование было удовлетворено. В 1867 году правительство провело акт о комиссии по профессиональным союзам. Задача образованной королевской комиссии определялась следующим образом: «Исследовать и доложить об организации и правилах профессиональных и других ассоциаций, предоставить комиссии право производить расследование по всем недавним случаям запугивания, насилия или другого правонарушения, в совершении которых или в подстрекательстве к которым обвиняются упомянутые профессиональные союзы или другие ассоциации». Союзы не могли ждать ничего хорошего от заключения комиссии; в особенности же их положение ухудшилось после того, как Вильям Бродхэд и другие члены Шеффильдского союза точильщиков сознались в субсидировании из союзных фондов целого ряда насильственных действий. Профессиональные союзы и профессиональные советы повсеместно проводили резолюции, осуждавшие подобные действия и требовавшие самого строгого расследования. Но общественное мнение средних классов все более и более ожесточалось против профессионального движения, и требование репрессивных законов становилось все настоятельнее. Союзам пришлось бы совсем плохо, если бы уже не было слишком поздно взять обратно закон о распространении избирательных прав на городских рабочих. Только с проведением этого закона союзы стали политической силой.

Как раз в то время, как общественная кампания против профессиональных союзов достигла своего апогея, было вынесено решение королевского суда по делу Хорнби против Клода. С образованием об'единенных обществ, располагавших большими капиталами из высоких членских взносов и раздававших крупные пособия, особую важность приобрел вопрос о защите союзных средств от хищений своих же собственных служащих. В 1855 году, когда парламент обсуждал закон о товарищеских обществах, комитету союзов метрополии—предшественнику Лондонского профессионального совета—удалось включить в новый закон специальную статью, которая устанавливала, что всякая ассоциация, учрежденная с легальной целью и зарегистрировавшая свой устав у регистратора товарищеских обществ, имеет право выносить споры, возникающие между ее членами, на разрешение властей. На этом основании главные заинтересованные общества, в том числе машиностроители, столяры и плотники, железолитейщики и котельщики, зарегистрировали свои уставы и в случае надобности возбуждали судебное преследование против своих служащих.

В 1867 году Общество котельщиков возбудило судебное преследование против секретаря своего отделения в Брадфорде. Королевский суд вынес решение, что закон о товарищеских обществах неприменим по отношению к профессиональным союзам; кроме того, в решении было указано, что союзы настолько «ограничивают промышленность», что являются безусловно незаконными, хотя и не преступными ассоциациями. Это решение не только лишало профессиональные союзы права защищать свои средства по закону, которым они пользовались более чем двадцать лет, но и вообще ставило профессиональные союзы вне закона, так что никто не мог предвидеть, откуда надо было ждать дальнейших ударов.

Профессиональные союзы сразу приступили к действию, но не об'единенно, а разрозненно. Об'единенные общества, прежде всего стремившиеся защищать свои собственные фонды и подчеркнуть свою непричастность к шеффильдским волнениям, вместо того, чтобы об'единить все профессиональное движение для кампании за отмену постановления суда, решили действовать независимо, только от своего имени. Во главе движения стал Роберт Эппльгарт, и в январе 1867 года Хунта создала новую организацию — «Конференцию об'единенных союзов», которая состояла исключи-

тельно из сторонников Хунты. Эта организация сразу сделала попытку захватить в свои руки ведение всего дела профессиональных союзов как в вопросе об их легальности, так и в работе Королевской комиссии.

Прежде всего Конференция сделала попытку оказать влияние на состав самой комиссии, в которую правительство предполагало назначить исключительно так называемых «беспристрастных» лиц. Одно место было предоставлено стороннику союзов — христианскому социалисту Томасу Хьюгсу. Но конференция настойчиво требовала более широкого представительства. Она предлагала назначить одного представителя от рабочих, это было неслыханным предложением. Наконец, правительство согласилось назначить Фредерика Харрисона, зарекомендовавшего себя верным сторонником об'единенных обществ и умеренного профессионального движения. Далее было получено согласие на присутствие представителя от профессиональных союзов при допросе свидетелей. Конференция избрала для этой цели Эппльгарта.

Этот захват власти Хунтой не прошел без отклика. После своей ссоры с Лондонским профессиональным советом в 1865 году по поводу неуспеха последнего в поддержке забастовки пудлинговщиков Стаффордшира Джорж Поттер основал Лондонскую ассоциацию трудящихся, секретарем которой стал старый чартист Роберт Хартвелл. О политической деятельности ее будет сказано ниже. Но в этой стадии своего существования она стала центром, сгруппировавшим вокруг себя профессиональные союзы, которые Хунта исключила из своих совещаний. В марте 1867 года Поттер и Хартвелл созвали национальную конференцию профессиональных союзов для обсуждения вопроса о положении, создавшемся в связи с судебным решением по делу Хорнби против Клода и в связи с назначением Королевской комиссии. На этой конференции 200.000 членов союзов были представлены непосредственно и 400.000, как было подсчитано. косвенно — через местные профессиональные советы. Эти цифры, может быть, несколько преувеличены. Но и при таком условии это было наиболее представительным собранием профессиональных союзов, когда-либо имевшим место, несмотря на отсутствие представителей об'единенных обществ. Из видных лидеров здесь присутствовали Александр Мак-Дональд, Джон Кэйн, Коннолли от каменщиков и Аллен от котельщиков.

Эта конференция назначила от себя особый комитет для наблюдения за работой Королевской комиссии и для принятия мер к обеспечению признания легальности профессиональных союзов. Комитет сразу же провел резолюцию, осуждавшую действия конференции об'единенных профессий, а также отказ Лондонского профессионального совета от участия в созыве конференции, «по причинам исключительно пристрастным и личным». Совершенно ясно, что Хунта стремилась сохранить за собой защиту интересов профессиональных союзов, так как она боялась, что поведение более воинствующих союзов скомпрометирует ее собственные притязания. Как протест против этой тенденции, комитет мартовской конференции поручил своему председателю Конноллн присутствовать на заседаниях Королевской комиссии и защищать интересы профессиональных союзов.

Однако, сила была на стороне Хунты. Дружески настроенные к профессиональным союзам члены комиссии были ее друзьями. На одном из первых заседаний Конноллн был исключен за произнесение речи, вызвавшей недовольство правительства, и ни один из членов комиссии не протестовал против этого. После исключения Конноллн защита профессиональных союзов попала исключительно в руки Эппльгарта и его сотрудников — Хьюгса и Харрисона. Было сделано все, что возможно, чтобы фиксировать внимание не на воинствующих союзах, а на умеренной и «товарищеской» деятельности об'единенных профессий. Последние отмежевывались не только от шеффильдских волнений, но и вообще от всех проявлений воинствующей деятельности профессиональных союзов. В особенности подчеркивалась деятельность Об'единенных обществ в области товарищеской взаимопомощи. Вместо стачек и локаутов предлагались примирительные камеры. Были приложены все усилия, чтобы представить профессиональное движение совершенно благонамеренным во всех отношениях. Да поскольку речь шла об об'единенных обществах, таким оно и было на самом деле.

Не подлежит сомнению, что Эппльгарт, Харрисон и Хьюгс вели свое дело с чрезвычайным искусством. Когда комиссия перешла к рассмотрению отчетов о насильственных действиях в Шеффильде и других местах, ее внимание было успешно отвлечено от них. Было показано, что только несколько мелких союзов замешаны в этих действиях. От огульного нападения на профессиональные союзы Королевская комиссия постепенно перешла к оправданию их в тех

случаях, где они в действительности были такими благонамеренными, как их представлял Эппльгарт.

Все это стало очевидным, когда комиссия издала свой окончательный отчет. Большинство комиссии высказалось за легализацию профессиональных союзов, при условии, если они не будут содействовать нарушению контрактов или отказу от совместной работы с рабочими, не состоящими членами союза. Большинство также стояло за то, чтобы обеспечить защиту союзных фондов. Однако, эту защиту было предложено распространить только на те союзы, уставы которых не содержали ограничительных статей, каковы, например, статьи о запрещении сдельной работы и работы по контракту, об ограничении числа учеников и различные ограничения в пользовании машинами и инструментами. Последняя оговорка была несомненно направлена прямо против Об'единенных обществ, которые широко прибегали к этого рода ограничениям, хотя тщательно о них умалчивали.

Меньшинство, состоявшее из Харрисона, Хьюгса и графа Личфильда, издали свой особый отчет. Суть его заключалась в предложении отменить все специальные законодательные постановления против рабочих. Они настаивали, что ни одно действие, совершенное рабочим, не может быть незаконным, если, будучи совершено кем-нибудь другим, оно считается законным. Далее, ни одно действие, совершенное об'единением отдельных лиц, не может быть незаконным, если, совершенное единолично, оно считается законным.

Теперь оставалось ждать, какие шаги предпримет правительство. Конференция об'единенных профессий сразу повела агитацию за законодательство, на основе отчета меньшинства. Фредерик Харрисон составил подробный законопроект, заключавший в себе полную схему легализации профессиональных союзов и права стачек, а также защиты союзных фондов. Положение продолжало оставаться неопределенным, и в 1868 году Манчестерский совет рабочих союзов снова созвал конференцию профессиональных союзов для обсуждения создавшегося положения. На этой конференции происходили жестокие споры между сторонниками предложений Хунты и теми деятелями профессионального движения, которые стояли за сохранение воинствующей позиции профессиональных союзов, хотя бы им пришлось остаться нелегальными. Но в этом вопросе многие протестовавшие раньше против самовольного захвата власти Хунтой были на ее стороне. По предложению секретаря союза ра-

бочих железоделательной промышленности Джона Кэйна была проведена резолюция доверия Конференции об'единенных профессий. Джон Кэйн, выступивший на этот раз энергичным сторонником умеренной линии поведения, двумя годами позже, в 1869 году, был инициатором проведения системы подвижных тарифов в примирительной камере железоделательной промышленности.

Некоторые считают, что Манчестерское собрание 1868 г. было первым конгрессом профессиональных союзов. Хунта, правда, и тут держалась в стороне, и об'единенные профессии не прислали своих представителей. Но успех Кэйна послужил толчком к присоединению об'единенных профессий к остальному профессиональному движению. В 1869 году Оджер и Хоуэлл присутствовали на конгрессе в Бирмингаме и успешно провели всю программу Хунты. Однако, конференция об'единенных профессий продолжала свое независимое существование до 1871 г., когда Хунта окончательно признала Конгресс профессиональных союзов центральным органом профессионального движения. Как будет показано дальше, к этому времени слабые стороны политики Хунты стали более очевидными, и даже она поняла необходимость об'единения всего профессионального движения, для того чтобы вступить во вторую критическую фазу борьбы.

3. Законы о труде 1871 года.

Во всеобщих выборах 1868 года впервые участвовали большие массы рабочих. На сцену явились представители рабочих. Но гораздо большее значение имело то обстоятельство, что повсеместно профессиональные союзы и профессиональные советы осаждали кандидатов вопросами об их отношении к требованиям профессиональных союзов. Многие из кандидатов, учитывая новый социальный состав избирателей, давали благоприятные ответы, и они были избраны в виду их обещания поддерживать притязания профессиональных союзов. Однако, либеральное правительство было враждебно этим притязаниям и не собиралось проводить никаких законов. При таких обстоятельствах союзы вели неустанную агитацию, проводя по всей стране митинги, и беспрерывно осаждали членов палаты общин в кулуарах.

В течение некоторого времени правительство не шло ни на какие уступки, ссылаясь на то, что фонды профессиональных союзов и так достаточно защищены. Этим оно намекало на «закон о воровстве и присвоении» 1868 года,

известный под названием «акта Герни». Согласно этому акту, члены всякого товарищества имели право возбуждать судебное преследование против своих должностных лиц. Относительно профессиональных союзов при этом не было сделано никаких оговорок, и многие союзы действительно с успехом прибегали к акту Герни. Однако, он не оказывал союзам той защиты, в которой они нуждались, так как, позволяя наказать преступника, не давал возможности требовать возмещения похищенных денег. Поэтому союзы продолжали настаивать на своих притязаниях, пока, наконец, правительство не провело временной меры для защиты их интересов впредь до выработки постоянных законов. Акт о защите средств профессиональных союзов стал законом в 1869 году. Но и после этого правительство не торопилось с легализацией профессиональных союзов, к чему последние так стремились.

Весь 1870 год правительство не сдавалось. Наконец, в 1871 году оно предложило свой законопроект. Именно тогда стали очевидными ошибки политики Хунты. С одной стороны, законопроект давал союзам все, в чем они нуждались: ни один союз не мог быть об'явлен вне закона только потому, что он «ограничивает промышленность»; все союзы, уставы которых не противоречили уголовному законодательству, допускались к регистрации, и на них распространялись все связанные с последней привилегии; кроме того, союзы были освобождены от всякого вмешательства извне в их внутренние дела и по вопросам, связанным с этими делами, не подлежали явке в суд ни в качестве ответчиков, ни в качестве истцов. Но за этими уступками по вопросам, на которых особенно настаивала Хунта, следовали тяжелые карательные статьи против всякого вида «обструкции», «причинения беспокойства» и «запугивания», а также против выставления пикетов во время промышленных конфликтов. Правительство, в сущности, поймало Хунту на слове. Если союзы действительно не являются ничем большим, чем обществами и организациями для достижения примирения в промышленных конфликтах, тогда им нет никакой причины протестовать против установления кары за такие предосудительные поступки. Правительство легализовало профессиональные союзы при условии, что они будут заниматься только теми благочестивыми делами, о которых все время говорил Эппльгарт и его друзья.

Это, конечно, не устраивало профессиональные союзы и даже амальгамированные общества, которым тоже в отдельных случаях приходилось прибегать к активной борьбе. Им вовсе не улыбалась перспектива борьбы со связанными руками. Для борьбы с новой опасностью пришлось мобилизовать все силы профессионального движения. Конференция об'единенных профессий увидала, что руководство выскользнуло из ее рук, и отказалась от попыток действовать в качестве единоличного представителя союзов на парламентской арене.

Как видно из предыдущего, до этого времени Хунта относилась к новому конгрессу профессиональных союзов чрезвычайно подозрительно. Правда, Оджер и Хоуэлл присутствовали в 1869 г. на конгрессе в Бирмингаме. Но Оджер отказался войти в созданный тогда впервые парламентский комитет. Более того, несмотря на то, что конгресс решил собраться на следующий год в Лондоне, Лондонский профессиональный совет своевременно не сделал никаких шагов к его созыву, и в 1870 году конгресс так и не состоялся. Но в следующем году Хунта решила обратиться к более широким слоям профессионального движения. Она постановила распустить конференцию об'единенных профессий и созвала конгресс профессиональных союзов, чего не сделала в прошлом году. С этого же времени лидеры амальгамированных обществ вошли в парламентский комитет конгресса, где сразу завоевали господствующее положение. Джорж Хоуэлл, их верный последователь, стал секретарем этого комитета и сохранил свой пост до 1875 года. Парламентский комитет стал общепризнанным «кабинетом» профессионального движения.

Правительство, несмотря на сильное давление со стороны профессиональных союзов и их сторонников, отказалось взять обратно карательные статьи законопроекта. Его оратор, однако, утверждал, что правительство не собирается вносить никаких изменений в существующие законы. Это была неправда, так как законопроект предусматривал отмену закона 1859 г., проведенного по инициативе Национальной ассоциации об'единенных профессий для защиты труда. Этот закон легализовал мирные пикеты. Но если бы заверения представителей правительства и имели под собой почву, для профессиональных союзов это было бы плохим утешением, так как они постоянно сталкивались с существующими карательными законами.

Наконец, была сделана уступка. Правительство, ни в чем не меняя своего предложения, разделило законопроект на две части. Первая часть заключала в себе все статьи о положении и правах профессиональных союзов. Карательные же статьи были выделены во вторую часть, названную «актом о поправке к уголовным законам». Таким образом, сторонники профессиональных союзов получили возможность голосовать за первую половину законопроекта и против второй, не подвергая этим опасности задержки первого законопроекта. Кроме того, в случае проведения обоих законопроектов союзы могли бы повести агитацию за отмену второго из них, не рискуя при этом прекратить действие первого и вовсе не затрагивая наболевшего вопроса о легальном положении профессиональных союзов.

Несмотря на оппозицию союзов акту о поправке к уголовным законам, оба законопроекта были проведены в 1871 году. Благодаря усилиям Хунты, профессиональные союзы были легализованы. Но в то же время они были подвержены действию значительно более суровых, чем раньше, уголовных законов.

Эта перемена сразу дала себя знать. Начались уголовные преследования по новому закону. Члены союзов осуждались и приговаривались к тюремному заключению за самые обычные правонарушения. Когда лондонские машиностроители начали кампанию за девятичасовой рабочий день, один рабочий был приговорен к тюремному заключению за то, что он убеждал товарищей не заключать новых контрактов с предпринимателями — это было квалифицировано как «принуждение», наказуемое по закону 1871 года. В данном случае приговор не был приведен в исполнение, так как обвинитель на вызов суда не явился, но в конце 1872 года возникло дело лондонских рабочих газовых заводов, по которому был осуществлен обвинительный приговор.

О значении движения рабочих газовых заводов в экономической борьбе 1872 года будет сказано дальше. Здесь мы изложим только формальную сторону дела. Летом 1872 года рабочие газовых заводов Бэктона образовали профессиональный союз и потребовали повышения заработной платы и сокращения рабочих часов, во многих случаях доходивших до восьмидесяти в неделю. Движение распространилось и на другие газовые заводы, и в большинстве случаев рабочий день был сокращен. Но предприниматели, в отместку, стали увольнять лидеров рабочих. Рабочие запротестовали.

На заводах Бэктона рабочие решили оказать поддержку уволенному лидеру Дилли, не об'являя забастовки. Но в Фулэме, в ответ на протесты рабочих, предприниматели об'явили локаут. Это вызвало всеобщую забастовку, а тем самым и нарушение рабочими контракта. Сразу же началось судебное преследование. Газовая компания по закону о «господах и слугах» привлекла к суду пятьсот человек. Двадцать четыре рабочих были приговорены к шести неделям тяжелых работ, а один лидер рабочих с завода Бэктона — к трем месяцам. Но предприниматели на этом не остановились. Против шести лидеров они возбудили преследование за заговор по «акту о поправке к уголовным законам» 1871 г., и все шестеро были приговорены к двенадцати месяцам тюрьмы каждый.

Преступление этих рабочих заключалось только в проведении организованной забастовки (за нарушение контракта они судились отдельно в предыдущем процессе). Обвинительный приговор всколыхнул все союзы и дал им почувствовать, что они находятся на краю гибели. Образованный комитет защиты рабочих газовых заводов потребовал отмены приговора и того закона, на основании которого он был вынесен. Наконец, четыре месяца спустя правительство выпустило осужденных из тюрьмы, но попрежнему наотрез отказывалось внести какие-либо изменения в закон. Гладстон на запрос в парламенте заявил, что не чувствует никакой надобности в дальнейшем законодательстве. Правительство твердо сохранило позицию до самого конца срока своих полномочий. Агитация профессиональных союзов не увенчалась успехом — в результате большой кампании за легализацию всякая забастовка была об'явлена противозаконной.

ГЛАВА VI.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В СЕМИДЕСЯТЫХ ГОДАХ.

1. Рабочее представительство до 1874 г.

Неизменная враждебность закона по отношению к профессиональным союзам заставила лидеров рабочего класса обратиться к парламентской борьбе. Реформа 1867 года открыла им дорогу в парламент. Правда, отдельные представители рабочих избирались в палату общин и в более ранние периоды. В 1830 году Генри Гент был выбран от Престона. В этом избирательном округе, даже в дни дореформенного парламента, значительная часть избирателей принадлежала к рабочему классу. Вилльям Коббет был избран в 1832 году от Олдхэма и оставался в парламенте до своей смерти в 1835 году. Фергюс О'Коннор, как представитель чартистов, был избран в 1847 году от Ноттингама. Кандидатура различных представителей чартизма выставлялась неоднократно. Но в большинстве случаев чартисты довольствовались только участием в предвыборной кампании и перед голосованием снимали свою кандидатуру. Член Об'единенного общества машиностроителей Вилльям Ньютон был кандидатом в парламент (кандидатура его была выставлена в 1852 году от местечка Тауэр Хамлетс). Кроме того, в 1857 году от Ноттингама выставил свою кандидатуру чартист Эрнест Джонс.

После этого наступил перерыв. Чартизм умер; новые общества борьбы за реформу занимались агитацией в пользу расширения избирательных прав, за сокращение срока полномочия парламента и за тайное голосование. Но они не выставляли от себя кандидатов в парламент. По всей вероятности, после падения чартизма первая попытка организовать рабочих, как политическую силу, принадлежала Лондонской ассоциации трудящихся. Ассоциацию эту, как было сказано

выше, основали в 1866 году Джорж Поттер и старый чартист Роберт Хартвелл, имея отчасти в виду противопоставить ее Лондонскому профессиональному совету.

В 1867 году — год реформы — Лондонская ассоциация трудящихся положила начало движению за представительство рабочих в парламенте. К тому же времени началась и великая борьба профессиональных союзов за легализацию. Лондонская ассоциация трудящихся с первых своих шагов обратилась непосредственно к организованным рабочим — к профессиональным союзам. Не ограничиваясь в своей деятельности одним Лондоном, она выпустила манифест, обращенный к профессиональным организациям всей Англии, призывая к созданию рабочего избирательного фонда и побуждая профессиональные союзы, профессиональные советы и кооперативные общества к организации на местах кампаний за избрание представителей трудящихся в парламент. Все, подписавшие этот манифест, были деятелями профессионального движения. На ряду с именами Поттера и Хартвелла стояли и подписи Генри Бродгерста от каменщиков (впоследствии секретаря Конгресса Профессиональных Союзов) и Джозефа Лейстера — от Общества стекольщиков. Газета Поттера — «Улей» — стала органом нового движения, и в 1868 году в ней появилось предложение взимать особый сбор на политические цели со всех членов профессиональных союзов.

Призыв Лондонской ассоциации трудящихся не нашел должного отклика. Хунта была тогда поглощена своими препирательствами с Поттером и осталась в стороне. Национальное собрание делегатов профессиональных союзов, на котором предполагалось придать новому движению отчетливую организационную форму, так и не состоялось. На парламентских выборах была выставлена кандидатура трех деятелей профессионального движения — Хоуэлла от Айльсбери, В. Р. Кремера от Уорика и кооператора Е. О. Грининга от Галифакса. Но все они не имели никакого отношения к Лондонской ассоциации трудящихся. Правда, Хартвелл выступил от Сток-на-Тренте, но должен был снять свою кандидатуру за недостатком средств — верный признак неудачи нового движения.

Однако, выступление Кремера и Хоуэлла в качестве кандидатов показывало, что Хунта ничего не имела против кандидатур рабочих. В следующем году, когда ей понадобилось добиться рассмотрения в парламенте своего законопроекта

о профессиональных союзах, она сама принялась за организацию нового движения. Одновременно и самый крупный противник Хунты—Джорж Поттер—прекратил свою вражду с ней, и, повидимому, они пришли к какому-то соглашению, а быть может он даже признал себя побежденным. В начале 1870 года его популярная газета — «Улей» — перешла в руки Хунты и ее друзей. Поттер был оставлен редактором, но административно подчинен священнику Генри Солли, основавшему в 1862 г. Общество рабочих клубов и других учреждений для трудящихся. На конгрессе профессиональных союзов в 1869 году, где, как мы видели, получила одобрение политика Хунты по отношению к Королевской комиссии, Оджер предложил, а Поттер поддержал резолюцию в пользу рабочего представительства в парламенте. Эта резолюция была единодушно принята конгрессом. Правда, в том же году Оджер в Стаффорде, а Поттер в Ноттингаме отказались от своих кандидатур в пользу либералов, чтоб не разбивать голосов избирателей. Но, как мы увидим дальше, это вовсе не противоречило взглядам вождей рабочего класса на рабочее представительство.

Решив принять участие в парламентской борьбе, Хунта создала для этой цели специальную организацию. В 1869 г. была основана Лига рабочего представительства. Задачей ее было содействовать избранию трудящихся в парламент, провести по всей стране регистрацию рабочих-избирателей «независимо от их убеждений или принадлежности к той или иной партии» и рекомендовать избирателям голосовать за тех кандидатов, преданность которых делу рабочего класса не оставляла сомнений. Лига принимала членов в индивидуальном порядке. Членский взнос был установлен в 1 шиллинг для рабочих и в 10 шиллингов для тех, кто были рабочими, но «перешли к другой профессии». Президентом лиги состоял адвокат Р. М. Латам; казначеем — Аллан из Об'единенного общества машиностроителей; место секретаря занял старый оуэнист Ллойд Джонс. В исполнительный комитет вошли: от Хунты — Эппльгарт, Каульсон, Кремер, Гайл, Хоуэлл, Оджер и Шиптон; от машиностроителей — Вильям Ньютон; от каменщиков — Коннолли. Кроме того, членами исполнительного комитета состояли Холиок и Джорж Поттер. Выставлялась и кандидатура Чарльза Брадло, но он отказался, мотивируя это тем, что в декларациях Лиги ничего не говорилось о ее политических принципах.

Дальше мы увидим, что Лига рабочего представительства была в значительной степени местным, лондонским движением. Северные лидеры не примкнули к ней. Кандидаты, выставляемые ею в парламент, сплошь были деятелями южных провинций Англии. В 1870 г. Оджер выставил свою кандидатуру на дополнительных выборах в Саутуорке. Ему пришлось бороться с кандидатами двух других партий — либеральной и консервативной. Либерал в конце голосования отказался от своей кандидатуры в пользу Оджера. Но было слишком поздно — победа была за консерватором. В конце того же года Оджер снова выступил на выборах в Бристоле, но на этот раз он отказался в пользу либерала. Хоуэлл поступил так же в 1871 году в Нориче.

На этих ранних дополнительных выборах Лига стремилась к тому, чтоб либеральная партия округа, в котором происходили выборы, поддержала ее кандидатов. Рабочие представители хотели выставлять свои кандидатуры от имени либералов, а в случае победы на выборах — входить в парламенте в либеральную фракцию. Многие либералы, в том числе и Джон Стюарт Милль, неоднократно выражали пожелание видеть в парламенте представителей рабочих, которые говорили бы о нуждах своего класса. А Лига и не стремилась ни к чему большему. В самом деле, одной из ее основных задач было не столько провести рабочих представителей в палату общин, сколько побудить либералов поддерживать в парламенте требования рабочего класса. Многие члены Лиги не шли даже так далеко, как Милль, который писал Оджеру: «Трудящиеся должны добиться проведения своих представителей в парламент. Им выгодно даже вначале поддержать консерваторов, чтоб поколебать либеральное большинство. Если им это удастся сделать, тогда либералы с радостью пойдут на компромисс и допустят в парламент нескольких представителей рабочих».

Неуклонные отказы правительства отменить или хотя бы внести изменение в «акт о поправках к уголовным законам» заставили их лидеров последовать совету Милля. Поражение либералов и возвращение к власти консерваторов на всеобщих выборах 1874 г. безусловно обязано до некоторой степени рабочим избирателям. Эти выборы были первым боевым крещением Лиги рабочего представительства. Она не только выставила против либералов кандидатов от рабочих, но в некоторых случаях побуждала рабочих голосовать за консерваторов против наиболее реакционных кандидатур

либеральной партии. Более того, в нескольких избирательных округах консерваторы вовсе не выставляли кандидатов или же выставляли на два места одного, предоставляя, таким образом, рабочим кандидатам все шансы в борьбе с либералами.

В общей сложности на этих выборах было выставлено пятнадцать рабочих кандидатур. В числе их мы находим Оджера, Поттера, Хоуэлла, Барта, Мак-Дональда, Бродгерста, Кремера, Халлидея, Пикарда, Люкрафта и Джона Кэйна. Оба союза горнорабочих приняли в избирательной борьбе горячее участие. Из пятнадцати кандидатов избранными оказались двое — и оба горнорабочие: Томас Барт[1]) прошел от Морфета и Александр Мак-Дональд от Стаффорда. Но и в том и в другом избирательном округе либералы не выставляли своих кандидатур, и оба рабочих представителя прошли об'единенными голосами либералов и рабочих. В палате общин они примкнули к либеральной фракции. На следующих выборах — в 1880 году — прошел еще один рабочий — Генри Бродгерст, секретарь Лиги рабочего представительства. Он тоже примкнул к либералам. После этого Лига рабочего представительства распалась.

До 1874 года Лига рабочего представительства пробовала свои силы на местных выборах. Она создала специальный Центральный комитет школьных советов трудящихся для участия в выборах новых школьных советов, созданных по закону об обучении 1870 года. Лиге удалось провести в Финсбери своего кандидата Бенджамина Люкрафта. Так началось движение за рабочее представительство в органах местного самоуправления. Но до реформы местного самоуправления в 1888 году движение это не сделало сколько-нибудь заметных шагов вперед.

Тем временем, на Конгрессе профессиональных союзов ежегодно стоял на повестке дня вопрос о рабочем представительстве, ежегодно более или менее единодушно проводились резолюции в пользу рабочего представительства. В 1873 году парламентский комитет получил от Конгресса наказ содействовать местным профессиональным организациям в проведении кандидатов союзов в различные выборные органы. Но, повидимому, комитет ничего не сделал в этом направлении, хотя в том же году была основана

---

[1]) Томас Барт еще в 1924 г. был старейшим членом палаты общин и «маститым» либералом, резко выступавшим против рабочей партии.

Прим. ред.

Федерация об'единенных предпринимателей. Инициатива создания этой федерации принадлежала, главным образом, собственникам машиностроительных заводов и верфей, а целью ее было — бороться с политическими притязаниями союзов и предотвратить отмену существовавших законов о союзах. Конгресс продолжал ежегодно проводить благочестивые резолюции. Но фактически никаких шагов не было сделано вплоть до восьмидесятых годов.

Движение за рабочее представительство, очевидно, даже и не ставило себе целью создать отдельную партию рабочего класса. Мысль об этом была у некоторых лидеров Лондонской ассоциации трудящихся в 1867 году. Возможно, что главным образом из-за этого они и потерпели неудачу. Но как только движение за рабочее представительство попало в руки Хунты, никто и не заикнулся об особой рабочей партии. Хунта в первую голову пользовалась движением как орудием для улучшения законов о труде. Когда же намеченная цель была достигнута, она превратила движение в простой вспомогательный аппарат либеральной партии, политические убеждения которой она все более и более разделяла. Был период, когда между лидерами профессионального движения и вождями либералов возникли разногласия по вопросу о законах о труде. Но когда консервативное правительство нашло удовлетворительное разрешение этого вопроса, рабочие вожди снова вернулись под стяг либералов, и движение за рабочее представительство, как независимое течение в истории рабочего класса, утеряло свое значение. В 1875 году началась эра «рабочих либералов».

2. Законы о труде 1875 года.

В 1874 году либеральное правительство пало, и к власти пришли консерваторы. Перед профессиональными союзами встал вопрос: как отразится эта перемена на их требовании об отмене акта о поправке к уголовным законам. Либеральное правительство отказалось не только отменить этот акт, но и внести в него какие бы то ни было изменения, и рабочие-избиратели обратились против либерального правительства. Но можно ли было ожидать чего-нибудь большего от консерваторов? Правда, консервативное правительство провело реформу 1867 года и дало рабочим избирательные права. Но, несмотря на это, подали в 1868 году голоса за либералов. Все ждали, что теперь сделает Дизраэли. Вопрос этот тревожил лидеров профессиональных союзов, и они

решили со своей стороны использовать все свое влияние, чтоб добиться поставленной цели.

Первым шагом правительства было назначение королевской комиссии для расследования вопроса о том, как действовали и применялись на практике законы о труде. Профессиональные союзы сразу подняли бурю протеста, так как эта мера как бы снова ставила весь вопрос сначала и угрожала опасностью закону о профессиональных союзах 1871 года. Томас Барт после совещания с Хоуэллом и Фредериком Гаррисоном отказался от участия в комиссии. Парламентский комитет конгресса профессиональных союзов провел резолюцию протеста против образования этой комиссии и требовал немедленных законодательных мер. Тем не менее, Александр Мак-Дональд и Томас Юз, в конце концов, согласились войти в королевскую комиссию. Несмотря на то, что Мак-Дональд был председателем парламентского комитета[1]), эта организация продолжала свою политику бойкота комиссии и призывала к тому же все профессиональное движение. В такой обстановке члены комиссии приступили к работе.

Вскоре после этого профессиональные союзы были снова взбудоражены внесением очень подробного законопроекта, являвшегося дополнением и изменением к закону об обществах взаимопомощи. В этом законопроекте было предложено отменить закон 1871 г. о профессиональных союзах и заменить его новым. Это вызвало бурю протеста, и правительство, в конце концов, отказалось от своего предложения, включив в закон об обществах взаимопомощи 1875 г. лишь несколько второстепенных технических поправок к закону 1871 года. Тем временем, королевская комиссия собрала материалы. Но лишь немногие профессиональные деятели (в их числе секретарь союза маляров Джорж Шиптон) не последовали призыву парламентского комитета и предстали пред комиссией для дачи показаний. Отчет комиссии был издан в начале 1875 года и подписан всеми ее членами (в том числе и Юзом), кроме Мак-Дональда, который остался при особом мнении. Отчет был очень неблагоприятен для профессиональных союзов. Комиссия предлагала внести в акт о поправке лишь незначительные изменения, а закону

---

[1]) Кол не упоминает, что есть иная версия участия Мак-Дональда в комиссии: Хоуэлл и др. утверждают, что Мак-Дональд дал свое согласие на участие с санкции профсоюзов, которые де видели в этом участии возможность извнутри следить за работой комиссии. Прим. ред.

о заговорах дать несколько иную чем прежде редакцию. Правда, была предложена и отмена карательных статей «закона о господах и слугах». Но в остальном и этот закон был оставлен без изменений. Мак-Дональд в своем мнении высказывался за полное удовлетворение требований профессиональных союзов, в том числе и за совершенную отмену «акта о поправках».

Деятели профессиональных союзов пришли в сильное возбуждение. Началась ожесточенная агитация. Повидимому, это повлияло на правительство; по крайней мере, законопроекты, внесенные министерством в июне 1875 года, показывали, что оно решило пойти на уступку союзам. Законопроектов министерства было два, и они являлись непосредственным продолжением закона об Обществах взаимопомощи, который был упомянут выше.

«Закон о господах и слугах» 1867 г. был заменен «законом о предпринимателях и рабочих» 1875 года. Это изменение касалось не только названия, но и существа закона. Тюремное заключение за нарушение контракта было отменено. Заключение контракта о найме, наравне со всеми другими контрактами, являлось теперь чисто гражданской процедурой. Предприниматель и рабочий заключали контракт как два равноправных юридических лица.

Акт о поправке к уголовным законам 1871 года был также совершенно упразднен и заменен «законом о заговорах и охране собственности» 1875 года. Выставление мирных забастовочных пикетов было признано законным. Ни одно действие, совершенное об'единением лиц, не могло быть наказуемо, если оно считалось законным при совершении его отдельным лицом. Двусмысленные статьи о «беспокойстве», «принуждении» и «обструкции» в новом законе совсем не повторялись, а дела о запугивании и насилии должны были разбираться на основании общих законов. Иными словами, профессиональные союзы получили то, к чему они стремились, — признание со стороны закона и неприкосновенность за руководство в промышленных конфликтах. Так, по крайней мере, дело обстояло до судебного решения по делу о стачке в Таффской долине в 1901 году. В истории рабочего законодательства семидесятых годов последним был «акт о поправке к закону о профессиональных союзах» 1876 года. Он вносил только незначительные поправки административного характера в закон 1871 года, хотя одна из его статей впоследствии — в знаменитом деле Осборна 1907 г. —

приобрела зловещее значение для профессиональных союзов.

Консервативное правительство дало такое полное удовлетворение профессиональным союзам потому, что оно было очень озабочено привлечением на свою сторону рабочей части избирателей. Но рабочие избиратели оказались «неблагодарными». Получив от консерваторов освобождение, они еще крепче, чем когда-либо, связали себя с либералами.

3. Движение за девятичасовой рабочий день.

Период 1867—1875 г.г. был во всех отношениях знаменателен в истории английского рабочего движения. Профессиональные союзы вели в это время упорную борьбу за легализацию. С этой борьбой связан и первый опыт широкого коллективного политического выступления. Вместе с тем эти годы были отмечены острыми и повсеместными промышленными волнениями. Между 1867 и 1874 годами рабочие массами вступали в союзы. Число союзов тоже неуклонно росло. Мы уже рассматривали этот процесс роста на примере горнорабочих, организация которых достигла наибольшего расцвета [1]) именно в эти годы. Здесь мы постараемся выяснить, как этот процесс отражался на всем рабочем движении в целом.

После финансового кризиса 1866 года наступили два года депрессии на рынке. Главной деятельностью профессиональных союзов в это время была борьба с понижением заработной платы. В 1867 году был об'явлен известный локаут на верфях Клайда. Годом раньше предприниматели основали могущественную Ассоциацию судостроителей и машиностроителей Клайда — для борьбы с рабочими союзами. В 1867 г. они об'явили локаут и представили рабочим форму расписки, в которой говорилось об отказе от членства в профессиональном союзе. Подписавших эту расписку они принимали обратно на работу. Шесть месяцев длилась борьба, пока союзы не были разбиты. В 1867 г. стал существовать союз организованных профессий, о котором была речь выше. Локаут в Клайде очень неблагоприятно отразился на еще неокрепшем финансовом аппарате Союза.

В 1869 году положение изменилось. В промышленности наступила эпоха под'ема. Время с 1870 до 1873 года было

[1]) Явное преувеличение: наибольший расцвет наступает для горняцкого об'единения в 1912 г., после удачной всеобщей стачки, и сразу после империалистической войны. Прим. ред.

периодом полного благополучия. Но с 1874 года начался постепенный упадок. За годы расцвета промышленности профессиональное движение сделало большой шаг вперед.

Под'ем начался в 1869-70 г. со строительной промышленности — произошел ряд местных стачек строительных рабочих, а в Лондоне возродилось движение за девятичасовой рабочий день, не повлекшее, впрочем, за собой немедленных результатов. В большинстве провинциальных центров стачки 1869 и 1870 г.г. увенчались успехом в отношении сокращения рабочего дня и увеличения заработной платы. Успехи строителей были, повидимому, прямой причиной большого движения за девятичасовой рабочий день у машиностроителей в 1871 году.

Это большое стачечное движение замечательно по своей форме и по достигнутым результатам. Амальгамированное общество машиностроителей ничего не сделало для этого движения. Под лукавым руководством Вильяма Аллана Общество стало слишком осторожно, чтоб связать судьбу своей организации с каким бы то ни было крупным передовым движением. Аллана гораздо больше интересовало сохранение фондов своего союза и расширение товарищеских пособий, чем борьба за повышение заработка или сокращение рабочего дня. Движение целиком началось на местах. Сигналом послужила стачка, вспыхнувшая в Сендерленде в начале 1871 года. Там рабочие потребовали девятичасового рабочего дня и забастовав добились своего.

Предприниматели Северо-восточного побережья, предвидя, что движение перекинется и дальше, сразу сорганизовались и заняли боевую позицию. Рабочие же были в большинстве совершенно неорганизованы. Союзы машиностроителей, котельщиков и другие об'единяли исключительно квалифицированных рабочих, да и то не всех. Сразу же была создана импровизированная организация. Лидеры профессиональных союзов на местах создали Лигу борьбы за девятичасовой рабочий день. В нее на равных основаниях принимались как члены, так и не члены профессиональных союзов. Предприниматели провели по всей стране сбор в пользу тех фирм, рабочие которых забастовали. Была сделана попытка ввезти штрейкбрехеров из-за границы. Но с этим успешно боролось Международное общество рабочих. Оно послало на континент своего датского секретаря в Лондоне — Кона, чтоб тот останавливал штрейкбрехеров от поездки в Англию. Наконец, предприниматели уступили. На всех машинострои-

тельных заводах и на верфях Северо-восточного побережья была официально введена пятидесятичетырехчасовая рабочая неделя.

Результаты этой победы сказались очень быстро. По всей стране строители и машиностроители, а также и рабочие других отраслей промышленности стали требовать сокращения рабочего дня. Шахтовладельцы Дургэма согласились признать Дургэмскую ассоциацию горнорабочих и отменили годовые контракты о найме. Горнорабочие Южного Уэльса об'явили забастовку и победили. Прядильщики Олдгэма были почти совсем одиноки в своей неудаче — они бастовали за прекращение работы по субботам в полдень. Но эта неудача в значительной степени об'ясняется тем, что в хлопчатобумажных промышленных округах стачечное движение вообще не получило широкого распространения.

Стачки продолжались и в 1872 и в 1873 годах, особенно среди машиностроителей. В 1873 году машиностроители Клайда отомстили за свое поражение в 1867 году, добившись рабочей недели в пятьдесят один час. В 1872 году в Лондоне была об'явлена стачка строителей за девятичасовой рабочий день и за увеличение заработной платы. Предприниматели ответили на нее всеобщим локаутом. Стачкой руководил Об'единенный комитет строительных профессий. Но каменщики выступили сепаратно и заключили с предпринимателями компромиссное соглашение. Тогда и другим забастовщикам пришлось, проклиная каменщиков за предательство, вернуться на работу. В связи с этой стачкой Патрик Кэнни, ставший потом ренегатом рабочего движения, основал Генеральный об'единенный союз чернорабочих. Этот союз распался в годы наступившей затем депрессии. В то же время Джорджу Шиптону удалось собрать ряд организаций маляров в об'единенное общество, построенное на тех же основах, что и все Об'единенные общества. Лондонские рабочие, как мы видим, добились только частичного успеха. Но во многих округах пятидесятичетырехчасовая рабочая неделя была введена даже без стачки.

Движение за девятичасовой рабочий день привело и к другому результату. Оно показало, что победа может быть достигнута и без дорого стоящей и сложной организации Об'единенных обществ. Рабочие увидели, что победа возможна не только для квалифицированных рабочих. Менее квалифицированные стали задумываться о том, что и для них профессиональная организация может оказаться не беспо-

лезной. В эти знаменательные годы возник ряд союзов менее квалифицированных рабочих. Союз рабочих газовых заводов, основанный в 1872 году, является лишь одним из многочисленных примеров. Железнодорожники, не имевшие почти никакой организации, основали в 1872 году Об'единенное общество железнодорожных служащих. Они получили финансовую помощь для своей организации от либерала Михаила Басса, пивовара по профессии. Эмма Патерсон принялась за организацию союзов женщин-работниц. В 1874 году она основала Лигу защиты женщин, которая позже получила название Женской лиги профессиональных союзов.

Более всего заслуживает внимания движение среди сельско-хозяйственных рабочих. Они были разбиты на голову в тридцатых годах и после этого казались неспособными к какой бы то ни было организации. Правда, еще в шестидесятых годах была одна-две разрозненных стачки сельско-хозяйственных рабочих, но они с легкостью разбивались хозяевами. В 1871 году батраки неожиданно зашевелились. В Герфордшире возник союз сельско-хозяйственных рабочих, число членов которого вскоре достигло 30.000. Но еще большее значение имел сдвиг, происшедший в следующем году в Уорвикшире. Во время местной стачки за повышение заработной платы и сокращение рабочего дня (кстати сказать, увенчавшейся успехом) Джозеф Арч — батрак и методистский проповедник — основал Уорвикширский союз батраков. Движение с необычайной быстротой распространилось на юг, восток и запад. В течение немногих месяцев Уорвикширский союз превратился в Национальный союз сельско-хозяйственных рабочих, и вскоре число членов его дошло до 100.000. Кроме того возник ряд местных союзов, которые отказались влиться в Национальный союз и образовали Федеральный союз сельско-хозяйственных рабочих и чернорабочих, допускавший значительную свободу действий входивших в него организаций. Этот союз имел до 50.000 членов. Кент тоже имел свой могущественный союз, который впоследствии распространился и на Суссекс.

Везде, где возникало отделение какого-нибудь из этих союзов, сразу же выставлялись требования о повышении заработной платы и сокращении рабочего дня. В некоторых случаях фермеры преследовали вожаков. Сельская знать и приходские священники встретили организованных рабочих тоже очень враждебно. Но батраки были в тот момент сами достаточно сильны и имели достаточно сильную поддержку,

чтоб добиться почти повсеместного удовлетворения своих требований. Союзы промышленных рабочих и многие сочувствовавшие движению представители мелкой буржуазии оказывали батракам серьезную помощь деньгами и организационной работой. Казалось, что деревня, наконец, проснулась.

Однако, очень скоро фермеры и дворянство опомнились от первого удара и стали все более и более преследовать союзы. В Чиппинг-Нортоне шестнадцать жен батраков были подвергнуты тюремному заключению по обвинению в запугивании штрейкбрехеров во время происходившей там стачки. В 1874 году хозяева почти повсеместно прибегли к локауту, для того чтобы сломить профессиональные союзы. Часть батраков Суффолька потребовала увеличения заработной платы с 13 шиллингов до 14 шиллингов за пятидесятичетырехчасовую неделю. Предприниматели ответили всеобщим локаутом по всему графству. Локаут затем распространился и на другие области. В конце концов в конфликт оказались вовлеченными все восточные и средние графства. Союзы не выдержали такого нападения, и тысячи рабочих были принуждены вернуться на работу, отказавшись от членства в профессиональных союзах.

Это было первым ударом. Затем в английском сельском хозяйстве наступила депрессия. Отмена хлебных законов, произведенная тридцать лет назад, только сейчас дала себя почувствовать. С ростом общего промышленного кризиса в конце семидесятых годов цены сильно упали. Хлеб стал ввозиться в Англию из-за границы по таким ценам, с которыми английский фермер не мог конкурировать. Далее, превращение полей в пастбища сократило спрос на труд сельско-хозяйственных рабочих. Союзы стали всеми силами содействовать эмиграции своих членов. Но все то, что они могли сделать, было до смешного недостаточно для разрешения вопроса. Число членов союзов батраков стало быстро падать. Национальный союз Арча насчитывал в 1881 г. всего 15.000 членов. Уцелевшие союзы прекратили защиту интересов своих членов в борьбе с хозяевами. Они ограничились товарищеской помощью и потеряли всякое значение в промышленной борьбе. Только в Норфольке Национальный союз сохранил свою жизнеспособность и мог помочь Джозефу Арчу попасть в 1885 году в парламент, когда реформа 1884 г., наконец, дала избирательные права сельско-хозяйственным рабочим.

Однако, движение батраков, несмотря на неудачу, было редзнаменованием новой эры в профессиональном движении. В течение нескольких лет казалось, что вырастает новое широкое профессиональное движение, которое охватит на равных началах и рабочих города и рабочих деревни. Узость взглядов и цеховой уклад амальгамированных обществ отметались более широким идеалом единства рабочего движения. Возродились старые идеи, присущие великому движению тридцатых годов. Рабочие снова стали мечтать о контроле над промышленностью. Снова были возобновлены опыты самоуправляющихся фабрик и заводов, контролируемых профессиональными союзами. Йоркширская и Дургэмская ассоциации горнорабочих приобрели шахты. Машиностроители Северо-восточного побережья открыли в Аусберне свои мастерские. Союз трикотажных рабочих завел тоже собственную фабрику. Профессиональные союзы один за другим проникались мыслью о кооперативном производстве. Старый оуэнист Ллойд Джонс, секретарь Лиги рабочего представительства, особенно поощрял это движение. И даже осторожный Александр Мак-Дональд, вероятно, под влиянием своего друга-оуэниста Кэмпбелля (из профессионального совета Глазго) поддерживал такое движение среди горнорабочих.

Это временное возрождение кооперативного производства сопровождалось большим развитием потребительской кооперации. Мы видели, как в 1868 г. начало свою деятельность Кооперативное общество оптовых закупок. В 1873 г. Кооперативное общество оптовых закупок Северной Англии стало просто Кооперативным обществом оптовых закупок. Организации его распространились по всей стране, и скоро оно открыло свое первое производственное начинание — фабрики печенья и обуви. Развитие его пошло вперед быстрыми шагами. Число производственных предприятий его все росло и росло. Тем временем и в потребительской кооперации возникла мощная национальная организация. В 1869 г. был основан Центральный кооперативный комитет и начались ежегодные кооперативные конгрессы, ничем не отличающиеся от современных. Несколькими годами позже комитет превратился в Кооперативный союз, ставший общепризнанным центральным органом всего движения в целом. К нему примкнули почти все кооперативные общества — как производственные, так и общества оптовых закупок. Однако, движение продолжало оставаться совершенно де-

централизованным, и каждое местное общество в полной мере сохраняло свою независимость. Закон о промышленных и снабжающих обществах 1876 года значительно расширил права Общества оптовых закупок.

Потребительская кооперация продолжала свое развитие, мало отражая периоды расцвета и упадка торговли. Но великое возрождение профессиональных союзов начала семидесятых годов было непродолжительным. Все его планы, надежды и организационные шаги погибли в эпоху надвинувшейся депрессии. Начиная с 1875 г., положение на рынке неуклонно ухудшалось. Кооперативные шахты и фабрики должны были закрыться. Новые союзы растеряли своих членов, а во многих случаях были принуждены официально об'явить о своем роспуске. Надежда и вера сменились апатией и отчаянием. Большие организации горнорабочих были сломлены и почти совершенно исчезли. Только амальгамированные общества устояли в тяжелые времена конца семидесятых годов. Но они уцелели лишь ценой совершенного отказа от стачечной борьбы. История этого краха и последовавшего за ним возрождения относится к следующей главе. Тут мы только отметим, что под'ем, описанный в этой главе, непосредственно перешел бы в то великое движение, которое было порождено «новыми союзами» и нашло свое выражение в стачке докеров в 1889 году. Но этому помешала депрессия конца семидесятых годов. Глубокие внутренние силы, которые таило рабочее движение, дали почувствовать себя в период 1867—1875 г.г. Наступивший кризис на десять лет придушил эти силы.

4. Фабричные законы. Политика Плимсолля.

Сельско-хозяйственные рабочие пытались улучшить свое положение путем организации. В то же время углекопы и рабочие текстильных фабрик продолжали свою агитацию за дальнейшее законодательство в пользу трудящихся. Мы видели, что в 1872 году горнорабочие добились проведения закона об угольных и металлических копях. Неудача забастовки олдгэмских прядильщиков заставила союзы ткачей и прядильщиков в Ланкашире положить начало движению за сокращение рабочего дня. В 1872 году была основана Ассоциация борьбы за реформу фабричного законодательства. По всем текстильным округам возникли специальные комитеты. В 1867 году фабричные законы были распространены на ряд новых отраслей промышленности. Впервые все

без исключения предприятия были подчинены известным правилам. Что касается продолжительности рабочего времени, то попрежнему в силе оставался закон 1850 года, ограничивавший продолжительность рабочей недели шестьюдесятью часами. Целью союзов было теперь добиться законодательного введения пятидесятичетырехчасовой недели. Это дало бы рабочий день в девять с половиной часов, с прекращением работы по субботам в полдень. В ответ на требования союзов правительство назначило ряд комиссий для изучения положения в текстильных промышленных округах. Отчет этих комиссий, изданный в 1873 году, высказывался в пользу введения пятидесятичетырехчасовой недели. В тот же год А. Дж. Мунделла, как всегда, действуя в тесном союзе с умеренными лидерами профессионального движения, внес в палату общин свой фабричный законопроект (об охране здоровья женщин). Законопроект сразу вызвал бурю. Многие либералы воспротивились ему как приверженцы принципа невмешательства государства в хозяйственную жизнь. Это сыграло свою роль в поражении либерального министерства на всеобщих выборах 1874 года. Консерваторы, вернувшись к власти, провели закон, по которому минимальный возраст для поступления на текстильную фабрику был поднят до десяти лет. Закон должен был вступить в действие через год после его издания. Но на пятидесятичетырехчасовую неделю консерваторы не пошли и дали пятидесятисемичасовую.

После этих событий агитация возобновилась с удвоенной силой. Правительство было вынуждено назначить в 1876 г. комиссию для расследования вопроса о фабричном законодательстве в целом. Конфликты, которые давали себя знать еще при проведении закона 1874 года, к 1876 году значительно усилились, и с ними прежде всего встретилась вновь назначенная комиссия. Дело в том, что профессиональные союзы свои требования сокращения рабочего дня для всех рабочих облекали в форму требований законодательной охраны женского и детского труда. Они знали, что если рабочий день для женщин и детей будет сокращен в законодательном порядке, то тем самым будет сокращен рабочий день и для мужчин, потому что фабрики не станут открываться для одних рабочих мужчин. На этот раз им пришлось столкнуться с народившимся феминистским движением. Лидеры последнего протестовали против каких бы то ни было специальных правил для женщин. Они говорили, что для

женщин это уменьшит возможность получить работу и вообще все это уловка со стороны мужчин, имеющая целью вытеснить женщин с фабрик. Новые женские профессиональные союзы, под руководством Эммы Патерсон, высказались против требований Ассоциации борьбы за реформу фабричного законодательства; многие либералы во главе с профессором Фауссетом, жена которого была одним из лидеров феминистского движения, ухватились за это обстоятельство, чтобы присоединиться к лагерю оппозиции.

В результате закон 1878 года, хотя и привел в некоторый порядок фабричное законодательство и усовершенствовал способы его применения на практике, все же ничего не говорил о сокращении рабочей недели. Текстильщики были снова предоставлены своим собственным силам. В том же 1878 году разразилась крупная забастовка в хлопчатобумажной промышленности. Она положила конец передовому рабочему движению. Промышленный кризис в этой отрасли начал проявляться около 1877 года, и предприниматели стали проводить на местах снижение заработной платы. Это вызвало не одну стачку. В 1878 году положение на рынке еще значительно ухудшилось, и предприниматели во всех округах потребовали сокращения заработной платы на 10%. Союзы возразили, что кризис вызывается перепроизводством, и потребовали сокращения выработки путем введения четырехдневной рабочей недели. Предприниматели отвергли это требование как нарушение их свободы и вмешательство в управление их собственными предприятиями. Тогда была об'явлена стачка, сопровождавшаяся некоторыми беспорядками. Дом председателя ассоциации предпринимателей был разгромлен и сожжен. После десяти недель забастовки рабочим пришлось вернуться на работу, приняв условия, выставленные предпринимателями. Это положило на время конец движению за сокращение рабочего дня.

В те годы, когда текстильщики боролись за фабричное законодательство, Самуил Плимсолль начал свою агитацию за улучшение быта моряков. В 1871 году он обратился к Конгрессу профессиональных союзов за поддержкой в проведении внесенного им законопроекта о торговом мореплавании. На Конгрессе 1873 года он, в подкрепление своей агитации, распространил написанную им брошюру «Наши моряки», в которой красноречиво описывались те ужасающие условия, в которых должны были работать моряки торгового флота, те трудности и опасности, которым они

подвергались вследствие неисправности и ветхости судов. Все изложенное подтверждалось убедительными документами, причем автор не стеснялся называть имена и ссылаться на определенные события. Он как бы преднамеренно давал материал для возбуждения судебного преследования за диффамацию.

Профессиональные союзы с энтузиазмом взялись за поддержку Плимсолля. Руководящую роль взял на себя Ливерпульский профессиональный совет. Но и другие союзы отозвались на призыв моряков. Иоркширские горнорабочие внесли каждый по шиллингу и всего собрали более 1.000 фунтов, которые и послали на поддержку кампании. Такую же сумму послали и машиностроители и об'единенные горнорабочие. Был основан специальный Комитет фонда Плимсолля и моряков. В него вошли руководящие представители профессионального движения. Место секретаря занял Джорж Хоуэлл. Лорд Шэфтсбери принял пост председателя. По всей стране устраивались митинги для поддержки законопроекта Плимсолля.

Правительство очень скоро пошло на уступки, несмотря на сильную оппозицию судовладельцев в обеих палатах парламента. В 1873 году был проведен временный закон, на основании которого в первый же год его действия более четырехсот судов были признаны непригодными для мореплавания. Агитация Плимсолля осталась не без влияния на результат всеобщих выборов 1874 года. На следующий год новое консервативное министерство внесло законопроект о торговом мореплавании, который в 1876 году приобрел силу закона.

Описанные агитационные кампании дают некоторое представление о том социальном ферменте, который бродил в начале семидесятых годов. Это был самый активный период социального законодательства за все девятнадцатое столетие. За семь лет были проведены: закон о копях 1872 года; фабричный закон 1875 года; закон о торговом мореплавании 1876 года; два закона об обучении 1870 и 1876 г.г., которые впервые по всей стране ввели всеобщее начальное обучение; судебный закон 1873 года, перестроивший систему судопроизводства; законы об охране общественного здоровья 1872 и 1875 годов, которые были провозвестниками новой эры в местном самоуправлении; закон о жилищном строительстве 1876 года, в котором впервые была ясно выражена мысль об общественной ответственности за жилищные

условия в городах. Кроме того, в 1870 году была произведена реформа гражданского процесса, причем в основу его было положено публичное разбирательство. В 1873 году возникло движение за распространение университетского образования. Закон о строительных обществах 1872 года, закон об обществах взаимопомощи 1875 года и закон о промышленных и снабжающих обществах 1876 года были такой же хартией для кооперативных обществ взаимопомощи, как законы о труде 1871—1875 годов для профессиональных союзов. Даже сразу после реформы 1832 года законодательство не развивалось таким усиленным темпом. Наибольшей активностью ознаменовались первые три года деятельности консервативного министерства, пришедшего к власти в 1874 году.

Но этот общественный прогресс неожиданно оборвался. Движение за социальную реформу подверглось той же участи, как и все профессиональное движение. Депрессия конца семидесятых годов приостановила его. В следующей главе мы подробно рассмотрим ее.

ГЛАВА VII.

ВЕЛИКАЯ ДЕПРЕССИЯ.

1. Начало империализма.

Во вторую половину семидесятых годов пришел конец долгому периоду промышленного расцвета. В 1872 году английский экспорт выражался в сумме 256 миллионов фунтов стерлингов. В 1879 году он упал до 192 миллионов. Безработица, по статистическим данным профессиональных союзов, возросла с 1% до 12%. 1878 год был плохим годом. Но 1879 год был еще хуже. Затем наступило временное улучшение. В 1880 году положение в промышленности было плохим, но появились некоторые признаки возрождения. В 1881 и 1882 году положение было удовлетворительным. В 1882 году экспорт поднялся опять до 241 миллиона, а безработица упала ниже 3%. Но затем наступил новый кризис, который продолжался до 1888 года. Худшими временами были 1885 и 1886 г.г., когда экспорт упал до 213 миллионов, а безработица достигла 10%. Далее наступил расцвет 1889 и 1890 годов. В продолжение всего следующего десятилетия положение оставалось более или менее устойчивым.

Великая депрессия, как мы видели, прекратила движение за социальную реформу и положила конец быстрому развитию профессиональных союзов. Большие союзы сельскохозяйственных рабочих пришли в полный упадок. Национальный союз горнорабочих, созданный Мак-Дональдом, распался. Хлопчатобумажники, строители и машиностроители терпели поражения в больших стачках, вызванных понижением заработной платы. Кооперативные фабрики профессиональных союзов обанкротились, даже потребительская кооперация терпела большие затруднения. Те профессиональные союзы, которые продолжали существовать, были поставлены в суровые условия; обороняя себя, они ограничили, насколько возможно, свою деятельность. Все свелось

к распределению товарищеских пособий и выработке проектов примирения с предпринимателями. Движущая скàла, которая ставила заработную плату в зависимость от рыночных цен на продукты данного производства, утвердилась повсеместно, в то время как эти цены неуклонно падали.

Каковы были причины этой депрессии? Прежде всего она была логическим следствием предшествующего периода благополучия. В течение целого поколения Англия процветала потому, что она снабжала весь мир своими товарами. Она имела фактическую монополию на эти товары благодаря своей высокой технике, богатым запасам угля, господству в железоделательной промышленности, искусству своих рабочих и наличию капитала для помещения в промышленные предприятия. Она могла продавать дешевле, чем ее конкуренты, и, тем не менее, получать большую прибыль. Уровень жизни рабочих за время от 1850 до 1875 года повысился, но это составило лишь незначительную часть того богатства, которое непрерывным обильным потоком вливалось в Великобританию со всего земного шара.

В середине семидесятых годов положение резко изменилось. Конкуренты стали серьезно угрожать господству английской промышленности. Соединенные Штаты начали сами удовлетворять свои потребности, оградившись тарифами от многих категорий британских товаров. За пшеницей, а также за мясом Англия все больше и больше обращалась к Соединенным Штатам, но в то время как импорт американских товаров возрастал, экспорт английских товаров в Америку перестал увеличиваться. Германия тоже стала сильным конкурентом, особенно в металлической промышленности. Перейдя к протекционной системе, она нанесла большой урон английской экспортной торговле. Большинство стран, которые были раньше английскими покупателями, начали в значительной степени сами обслуживать себя с помощью новой техники, пионером которой была Англия.

Наступившая депрессия об'яснялась еще и внутренними причинами. Длинный период усиленного железнодорожного строительства, давший Англии возможность выгодно помещать капиталы во всех частях земного шара, пришел к концу; замена железа сталью увеличила продолжительность службы рельс и другого оборудования, и тем самым значительно сократилась потребность в ремонте уже построенных железных дорог. В судостроительной промышленности открытие Суэцкого канала, увеличение скорости и провозной способ-

ности судов и замена железа сталью в судостроении создали избыток тоннажа и привели к ожесточенной конкуренции среди судовладельцев. Но что самое важное — это ряд крупных изобретений, имевших место в металлической промышленности, а именно Бессемеровский процесс литья стали, открытый в 1856 году, и Сименс-Мартеновский процесс 1866 года, а также открытия Гильхриста и Томаса в семидесятых годах. Эти изобретения революционизировали железное и стальное производство и заставили Англию, обладательницу самой крупной в мире и хорошо оборудованной железоделательной промышленности, в корне перестроить методы производства и реализовать те большие капиталы, которые были вложены в старое оборудование. Это повлекло за собой также огромный ввоз железной руды и уменьшение добычи английской. В большинстве английские руды, заключая в себе фосфор, были непригодны для новых приемов обработки Бессемера и Сименса.

Великая депрессия особенно сказалась в машиностроительной промышленности. Эта отрасль промышленности сильно страдала от иностранных конкурентов, построивших с самого начала свои предприятия на новых методах. Она также терпела от уменьшения спроса, вследствие сокращения железнодорожного строительства и замены железа сталью. Кроме того, английские машиностроительные заводы нуждались в полном переоборудовании.

В то время как другие страны вводили таможенные тарифы, направленные против английских товаров, система свободной торговли стала впервые серьезно применяться в Англии. Осязательные результаты отмены хлебных законов сказались только после того, как Америка стала вывозить свой хлеб. С удешевлением морского и сухопутного транспорта в английские порты стали доставляться дешевые с'естные припасы. Цены, разумеется, упали, и это в значительной степени ослабило последствия понижения заработной платы городских рабочих. Английскому сельскому хозяйству был нанесен тяжелый удар. Обезлюденье сельских местностей началось уже в 1850 году, но оно пошло особенно быстрым темпом в десятилетие 1880—90 г.г. Дело в том, что Англия потеряла свою мировую монополию. Она попрежнему осталась самой богатой страной в мире. Капиталы, которые прошлое поколение вывезло за границу, продолжали приносить ежегодно большие барыши. Накопление капитала продолжалось. Значительная часть этих бары-

шей снова вкладывалась в заграничные предприятия. Богатые классы общества тоже помещали излишки своих доходов за границей. Но все это не могло обеспечить такого непрерывного потока заказов, как раньше, даже там, где Англия продолжала быть поставщиком капитала.

В восьмидесятые годы отовсюду неслись жалобы на падение торговли и оплакивался закат английской мировой монополии. Отчеты королевской комиссии, назначенной в 1886 году по вопросу о депрессии торговли, полны таких жалоб. Депрессия пошатнула веру в бесконечный, не требующий никаких усилий, автоматический прогресс — веру, столь дорогую современникам эпохи королевы Виктории. Слышались предсказания о скорой гибели. Раздавались призывы к немедленным действиям во имя спасения. В английской торговой и экономической политике наступили большие перемены. Теория экономического невмешательства, почти безраздельно господствовавшая в течение целого поколения, в корне пошатнулась. Тарифная реформа продолжала еще считаться экономической ересью, но в деловом мире все чаще и чаще раздавались голоса в защиту ее.

Наступившие перемены особенно сказались в отношении Англии к своим колониям. В «золотой век» общественное мнение было вполне подготовлено к тому, что колонии рано или поздно станут совершенно независимыми. Такие деятели, как Брайт и Кобден, все время ждали, что колонии отпадут от метрополии, как спелые яблоки спадают с яблони. Самоуправление доминионов рассматривалось, как предварительный шаг к полной их независимости. Несамоуправляющиеся же части империи казались, главным образом, источником излишних беспокойств и ответственности. Индия, правда, всегда была до некоторой степени исключением из общего правила в силу особого значения ее рынка для английской промышленности. Но весь мир казался открытым рынком для английских товаров. Англии незачем было брать на себя заботы об его управлении.

В семидесятых годах, в особенности с нарастанием депрессии, это положение изменилось. А в восьмидесятых годах господствовали уже совершенно противоположные взгляды. Колонии стали рассматриваться как крупные рынки для английского экспорта, рынки, нуждающиеся для своего развития в умелом руководстве. Появилась мысль о переселении в Канаду и Австралию английских безработных. Проведение такого плана одновременно разрешило бы вопрос

о перенаселении метрополии и создало бы в колониях новые рынки для сбыта английских товаров. Новая политика нашла свое выражение на колониальной юбилейной конференции в 1887 году.

Однако, экономический империализм начал развиваться не только в Англии и даже не только в Британской империи. Германия и Франция, а за ними и другие страны тоже стали создавать свои колонии за морями и соперничать в этом с Англией. С 1880 года начался раздел еще незахваченных областей земного шара. Африка была быстро разделена между европейскими державами. Дальний Восток стал ареной ожесточенной экономической конкуренции. Каждая держава стремилась обеспечить себя не только рынками для сбыта своих товаров, но и концессиями на железнодорожное строительство и на эксплоатацию естественных богатств. Кроме того, все державы устремились в погоню за дешевым туземным трудом, источниками необходимого для промышленности сырья и так далее. А для этого они старались всячески расширить сферу своего влияния и власти.

В этой обстановке ожесточенной мировой экономической конкуренции английское рабочее движение вступило в новую фазу своего развития. Стал нарождаться современный социализм. До великой депрессии английские рабочие разделяли иллюзии своих хозяев. Они также верили, что Англия с небольшими перерывами будет все время богатеть и богатеть. Они верили, что со стола их хозяев автоматически будет им перепадать все больше и больше крох. Поэтому они в общем стремились работать заодно с капитализмом, а не против него. Только нежелание предпринимателей итти с ними рука об руку помешало созданию духа гармонии в отношениях труда и капитала. Но затем они увидели, что монополия их хозяев поколеблена. Падение заработной платы и рост безработицы дали им резко почувствовать те затруднения, в которые попала английская промышленность. Тогда все большая и большая часть рабочего класса стала критически относиться ко всему капиталистическому строю в целом. Возродились почти забытые доктрины Карла Маркса и нашли своих последователей. Социализм, зародившийся в тридцатых годах в Англии и перекинувшийся затем в Европу, был теперь снова внесен в Англию Хайндмэном и другими лидерами социал-демократической федерации.

Естественно, что старые лидеры английского рабочего движения не могли переменить свои взгляды. Восьмидесятые и девяностые годы знаменовались жестокой борьбой между новым профессиональным движением и старым; старое движение было состарившимся новым профессиональным движением 1850 года. В политике в то же время соперничали «либералы-рабочие» и социалисты — сторонники совершенно независимого рабочего политического движения. Никто из них не одержал полной победы. В борьбе родилось новое рабочее движение, которое не пошло ни за Генри Бродгерстом и его друзьями из Парламентского комитета конгресса профессиональных союзов, ни за Кайр-Гарди и Независимой рабочей партией. «Новые» союзы смешались со «старыми». Политическая борьба породила новую организацию — Комитет рабочего представительства. С одной стороны, он как будто примыкал к социалистам, но в то же время был склонен поддерживать и старые либеральные традиции.

Дальнейшая часть настоящей книги посвящена разбору этой борьбы и непосредственных ее результатов. Но мы на минуту остановимся на пороге нового мира и проследим закат старых течений, которые уже растратили свои силы.

2. Примирение и арбитраж. «Либерально-рабочее» движение.

Мы видели, как в великой борьбе профессиональных союзов за свою легализацию лидерам об'единенных обществ удалось упрочить свое влияние и овладеть всем движением. Эппльгарт, правда, в результате ряда столкновений, отказался в 1871 году от должности секретаря в Об'единенном обществе плотников и столяров; Аллан, представитель Об'единенного общества машиностроителей, умер в 1874 г. Но те лидеры, которые пришли им на смену, как Бэрнет у машиностроителей, Прайор у плотников и Генри Бродгерст у каменщиков, продолжали традиции Хунты. Они всюду проводили политику примирения, стачку считали мерой, приемлемой только в исключительных и крайних случаях; главной же целью их было создание об'единенных комитетов для миролюбивых переговоров с организациями предпринимателей.

До 1871 года это была нелегкая задача. Несколько официальных примирительных камер были образованы в начале шестидесятых годов. Так, в 1864 году Мунделла основал в Ноттингэме такую камеру на трикотажных фабриках, а четыре года спустя сэр Руперт Кеттль положил начало

Об'единенному комитету строительных профессий в Вульверхэмптоне. Но в эту пору предприниматели в подавляющем большинстве были склонны скорее раздавить, смести профессиональные союзы, чем вступать с ними в переговоры. Это особенно сказалось в той травле профессиональных союзов, которая началась после шеффильдских волнений.

После 1871 года эти настроения быстро изменились. Закон дал профессиональным союзам определенные права; Эппльгарт и его друзья старались убедить королевскую комиссию в лойяльности и умеренности профессиональных союзов; они говорили, что такие организации следует признать, а не разрушать. «Акт о примирении» 1867 года, за который так долго боролась Национальная ассоциация об'единенных профессий, был скороспелым и неудачным по двум причинам: во-первых, к этой законодательной мере не были подготовлены предприниматели, и во-вторых, самый акт был построен на неправильных началах, но несколькими годами позже разрешение конфликтов путем примирения быстро распространилось во многих профессиях.

Среди пионеров новой системы были рабочие железоделательной промышленности. Комитет железоделательной промышленности Северной Англии был организован в 1869 г. в Дарлингтоне. Он быстро применил метод регулировки заработной платы при помощи системы подвижных тарифов, в соответствии с рыночными ценами на продукты данного производства. Из Дургэма эта система сразу перекинулась в другие округа, и, в конце концов, вся железоделательная промышленность была охвачена примирительными камерами и подвижными тарифами. Мы видели, как в 1871 году шахтовладельцы Нортумберлэнда и Дургэма признали Ассоциацию горнорабочих и вступили с ними в официальные переговоры. В 1875 году их примеру последовали шахтовладельцы Иоркшира. Мак-Дональд заявил, что «дела обстоят блестяще» и рабочие относятся с «полнейшим доверием» к новому аппарату. Получить признание предпринимателей казалось ему блестящей победой. Создание примирительного и арбитражного аппарата рассматривалось, как осуществление заветных мечтаний лидеров профессионального движения.

В результате признания шахтовладельцами рабочих союзов система подвижных тарифов быстро распространилась в угольной промышленности. Следует, однако, заметить, что Мак-Дональд был против подвижных тарифов. Северо-во-

сточные округа первые приняли эту систему. На Шотландию она совершенно не распространилась (за исключением Ланкашира, где была в действии с 1887 до 1889 года). В Южном Уэльсе она впервые была введена шахтовладельцами после стачки, проигранной рабочими в 1875 году. Даже в Дургэме введение ее сопровождалось значительными трениями. Это было в 1877 году, и уже в 1879 году рабочие забастовали против очередного снижения заработной платы. В 1884 году они решительно потребовали отмены этой системы, и лишь с большим трудом удалось убедить их отказаться от своего решения. Однако, постепенно подвижные тарифы распространились на все угольные районы. После распада Национального союза Мак-Дональда в 1879 году рабочие даже не протестовали против системы подвижных тарифов до тех пор, пока десять лет спустя не была создана Великобританская федерация горнорабочих.

Система подвижных тарифов по своему характеру не могла быть применена в целом ряде отраслей промышленности. Но примирительные камеры охватили значительно более широкую область. Акт об арбитраже 1872 года, проведенный по инициативе Парламентского комитета конгресса профессиональных союзов, дал возможность переносить спорные вопросы, с согласия обеих сторон, на разрешение арбитража. Но он оставался мертвой буквой. В целом ряде отраслей промышленности стали создаваться собственные примирительные аппараты. Хлопчатобумажники после крупных стачек 1877 и 1878 годов смирились и обратились к усовершенствованию механизма переговоров с предпринимателями. В машиностроительной промышленности после стачек и локаутов в 1879 году были созданы об'единенные комитеты. Рабочие обувного производства основали свою примирительную камеру. Лондонская торговая палата создала генеральную примирительную камеру для мирного разрешения конфликтов во всех отраслях промышленности. Ее примеру последовали торговые палаты других больших городов. Стачки стали редким явлением. Профессиональное движение как бы оправдывало заверения Эппльгарта в его полнейшей безобидности. От великого возбуждения в период 1867—75 г.г. не осталось и следа.

С наступлением кризиса замерла не только промышленная борьба, но и прогрессивное законодательство. Восьмидесятые годы почти ничего не прибавили к существовавшему социальному и фабричному законодательству. Акт об ответ-

ственности предпринимателей 1880 года был первым шагом к установлению надлежащей системы компенсации рабочих. Но рабочему попрежнему надо было доказать «небрежность» предпринимателя или его агентов. Этот вопрос нашел удовлетворительное разрешение только в акте о компенсации рабочих 1897 года. Актом об угольных копях 1887 года горнорабочим впервые была предоставлена реальная возможность назначать своих контролеров при взвешивании добытого угля.

Но этими тремя актами исчерпывалось почти все промышленное законодательство восьмидесятых годов. Текстильные рабочие основали в 1886 году новую Ассоциацию борьбы за реформу северных графств. Но первым значительным достижением этой Ассоциации был фабричный закон, проведенный лишь в 1891 г. Социальное законодательство восьмидесятых годов, за исключением реформы 1884 года, давшей, наконец, избирательные права горнорабочим и сельско-хозяйственным рабочим, касалось преимущественно местного самоуправления. Реорганизация местных органов началась актом о муниципальных корпорациях 1882 года и актом о местном самоуправлении (советах графств) 1888 года и была завершена актом о местном самоуправлении (приходских советах) 1894 года.

В области политики профессиональное движение все более и более примыкало к либеральной партии. Лидеры профессиональных союзов уверовали в примирительные камеры и в систему подвижных тарифов. Они не менее предпринимателей были против вмешательства государства в промышленность и против законодательной регулировки продолжительности рабочего дня. Ассоциации горнорабочих в Нортумберлэнде и Дургэме отказались от требования гарантированного минимума заработной платы. К тому времени, когда предприниматели уже отказались от требования невмешательства в экономику, лидеры старых профессиональных союзов, казалось, полностью прониклись принципами невмешателвства.

На всеобщих выборах 1880 года в палату общин прошел только один кандидат от рабочих — Генри Бродгерст. Однако, после этого наступило некоторое оживление. Конгресс профессиональных союзов 1881 года дал наказ парламентскому комитету содействовать проведению рабочих кандидатур. Но в центре ничего не было сделано. На следующем Конгрессе Джорж Шиптон предложил создать

особый «парламентский» фонд для поддержки рабочих кандидатов в предвыборных кампаниях. Предложение его было провалено значительным большинством голосов. Он повторял его и в 1884 и в 1885 г.г., но с тем же результатом. Самое большее, на что Конгресс согласился, это рекомендовать всем союзам (по предложению лидера дургэмских углекопов Джона Вильсона) самостоятельно провести на местах политическую организацию своих членов. Но в 1886 году — год всеобщих выборов — Конгресс согласился с предложением Трельфаля и создал специальный Рабочий избирательный комитет, работавший параллельно с Парламентским комитетом.

На этих выборах число представителей рабочего класса выросло до одиннадцати. Мак-Дональд умер в 1881 г., и его место было потеряно. Но из одиннадцати рабочих лидеров шестеро все же были углекопы: Томас Берт, Джон Вильсон, Вильям Абрагам, Вильям Крауфорд, Чарльз Фенвик и Бен Пикард, остальные — Бродгерст, Крамер, Хоуэлл, Лейчестер и Джозеф Арч, который был выбран от Норфолька. В следующем году произошли вновь всеобщие выборы. Арч, Лейчестер и Вильсон потеряли свои места. Из новых рабочих кандидатов были выбраны только двое — Джемс Роулэндс и Коннингхэм Грэхэм. В этом году Рабочий избирательный комитет отделился от Конгресса профессиональных союзов и стал самостоятельной организацией под названием Рабочей избирательной ассоциации. Лига Рабочего представительства безболезненно кончила свое существование около 1881 года.

Не следует думать, что группа рабочих — членов парламента — действовала в качестве независимой партии. Все они входили в либеральную фракцию и голосовали заодно с либералами. Генри Бродгерст принял пост товарища министра внутренних дел в либеральном правительстве. Правда, по специфически рабочим вопросам они выступали более или менее самостоятельно. Но по всем общим вопросам они следовали за либеральным правительством и считались неот'емлемой частью партии большинства. Целью Рабочей избирательной ассоциации было не создание отдельной рабочей партии, а содействие проведению рабочих кандидатов в парламент. В 1888 году Ассоциация решила, что все выставляемые ею кандидаты должны быть рабочими или, по крайней мере, происходить из рабочей среды. Она имела свои отделения во многих провинциальных центрах — в 1888 году к ней примыкал ряд организаций, насчитывавших

в общей сложности 600.000 членов. Но тем не менее она выставляла кандидатов не от своего имени, а старалась обеспечить за ними поддержку различных либеральных и радикальных об'единений. Таким образом, рабочие представители фигурировали в качестве либералов не только в самом парламенте, но и на выборах. В качестве своих местных агентств, Ассоциация пользовалась, главным образом, профессиональными советами, которые в то время все еще находились под исключительным влиянием либеральных деятелей профессионального движения. Она не только отказывалась поддерживать в избирательных кампаниях независимых рабочих кандидатов против либералов, но даже боролась с независимым рабочим движением. В этой борьбе прошли последние годы ее существования. Она распалась в 1895 году.

В период между деятельностью Международного общества рабочих и ростом социализма в восьмидесятых годах радикальная рабочая пропаганда занималась, преимущественно, вопросом о земельной реформе. До самой своей смерти в 1864 году Бронтерр О'Брайен продолжал проповедывать в «Газете Рейнольдса» нечто вроде аграрного социализма. Дело его продолжали после его смерти другие лидеры. В 1867 году была основана под руководством Джемса Харвея Лига земли и труда, вступившая в дружественные отношения с Английским федеральным советом первого интернационала. Сам Маркс смотрел с надеждой на будущее этой Лиги. Передовые либералы тоже были сторонниками земельной реформы. В 1870 г. Джон Стюарт Милль основал Землевладельческую ассоциацию борьбы за реформу. На ряду с радикалами — Дайльком, Торельдом Роджерсом и другими — в нее вошли и деятели профессионального движения — Кремер, Люкрафт и Оджер и другие английские представители в Интернационале. В семидесятых годах возникли и другие организации, имевшие своей целью борьбу за земельную реформу. Все они подготовили почву для деятельности Генри Джоржа, сочинение которого «Прогресс и бедность» было издано в Америке в 1879 году и скоро получило широкое распространение в Англии. В 1882 году Альфред Рюссель Уоллэс опубликовал свою «Национализацию земли». Но в это время началась новая эра в истории английского социализма.

ГЛАВА VIII.

СОЦИАЛИЗМ И ЗАБАСТОВКА ДОКЕРОВ.

1. Возрождение социализма.

После разгрома Парижской Коммуны в 1871 году социалистическое движение на континенте временно заглохло. Возрождение его началось около 1880 года, причем оно сразу вылилось в те организационные формы, которые в основных чертах сохранились и до настоящего времени. В Германии последователи Маркса и Лассаля образовали в 1875 году, на основе Готской программы, Об'единенную социал-демократическую партию. Во Франции в 1876 году Жюль Гэд основал Рабочую партию. Обе эти партии, вместе с нарождавшимся социалистическим движением во всех других странах, придерживались строго марксистских принципов. Они стояли за участие социалистов в политической борьбе и за общественное владение средствами производства. Последнее положение тогда впервые стало ясно выраженной доктриной социализма.

Мы видели, что промышленный кризис обессилил английское профессиональное движение. Политическая деятельность «рабочих-либералов» все менее удовлетворяла рабочую массу. Естественно, что в такой обстановке возникла мысль о создании новой партии рабочего класса, которая бы действовала независимо от других политических группировок. Политические взгляды английских рабочих находили в то время свое выражение, главным образом, в радикальных рабочих клубах; по мере того, как либерализм приходил в упадок, эти клубы становились все более и более крайними. Они носили название радикальных, но отнюдь не были социалистическими. Тем не менее, они выставили прогрессивную программу земельной реформы в соответствии с требованиями Землевладельческой ассоциации борьбы за реформу и других об'единений, упомянутых в предыдущей главе.

В 1879 году в Америке, как мы сказали, появилось сочинение Генри Джоржа «Прогресс и бедность». Автор его считал, что введение единого налога на землю сразу излечит все болезни общества. Эта книжка в Англии попала на благодарную почву, подготовленную агитационными кампаниями семидесятых годов по земельному вопросу, и пользовалась очень большим влиянием. Но англичане сделали из аргументации Генри Джоржа неожиданный вывод — что земля должна быть национализирована и перейти, таким образом, в общественное владение.

В это время Генри Майерс Гайндмэн — известный радикальный писатель и довольно состоятельный человек [1]) — решил заняться организацией независимого политического движения английского рабочего класса. Его идея представляла собой нечто вроде возрождения чартистского движения. Гайндмэн читал сочинения Маркса и обратился за советом к самому Марксу, который попрежнему жил в Лондоне. По его словам, Маркс высказал сомнение в осуществимости его плана. Маркс, повидимому, сомневался не только в плане, но и в самом Гайндмэне [2]). Но, как бы то ни было, Гайндмэн решил действовать. Для начала он попытался создать организацию при посредстве лондонских радикальных клубов трудящихся. В 1881 году ему удалось образовать Демократическую федерацию. В том же году он выпустил брошюру под заглавием «Англия для всех», где излагал свои политические взгляды. При этом он основывался непосредственно на «Капитале» Маркса [3]).

Однако, в первое время своего существования Демократическая федерация не была социалистическим или марксистским об'единением. Большинство ее требований совпадало с требованиями чартистов и более ранних поколений борцов за реформу, начиная с Картрайта. Эти требования ограничивались всеобщим голосованием, равными избирательными округами, оплатой членов парламента, упразднением палаты лордов, борьбой со взяточничеством и подкупами и трехгодичным (а не годичным) парламентом. Кроме того, Демократическая федерация требовала еще самоуправления Ирландии

---

1) Г. М. Гайндмэн был биржевым маклером по своему положению.

2) Маркс и Энгельс (см. переписку их с Зорге) чрезвычайно резко отзывались о «марксизме» этого «основателя» социал-демократической федерации. Прим. ред.

3) Именно об этом произведении Маркс говорит чрезвычайно иронически и называет автора его совершенно безграмотным человеком.

Прим. ред.

и колоний и национализации земли. В сущности, Гайндмэн, хотя сам и был социалистом, создал не социалистическую партию, а независимое рабочее движение за реформу по образцу чартизма.

В течение некоторого времени обстоятельства, казалось, благоприятствовали начинанию Гайндмэна. В 1882 году Генри Джорж приехал в Ирландию и, в компании с Дж. Л. Джонсом — учителем Итонского колледжа и одним из пионеров нового социалистического движения — предпринял по стране поездку, останавливаясь в различных местах для чтения лекций. Правительство выслало обоих туристов из Ирландии. Тогда Генри Джорж стал читать лекции в Англии. Популярность его после ареста сильно возросла. В том же году Конгресс профессиональных союзов высказался за национализацию земли.

Однако, радикальные клубы не пошли за Демократической федерацией. В следующем году, на более многочисленном собрании, Конгресс профессиональных союзов провел совершенно противоположную резолюцию. Стало ясно, что доктрины «либерально-рабочего» движения еще настолько сильны в радикальных клубах и профессиональных союзах, что ни те, ни другие не пойдут за большим независимым движением. Среди не социалистов Демократическая федерация не имела успеха. Поэтому в 1883 году она стала уже чисто социалистической организацией, выставив и соответствующую программу. В этой программе, помимо национализации земли, было и требование национализации банков и жел. дорог. Кроме того, федерация стояла теперь за всеобщее бесплатное обучение и питание в школах, законодательное проведение восьмичасового рабочего дня, прогрессивные налоги, правительственную помощь рабочему жилищному строительству, обеспечение безработных работой в кооперативных мастерских и скорейшее погашение национального долга. В следующем году Демократическая федерация переименовалась в Социал-Демократическую федерацию и стала издавать первую в Англии современную социалистическую газету «Justice» («Справедливость»). Кроме того, она завербовала себе нового приверженца — Вилльяма Морриса — поэта и ремесленника. Моррис оказал делу социализма большую помощь деньгами и своей энергичной работой.

Как только, однако, была проведена эта реорганизация, внутри самой Федерации возникли сильнейшие раздоры. В Социал-демократическую федерацию вошли люди с совер-

шенно противоположными взглядами и убеждениями. Там были и ортодоксальные социал-демократы, верившие в силу парламентской борьбы, и анархисты, не признававшие никакого парламента, и правоверные лидеры профессионального движения, стоявшие за реформу профессиональных союзов изнутри, и чисто политические деятели, считавшие профессиональные союзы только помехой в деле обращения рабочих в социалистическую веру. Все они были согласны, что профессиональные союзы должны быть реорганизованы; в 1884 году Федерация выпустила манифест, в котором жестоко обрушилась на союзы за их политику компромиссов. Но среди лидеров ее не было единства взглядов в вопросе, какой политики должны придерживаться сами рабочие по отношению к своим союзам, и это было второй причиной для разногласий. Наконец, третья и не менее серьезная причина носила чисто личный характер. Гайндмэн по своей натуре был большим политиканом и автократом. Скоро отношения внутри Социал-демократической федерации обострились до крайности.

К концу 1884 года это обострение привело к открытому расколу. Под предводительством Вильяма Морриса и Бельфорта Бакса недовольные вышли из Федерации и в противовес ей основали Социалистическую лигу. Главной причиной для раскола, повидимому, послужил вопрос о ближайшей политике по отношению к парламенту. Гайндмэн и его последователи решили, что Федерация должна сразу же выступить в роли политической партии и принять энергичное участие в избирательной кампании. Моррис и его последователи, в числе которых были и анархисты, не согласились с этим взглядом отчасти, быть может, потому, что они были вообще против парламента, а отчасти и потому, что считали участие в избирательных кампаниях преждевременным. Надо — говорили они — сперва позаботиться о распространении среди массы избирателей новых идей и воспитать их в духе социализма, и уже потом призывать их к действию.

Социалистическая лига никогда не была крупной организацией. Но под руководством Морриса и Бельфорта Бакса она пользовалась большим воспитательным влиянием, в особенности на Клайде. В 1885 году она стала издавать газету «Общественное Благо», до 1889 года редактором которой был Моррис. Он сам вел в ней отдел «Вести ниоткуда» и напечатал ряд своих лучших статей по вопросам социализма. Для этой же газеты он, вместе с Бельфортом Баксом.

написал «Социализм — его развитие и происхождение». Здесь он развивал материалистическое понимание истории и идею классовой борьбы. Социалистическая лига была против парламентской борьбы. Главным пунктом ее программы было строительство нового общества, основой которого были бы профессиональные союзы, излечившиеся от реформизма и обращенные к социалистическим идеям. Подобно синдикализму, лига в своих идеях социальной организации кое-что позаимствовала у анархистов и во многом предвосхитила доктрины гильдейского социализма. Но постепенно анархисты одержали в ней верх. В 1889 г. Моррис был отстранен от редактирования «Общественного Блага». На следующий год он вышел из лиги. После этого лига распалась. Только непосредственные последователи Морриса образовали небольшую группу под названием Социалистического общества Хамерсмита. Эта группа просуществовала вплоть до смерти своего вождя в 1896 году.

Тем временем, Социал-демократическая федерация под руководством Гайндмэна и Чэмпиона шла своей дорогой. В 1885 году после закона о реформе наступили всеобщие выборы. Федерация выставила трех кандидатов, причем двое из них получили денежную поддержку от консерваторов, надеявшихся таким путем разбить голоса либералов. Джон Бернс в Ноттингэме без поддержки консерваторов получил 598 голосов. Кандидаты в Кеннингтоне и Хэмпстэде получили 32 и 27 голосов. Социал-демократическая федерация потерпела полнейшее фиаско и, казалось бы, должна была погибнуть.

Ее спас промышленный кризис. Между 1881 и 1883 г.г. в промышленности наступило некоторое улучшение, но в 1884—1886 г.г. положение в торговле и промышленности все более и более ухудшалось. Безработица возросла с 2% в 1882 году до 10% в 1886 году. Социал-демократическая федерация стала во главе нараставшего движения среди безработных. В 1886 и 1887 г.г. впервые новые социалистические идеи вышли за пределы тесного круга лондонских организаций и стали прививаться во всем профессиональном движении. Это заставило Федерацию сразу же переменить свою политику. В 1884 г. она смотрела на профессиональные союзы только как на реакционные цеховые организации, мешавшие распространению идей социализма среди рабочих. В 1887 году она уже побуждала своих членов вступать в союзы и изнутри подготовлять обращение их на путь

социализма. С самого начала движения безработных и вплоть до великой стачки докеров в 1889 году Социал-демократическая федерация, бывшая раньше чисто политической организацией, стояла во главе нараставшей агитационной кампании в промышленности.

Чтобы понять это удивительное превращение, мы должны обратиться к изучению тех новых сил, которые появились в профессиональном движении в восьмидесятых годах и подорвали верховенство старых его лидеров. Социализм развивался, как политическая вера. Вместе с тем и профессиональные союзы переживали процесс внутреннего перерождения, что вызывалось изменением общей экономической ситуации.

2. Возрождение профессионального движения.

Мы видели, как в начале семидесятых годов в профессиональные союзы был большой наплыв рабочих, которые раньше были совсем неорганизованы. Союзы горнорабочих приобрели силу в шестидесятых годах. Но наибольшего расцвета Национальный союз и Об'единенная ассоциация горнорабочих достигли в начале семидесятых годов. В это же время Джозеф Арч организовал сельско-хозяйственных рабочих, железнодорожники создали свое Об'единенное общество. В ту пору был образован и Союз рабочих газовых заводов, погибший в борьбе с предпринимателями в 1872 г. Мы видели также, как это «новое профессиональное движение» погибло в годы промышленного кризиса, достигшего своей наибольшей остроты в 1879 году. Об'единенное общество железнодорожных служащих превратилось в обычное товарищеское общество с небольшим числом членов и ограниченным кругом влияния. Большинство союзов сельско-хозяйственных рабочих совершенно исчезло. Об'единенная ассоциация горнорабочих распалась. А Национальный союз едва-едва влачил существование всюду, кроме Нортумберлэнда и Дургэма, где он еще сохранил свою силу. Правда, он все время продолжал созывать периодические национальные конференции делегатов от шахт, разбросанных по всей стране.

Мы уже отметили, что в эпоху депрессии почти во всех горнопромышленных округах была введена система «подвижных тарифов». Но уже в начале восьмидесятых годов горнорабочие стали восставать против этой системы. Цены на уголь упали больше, чем на все остальные продукты про-

изводства, и поэтому в горнопромышленности система подвижных тарифов оказалась особенно неблагоприятной для рабочих. Среди молодых углекопов возникла кампания борьбы с системой подвижных тарифов. Было предложено установить минимум, ниже которого заработная плата не должна падать, независимо от цены на уголь. В 1881 году иоркширские горнорабочие, которые до того времени разделялись между двумя отдельными ассоциациями, об'единились в одну Иоркширскую ассоциацию горнорабочих, и система подвижных тарифов в этом округе была отменена.

В течение следующих двух лет горнорабочие проявляли большую активность. В 1882 году ланкаширские углекопы, не имевшие почти никакой организации со времени распада Об'единенной ассоциации, основали Ланкаширскую и Чеширскую федерацию горнорабочих. В это же время начал свою деятельность на западе Шотландии Кейр-Гарди. Он реорганизовал Эйрширский союз горнорабочих и стал его секретарем. В 1885 году была проведена реорганизация Ассоциации горнорабочих среднего и западного Лота. В 1886 году различные союзы Шотландии об'единились в Шотландскую федерацию горнорабочих. Федерация горнорабочих Средней Англии была основана в 1885 году. Серьезные затруднения в связи с вопросом о подвижных тарифах возникли в Южном Уэльсе и на Северо-Востоке. В Дургэме срок соглашения о движущихся скалах кончался в 1884 году. Лидеры профессиональных союзов лишь с большим трудом убедили рабочих возобновить это соглашение. В Южном Уэльсе профессиональное движение умерло почти везде, кроме Монмауса. На конференции по вопросу о подвижных тарифах в 1886 году было предложено основать новый союз углекопов Южного Уэльса. На следующий год рабочие, путем голосования, высказались за уничтожение системы подвижных тарифов. Лишь с большим трудом удалось уговорить их отказаться от своего намерения. В том же году произошла неудачная забастовка нортумберлэндских горнорабочих против понижения заработной платы.

Наконец, в 1888 году был предпринят новый шаг. Округа, которые были против подвижных тарифов и стояли за установление минимума заработной платы, решили на национальной конференции образовать свою новую федерацию и окончательно порвать со старым национальным союзом, всецело подпавшим под влияние лидеров из Нортумберлэнда и Дургэма. В эту Федерацию не мог войти ни один округ, где

действовала система подвижных тарифов. Так возникла Великобританская федерация горнорабочих. В начале своего существования она насчитывала всего 36.000 членов, но в 1893 году она об'единяла уже более 200.000 углекопов. Дургэм и Нортумберлэнд, а с ними и несколько мелких округов продолжали держаться в стороне от новой федерации. Они вошли в нее только в 1907 году.

Однако, в борьбе с системой движущихся скал рабочие в большинстве округов быстро одержали победу. В Дургэме она была упразднена в 1889 году. Скоро Южный Уэльс стал единственным важным округом, где эта система продолжала держаться до 1903 года. Делегаты новой Федерации горнорабочих сразу приобрели большое влияние на конгрессе профессиональных союзов. Поворот в политике конгресса, под влиянием новых идей, в значительной мере обязан именно этим делегатам.

Новые союзы возникли и в других отраслях промышленности. Шерстяная промышленность почти не имела профессиональных организаций, за исключением небольших цеховых об'единений. В 1881 году рабочие ее основали Генеральный союз текстильных рабочих, который привлек в свои ряды большое число ткачей, прядильщиков и квалифицированных рабочих. В 1884 году все мелкие об'единения ткачей слились с Об'единением ткачей Северо-Восточного Ланкашира, так была основана Об'единенная ассоциация ткачей. В 1886 году возникло об'единение чесальщиков, а в следующем году почти все союзы хлопчатобумажной промышленности об'единились в Ассоциацию рабочих текстильных фабрик. Это последнее об'единение было основано не столько для промышленной борьбы, сколько для политической агитации за фабричную реформу. В том же году Джон Ходж основал в Шотландии Союз сталеплавильщиков и начал свою долгую и, в конце концов, успешную кампанию против системы контрактов в железной промышленности. Одновременно с этим лондонский докер Бен Тиллет основал союз чернорабочих и положил начало великой борьбе транспортников, а на севере Хэвлок Вильсон приступил к организации Национального союза моряков и кочегаров.

1887 год был замечателен и другими событиями. Безработица и борьба между старым и новым началом на конгрессе профессиональных союзов достигли небывалой дотоле остроты. Борьба на конгрессе началась еще в 1882 году с проведением резолюции о национализации земли. Но, как

мы видели, на следующий год была принята противоположная резолюция. Вплоть до 1887 года прогрессивные резолюции по земельному вопросу неизменно проваливались. Однако, в 1883 году Адаму Вейлеру — старому социалисту и сподвижнику Маркса в дни Первого Интернационала — удалось провести резолюцию в пользу восьмичасового рабочего дня. Но парламентский комитет, в котором попрежнему господствовали старые течения, ничего не сделал для проведения этой резолюции в жизнь.

Лидеры нового профессионального движения предприняли в 1887 году организованную атаку на старые устои. В этом году на конгрессе впервые появился Кейр-Гарди. Под давлением конгресса парламентский комитет посылал делегатов на международные рабочие конгрессы 1883 и 1886 г.г. Международный конгресс 1886 года назначил следующее свое собрание в Лондоне. Английские делегаты доложили об этом конгрессу профессиональных союзов в 1887 году и высказались за недопущение Международного конгресса в Лондоне. В этом вопросе старые лидеры потерпели первое серьезное поражение. За ним последовало и второе, когда конгресс высказался за национализацию земли.

Тем временем, социал-демократы стали во главе движения безработных. В эти годы сторонники протекционизма вели агитационную кампанию. Дело дошло до того, что они посылали на конгресс профессиональных союзов подкупленных делегатов, лишь номинально представлявших какие-нибудь мелкие профессиональные об'единения. В январе 1886 года протекционисты или сторонники «справедливой торговли», как они себя называли, решили устроить демонстрацию на Трафальгарской площади. Социал-демократы сразу же организовали контр-демонстрацию безработных, назначив ее в тот же самый день и на том же самом месте. Полиция оттеснила процессию безработных с площади по направлению к Гайд-Парку. Когда безработные проходили по Пэлль-Мэлль, из окон некоторых аристократических клубов раздался свист. Демонстранты в ответ разбили окна. По этому поводу были арестованы и привлечены к суду — Гайндмэн, Джон Бернс, Чэмпион и Дж. Е. Вильямс. Бернс произнес на суде вызывающую речь [1]), а Гайндмэн, наоборот, дей-

[1]) Эта речь, излагавшая основные взгляды социал-демократов в чрезвычайно удачной форме, была впоследствии издана под названием «Человек с красным флагом» и служила главнейшим средством пропаганды идей социализма в Англии в течение четверти века. Прим. ред.

ствовал очень дипломатично. Присяжные оправдали всех четырех. Этот инцидент произвел большое впечатление. Сразу после демонстрации было собрано много пожертвований в фонд помощи безработным, и популярность социал-демократов сильно возросла.

В 1887 году положение промышленности все еще было тяжелым. Однако, оно мало-по-малу улучшалось, и движение безработных пошло на убыль. Но социал-демократам сразу же представилось другое поле деятельности. На Трафальгарской площади была предположена большая демонстрация радикалов по ирландскому вопросу. Правительство запретило демонстрантам выйти на площадь. Но организаторы решили пренебречь этим запрещением и публично об'явили, что митинг состоится. Правительство запрудило площадь войсками и полицией. Колонны демонстрантов тщетно пытались пробиться сквозь их ряды. Было много раненых. Джон Бернс и Кеннингам Грайам были арестованы и приговорены к шести неделям тюрьмы. Этот день получил название «кровавого воскресенья». Несмотря на противодействие правительства, за ним последовал целый ряд подобных же митингов. На одном из них — в 1888 году — полицейские убили рабочего по фамилии Линнель. Социалисты устроили грандиозную погребальную процессию. Вилльям Моррис специально по этому случаю написал надгробное стихотворение.

В течение этих лет социалистическая пропаганда впервые дошла до рядового рабочего. Была выпущена масса брошюр и листовок. Социалистическая пресса получила широкое распространение. На ряду со «Справедливостью» и с «Общественным Благом» появились и другие газеты. В 1887 году Кейр-Гарди основал газету «The Miner» («Горняк»), которая через два года превратилась в «Labour Leader» («Рабочий Вождь»). В 1888 году Чэмпион стал издавать газету «Labour Elector» («Рабочий Избиратель») — орган движения за независимое рабочее представительство в парламенте. Анни Безант стала издавать еще один рабочий журнал «The Link» («Звено»). Старые вожди профессионального движения, а также «рабочие-либералы» в парламенте подвергались во всей этой прессе жестоким нападкам. Движение за рабочее представительство в 1888 году перешло на новые рельсы. Кейр-Гарди выступил на дополнительных выборах в Среднем Ланарке как независимый кандидат от рабочих сразу против двух противников — либерала и консерватора. Против него

повели агитацию «рабочие-либералы» — лидеры Рабочей избирательной ассоциации, и он получил всего 712 голосов. Однако, результаты этого выступления сказались позже: как непосредственное следствие его, в начале 1889 года, возникла Шотландская рабочая партия. Началось новое движение за рабочее представительство — вне Социал-демократической федерации и независимо от нее.

Мы рассмотрим значение этого события после того, как изучим историю «нового профессионального движения» за предшествующий период. Мы видели, что профессиональное движение, возглавляемое старыми лидерами, полностью подпало под влияние идей «невмешательства», между тем эти идеи вследствие изменения условий в торговле и промышленности все более и более теряли свою популярность. Старые лидеры протестовали против правительственного вмешательства с не меньшим ожесточением, чем предприниматели, веря, что все недоразумения могут быть разрешены путем примирения. При этом они основывались на том убеждении, что интересы капитала и труда фактически совпадают. Социалисты восставали против этого взгляда. Сперва они стояли за то, чтобы вообще упразднить профессиональные союзы как оплот капитализма, как организацию, поддерживающую цеховую вражду среди рабочих и тем самым мешающую им осознать единство интересов всего рабочего класса. Исходя из этих положений, Социал-демократическая федерация выступила против профессиональных союзов в 1884 году. Позже, под влиянием Тома Манна и других молодых лидеров профессионального движения, она официально отказалась от своих прежних взглядов. Напротив, она советовала своим членам вступать в профессиональные союзы и содействовать их перерождению изнутри. Но большинство ее лидеров все еще было склонно считать классовую борьбу чисто политическим делом. И Социал-демократическая федерация никогда, в сущности, не была в хороших отношениях даже с новыми союзами.

Это об'яснялось целым рядом причин. Одна из них лежала во властной личности самого Гайндмэна, в его взглядах чисто политического деятеля и в том влиянии, которым он пользовался в Социал-демократической федерации. Вторая причина заключалась в том, что марксистская фразеология все еще была мертвым языком не только для рядовой рабочей массы, но даже для большинства лидеров нового профессионального движения. Наконец, третьей причиной

было то, что Социал-демократическая федерация была пионером в своей области. В течение нескольких лет небольшой кружок социалистов-теоретиков пытался растолковать смысл нового учения равнодушной массе. При таких условиях он, конечно, мог глубоко продумать свои собственные теоретические положения. Но такая возможность очень содействует, во-первых, возникновению разногласий по теоретическим вопросам, а во-вторых — выработке строгой ортодоксальной теории, несогласие с которой будет сочтено за измену. По этим причинам к 1888 году Социал-демократическая федерация стала очень сухим доктринерским об'единением. Соответственно этому она утратила свое значение как пропагандистская организация.

Новые профессиональные деятели были не менее ревностными сторонниками чисто политической борьбы, чем Социал-демократическая федерация. Почти по всем вопросам непосредственного действия они соглашались с федерацией. Но, даже будучи социалистами и членами этой федерации, они стремились главное внимание сосредоточить именно на непосредственных действиях и придать своей деятельности строго практический характер. В те годы, о которых мы говорим, первыми пунктами их программы были принудительное введение восьмичасового рабочего дня и установление заработной платы в соответствии с прожиточным минимумом. Требование восьмичасового рабочего дня они выставили, как средство борьбы с безработицей. Том Манн развил этот взгляд в своем памфлете (1886 г.). На конгрессе профессиональных союзов они боролись со старыми лидерами, главным образом, по вопросу о «восьмичасовом законопроекте». В местных отделениях они прежде всего настаивали на том же законопроекте, а также на установлении минимума заработной платы. Требование национализации, если и появлялось в их программах, то занимало второстепенное место.

Новые профессиональные деятели видели, таким образом, спасение в законодательных мерах. Но совершенно ясно, что они не могли иметь никакой надежды на немедленное проведение законов. Рабочая же масса, к которой они обращались, требовала непременно чего-нибудь немедленного. Не трудно понять, что, как только положение в промышленности улучшилось и у рабочих появилась малейшая надежда на успех, разлилась волна стачек под влиянием пропаганды «новых» союзов.

К 1888 году безработица упала с 10% до 5%. Торговля быстро улучшалась. Первым признаком нарастающего под'ема была небольшая, но многозначительная стачка в мае того года. Анни Безант описала в «The Link» («Звено») ужасающие условия работы на лондонских спичечных фабриках, и когда эта статья дошла до самих работниц, 700 из них об'явили забастовку. Анни Безант и ее друзья собрали фонд помощи бастующим. Через две недели предприниматели пошли на уступки. Первый удар был нанесен. Но никто еще не подозревал, что он был провозвестником великой борьбы.

3. Лондонская забастовка докеров.

В летописях рабочего движения 1889 год отмечен, прежде всего, как год великой стачки лондонских докеров. На самом деле в этот год произошло гораздо более знаменательное событие — над промышленностью неожиданно разразился долго собиравшийся шторм. В результате — новое профессиональное движение стало в Англии общепризнанной силой.

Торговля шла очень хорошо — не хуже, чем в начале семидесятых годов. Казалось, великая депрессия прошла бесследно. Потерянные временно рынки снова стали поглощать товары. Почти все отрасли промышленности, за исключением сельского хозяйства, процветали. Безработица упала до 2% и продержалась на этом уровне 1889 и 1890 годы. Таким образом, создалась чрезвычайно благоприятная обстановка для выступления рабочих.

Как и в 1872 году, но теперь с бо̀льшим успехом, почин принадлежал рабочим лондонских газовых заводов. Движение среди них возникло в начале 1889 года, а уже в мае был основан союз рабочих газовых заводов и чернорабочих. Во главе него встал Вилль Торн. В это время рабочий день на газовых заводах продолжался 12 часов. Рабочие сразу же потребовали восьмичасового рабочего дня. В августе это требование было формально пред'явлено, и, ко всеобщему удивлению, газовые компании на него согласились. Рабочие газовых заводов без малейшего усилия получили восьмичасовой рабочий день.

Однако, несколько месяцев спустя наступила реакция. Газовые заводы Лондона принадлежали трем крупным компаниям. Две из них беспрекословно согласились на требование рабочих. Но третья, председателем правления которой был сэр Джорж Ливсэй, решила вступить с союзом в борьбу.

В конце 1889 года она снова ввела двенадцатичасовой рабочий день и отказалась нанимать на работу членов профессиональных союзов. Одновременно она разработала схему участия рабочих в прибылях. На этот раз рабочие были побеждены. Но на других газовых заводах восьмичасовой рабочий день был сохранен. В некоторых случаях рабочие, кроме того, получили и прибавку к заработной плате.

В августе никто не предвидел декабрьской реакции, и успех рабочих газовых заводов вызвал немедленный отклик по всей стране. В особенности же он повлиял на положение в лондонских доках. Как раз в момент победы рабочих газовых заводов в вест-индских доках была об'явлена небольшая забастовка. Она сразу же перекинулась и на другие доки, и скоро все работы в порту прекратились. Везде рабочие требовали платы по шесть пенсов за час, особой оплаты сверхурочной работы, отмены сдельщины и прекращения сдачи работ подрядчикам. Кроме того, они настаивали, чтоб их нанимали не менее, чем на четыре часа (или пол-смены). В забастовке приняли участие десять тысяч человек.

Громадное большинство докеров к тому времени не состояло ни в каком союзе. Стиведоры (квалифицированные рабочие, занимающиеся погрузкой товаров на пароходы) имели два союза и были довольно хорошо организованы. Доковые же чернорабочие имели только один небольшой союз носильщиков и чернорабочих, основанный два года назад Бен Тиллетом. Но во время забастовки докеры широким потоком влились в союзы. Боевым кличем нового профессионального движения стал лозунг: «Союзы для всех».

Забастовка докеров продолжалась целый месяц. Она пользовалась во всем мире большей популярностью, чем любая из предшествовавших ей забастовок. Путем общественной подписки было собрано в фонд помощи бастующим около 50.000 фунтов стерлингов. Это дало возможность наладить регулярную выдачу пособий. Предпринимателям, несмотря на все их старания, не удалось найти достаточного количества штрейкбрехеров. Рабочие всех профессий были охвачены чувством солидарности. Опираясь на это, докеры часто по-свойски расправлялись с изменниками, возвращавшимися на работу. Предприниматели видели, что даже мелкая буржуазия была на стороне рабочих. Большое исследование Чарльза Бутса «Жизнь и труд лондонского населения» было опубликовано как раз во время забастовки. Никто не мог встать на защиту тех ужасных

условий, в которых жили и работали докеры. Наконец, обе стороны согласились на посредничество кардинала Маннинга и Сиднея Бакстона. Почти все требования рабочих были удовлетворены. Докеры вышли победителями.

Забастовка докеров была для развития агитационной кампании социалистов лучшим поводом, чем даже движение безработных три года тому назад. Они встали во главе бастующих. Бен Тиллету помогали Том Манн и Джон Бернс— оба металлисты по профессии и члены Амальгамированного общества машиностроителей. Они стали главными организаторами докеров. Действительным лидером стачки, по крайней мере, в глазах широкой публики, был Бернс.

Весть об успехе рабочих лондонских газовых заводов и докеров нашла отклик по всей стране. Моряки целыми тысячами повалили в свой Союз моряков и кочегаров. Союз носильщиков был реорганизован и получил название «Союза докеров, рабочих верфей, берегового транспорта и чернорабочих». Секретарем его стал Бен Тиллет. В то же время Джемс Секстон основал в Ливерпуле Союз доковых чернорабочих. Это об'единение охватило скоро всю Шотландию и Ирландию. На Северо-восточном побережье был основан Национальный союз труда. Позже он переименовался в Национальный об'единенный союз труда. Он охватывал докеров и проник даже в горнопромышленные округа. Союз рабочих газовых заводов превратился в общенациональную организацию, и в него стали, наравне с рабочими газовых заводов, входить и различные категории чернорабочих. Снова возродился Национальный союз сельско-хозяйственных рабочих. Возникла и новая организация — Рабочая федерация восточных графств, в которую сразу же записалось 17.000 фермерских рабочих и чернорабочих. В противовес старомодному и бездеятельному Об'единенному обществу железнодорожных служащих был основан Генеральный союз железнодорожников.

Эти новые союзы как по своей организации, так и по преследуемой ими политике заметно отличались от более старых об'единенных обществ. Основным принципом старых лидеров было положение, что профессиональное движение может быть устойчивым только при тесном сочетании профсоюзной работы с взаимопомощью. В периоды промышленных кризисов старые союзы старались поддерживать своих членов пособиями. Член союза, который вкладывает деньги в свою организацию, надеясь в старости получить от нее

пенсию, непосредственно заинтересован в том, чтоб аккуратно вносить членские взносы. Он готов для этого пойти даже на крупные жертвы, причем его не остановит и то, что в экономической борьбе союз не оказывает ему никакой поддержки. Таков был взгляд старых лидеров; иные организации — полагали они — могут существовать временно в периоды расцвета промышленности и обострения промышленной борьбы, но должны неизбежно погибать в периоды депрессий.

Эта аргументация была не лишена своей убедительности. Но она не учитывала одного очень существенного недостатка подобной организации. Об'единения, построенные по описанной схеме, должны взимать большие членские взносы и очень бережно обращаться со своими фондами. Последнее же ведет к тому, что они должны избегать забастовок и вообще всякого рода выступлений. Им приходится полагаться всецело на примирение и арбитраж. А большие членские взносы влекут за собой еще более серьезные недостатки — в ряды таких об'единений могут вступать только те, кто в состоянии платить их, то-есть только ограниченный круг высококвалифицированных и хорошо оплачиваемых рабочих.

Правда, этот тип профессиональной организации никогда не был универсальным. В хлопчатобумажной промышленности к нему принадлежал союз прядильщиков. В то же время союзы ткачей и чесальщиков, которые в значительной степени об'единяли плохо оплачиваемых женщин-работниц, уже не могли установить высокие членские взносы. Ассоциации горнорабочих Нортумберлэнда и Дургэма, а также и одного-двух других округов были построены по типу об'единенных обществ и охватывали своей организацией только квалифицированных рабочих. В то же время в основу организации союзов, созданных в восьмидесятых годах, а также в основу Великобританской федерации горнорабочих был положен принцип об'единения как товарищеской деятельности, так и активного участия в экономической борьбе при небольших членских взносах.

Однако, хлопчатобумажная и горная промышленность стояли как бы в стороне от других отраслей. Гораздо более типичными представителями «старого» профессионального движения являлись об'единенные общества машиностроителей, плотников и других квалифицированных рабочих. Против этих-то организаций «новые» лидеры и направили

свои удары. «Новые» союзы в большинстве случаев совершенно отказывались от выдачи пособий. Фонды их предназначались только на поддержание рабочих во время стачек и локаутов, а также на покрытие организационных и административных расходов. Лидеры новых организаций считали, что пособия ведут к застою и консерватизму в экономической борьбе. Они поставили себе целью создать такие союзы, которые могли бы обращаться ко всему рабочему классу в целом, проводить боевую политику, основанную на идее классовой солидарности и направленную против самой капиталистической системы. Короче говоря, новые союзы, по крайней мере на словах, были социалистическими организациями. Лидеры их, правда, вначале сосредоточили все свое внимание на текущих животрепещущих вопросах, но в дальнейшем несомненно имели в виду проводить доподлинную социалистическую классовую политику.

Промышленные волнения 1889 года не только вызвали появление «новых» союзов, но отразились и на «старых». В этом году была создана Федерация машиностроительных и кораблестроительных профессий. В нее вошли различные организации квалифицированных рабочих на машиностроительных заводах и верфях. Вдохновителем этой федерации был лидер котельщиков Роберт Найт. Число членов «старых» союзов росло не по дням, а по часам. Союз кладчиков кирпича и Общество железнодорожных служащих численно более чем удвоились. В союзе сапожников вместо 12.000 стало в 1891 году более 30.000 членов. Подобный же приток был и у машиностроителей, и у плотников, и во всех других союзах. О численности профессиональных союзов до 1892 г. не имеется точных статистических данных. Но можно сказать, что до 1888 года все союзы, вместе взятые, не насчитывали более трех четвертей миллиона членов. К 1892 году эта цифра выросла до полутора миллионов.

Организационная горячка охватила и работников не физического труда. В 1890 году был образован Национальный союз конторщиков. В следующем году появились Союз приказчиков и Об'единенный союз кооперативных служащих. Правда, они не привлекли много членов. Но возникновение их является для роста популярности новых идей не менее показательным, чем «новое» профессиональное движение среди рабочих физического труда.

Самым популярным лозунгом в под'еме 1889 года служила идея о солидарности всего рабочего класса. Это проявилось

в росте числа профессиональных советов, где сталкивались представители и старого и нового течения. Профессиональные советы, образованные в эти годы, оказались довольно устойчивыми. Так, к 1910 году сохранилось 11 советов, созданных в 1889 г., 19, созданных в 1890 г., и, наконец, 21—в 1891 г. Из советов же, сорганизованных в период между 1892 и 1900 г.г., к 1910 году сохранилось 53. До 1889 года профессиональные советы, как правило, создавались только в больших центрах. В девяностых годах они распространились почти по всей площади промышленных районов. Социалисты вели при их посредстве свою пропаганду, а рабочие разных профессий обменивались друг с другом мнениями.

Этот период расцвета профессиональных организаций знаменовался также быстрым ростом заработной платы. Рабочие почти всех профессий добились прибавок, причем в некоторых случаях им не приходилось даже прибегать для этого к забастовкам. Меньше всего увеличились заработки квалифицированных рабочих, об'единенных в старомодные союзы. Но даже их профессиональные организации численно очень выросли и разделяли общее благополучие. Больше всего выиграли горнорабочие. Заработки забойщиков угля между 1888 годом (годом образования Великобританской федерации горнорабочих) и 1891 годом увеличились более, чем на одну треть. Почти все «новые» союзы менее квалифицированных рабочих добились для своих членов значительных прибавок. В среднем, за эти три года заработки во всех профессиях возросли, по меньшей мере, на 10%, в то время, как цены поднялись менее чем на 4%.

Все эти успехи сразу же отразились на конгрессе профессиональных союзов. Правда, в 1889 году «новые» лидеры потерпели на нем поражение. Они допустили тактическую ошибку, направив свои удары, главным образом, против отдельных личностей, а не против всей политики «старых» лидеров. Этим они вызвали глубокое возмущение части делегатов и подавляющим большинством голосов были побиты. Но урок пошел им на пользу. В следующем году они воздержались от личных нападок и выставили ряд резолюций, в которых формулировали свою политику. Им, наконец, удалось провести резолюцию о законодательном установлении восьмичасового рабочего дня, а также другие пункты социалистической программы. «Новые» лидеры фактически захватили конгресс профессиональных союзов в свои руки.

Генри Бродгерст отказался от занимаемой им должности секретаря конгресса.

Победа эта об'яснялась безусловно переменой убеждений целого ряда лидеров «старых» союзов. Все делегаты машиностроителей и плотников, согласно наказам, полученным ими на собраниях рядовых членов, голосовали за резолюцию о восьмичасовом рабочем дне. Социалисты не только основали «новые» союзы, но также быстро подчинили своему влиянию и «старые».

Однако, социалисты, возглавлявшие «новые» союзы, не удовлетворялись одним проведением своих резолюций на конгрессе. Они требовали у правительства и проведения соответствующих законодательных мер. А для этого им была нужна политическая партия рабочего класса, которая проводила бы независимую социалистическую политику. К созданию такой партии они и стремились всеми силами. Политическое движение, из которого возникли Независимая рабочая партия и Рабочая партия, было прямым следствием той борьбы, которая породила «новые» союзы. Социалистическая пропаганда восьмидесятых годов породила новое профессиональное движение. А последнее, в свою очередь, дало начало новому политическому движению.

ГЛАВА IX.

НЕЗАВИСИМОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ.

1. Независимая рабочая партия.

Мы уже видели, что на выборах 1888 года Кейр-Гарди выступил рабочим кандидатом от Среднего Ланарка. В следующем году возникла Шотландская рабочая партия. После 1889 года чрезвычайно усилился рост подобных организаций по всей стране. В 1891 году лондонский профессиональный совет основал свой Комитет рабочего представительства, а в провинции возникли Брэдфордский рабочий союз, Рабочий союз долины Кольна, Рабочая избирательная ассоциация Салфорда и другие организации, которые поставили своей целью борьбу за независимое рабочее представительство в парламенте и в органах местного самоуправления. В 1890 г. под редакцией Джозефа Бэрджесса вышел первый номер «Labour Times» («Рабочий Таймс»), который вместе со своими провинциальными изданиями стал влиятельным органом, выражающим новые настроения. Он перестал выходить в 1894 г., когда «Labour Leader» редактируемый Кейр-Гарди, стал еженедельником и занял его место. В 1891 году Роберт Блатчфорд начал издавать «Clarion» («Призыв»), который вскоре сделался наиболее широко распространенной рабочей газетой. Его читали не только социалистические круги, но и вся широкая публика. В 1894 году Блатчфорд выпустил свою книгу «Веселая Англия»; она чрезвычайно увеличивала его политическое влияние. Труды Фабианского общества впервые были опубликованы в 1889 году, и в продолжение ряда лет фабианцы, возглавляемые Бернардом Шоу и супругами Вебб, непрерывно выпускали очень ценные издания информационного характера. Эта была доподлинная социалистическая пресса, которая служила превосходным материалом для пропаганды.

Всеобщие выборы 1892 года ознаменовались для социалистов первыми парламентскими успехами. Волна нового движения вынесла на парламентскую арену Кейр-Гарди от Вестгэма, Джона Бёрнса от Баттерси и Хавлока Вильсона—лидера союза моряков и кочегаров—от Миддльсборо. Из них только Вильсон имел против себя двух кандидатов — консерватора и либерала. Джозеф Лейчестер, выступивший против Кейр-Гарди как представитель «рабочих-либералов», перед самой баллотировкой снял свою кандидатуру. Бернс же имел своим противником лишь одного консерватора. Кроме того, были выбраны двенадцать «рабочих-либералов», по преимуществу углекопов. Среди них находились также Джозеф Арч и Джорж Хоуэлл.

Политический успех независимого движения сильно воодушевил социалистов; вскоре была основана общенациональная организация нового движения. Резолюция об отказе в поддержке не социалистических кандидатов была провалена на конгрессе профессиональных союзов 1892 г. лишь незначительным большинством в двадцать пять голосов. Во время заседаний конгресса (он длился неделю) сторонники независимого рабочего представительства устроили свое отдельное собрание, на котором решили созвать национальную конференцию для образования новой партии в общенациональном, масштабе. В январе 1893 года конференция собралась в Брэдфорде под председательством Кейр-Гарди и образовала Независимую рабочую партию, отвергнув громадным большинством голосов название «Социалистическая рабочая партия». На конференции присутствовали сто двадцать четыре делегата, представлявших главным образом местные организации, разбросанные по всей стране. Социал-демократическая федерация и Фабианское общество тоже послали своих делегатов на конференцию; но впоследствии эти два об'единения — каждое по своим причинам — отказались влиться в новую партию. Практически все местные организации, включая и Шотландскую рабочую партию, вошли в Независимую рабочую партию. С самого начала своего существования Независимая рабочая партия имела уже большое число членов [1]) в многочисленных местных отделениях.

[1]) Это утверждение Кола о численной мощи Н. Р. П. мы оставляем на совести автора. «Большим» он называет число, не превышающее 10000 членов. Прим. ред.

Цели Независимой рабочей партии были сформулированы на языке чисто социалистических требований. Новая партия ставила своей задачей «обеспечение коллективного владения всеми средствами производства, распределения и обмена». Программа, составленная на самой конференции, заключала ряд требований немедленных реформ, которые должны были быть проведены, преимущественно, в законодательном порядке. Мы встречаем здесь требования законодательного введения восьмичасового рабочего дня, уничтожения сверхурочной и сдельной работы и отказа от применения на фабриках детского труда. Далее идут требования государственного обеспечения выдачи пособий по болезни, по нетрудоспособности, а также выдачи пенсий и пособий вдовам и сиротам. Кроме того, были выставлены требования обеспечения безработных удовлетворительно оплачиваемой работой, требования расширения избирательного права и реформы налоговой системы. Словом, это была настоящая программа независимой партии рабочего класса. Но в то же время она носила явно реформистский характер в противовес революционной политике Социал-демократической федерации.

Кейр-Гарди и его сторонники стремились провести среднюю линию между гибкой политикой Фабианского общества, с одной стороны, и революционным марксизмом Социал-демократической федерации — с другой. Фабианцы возлагали надежды главным образом на то, что под их влиянием уже существующие партии мало-по-малу перейдут частично к социалистической политике. В противоположность фабианцам, Независимая рабочая партия отвергала какое бы то ни было сотрудничество с либералами. Но она не менее нетерпимо относилась к Социал-демократической федерации, которая, по ее словам, водила за нос профессиональные союзы своей болтовней о революции и говорила на непонятном для рабочих жаргоне Маркса, лишенном всякой силы пропаганды. Независимая рабочая партия своей конечной целью ставила социализм, но в данный момент она сосредоточила свое внимание, подобно «новому» профессиональному движению, на немедленных реформах, надеясь таким путем постепенно и безболезненно привести рабочих к социализму. Поэтому она и отвергла слово «социалистическая» в своем названии. Она предпочла называться Независимой рабочей партией, так как в этих словах была более точно выражена сущность ее программы.

Еще до образования Независимой рабочей партии «новые» лидеры профессионального движения обращали свое внимание не только на парламент, но и на органы местного самоуправления. Закон о местном управлении 1888 года облегчил им работу в этой области. На выборах в советы графств Лондона и угольных районов были выставлены рабочие кандидаты. Джон Бернс был выбран в совет лондонского графства в 1889 году. Развитие этого рода деятельности было в значительной степени обязано фабианцам. Под влиянием Вебба Фабианское общество было ревностным сторонником «муниципального социализма». Их памфлеты по этому вопросу сильно поддержали рабочих кандидатов на местных выборах. Независимая рабочая партия энергично взялась за это дело, так как работа в органах местного самоуправления служила хорошей подготовкой для ее членов к парламентской деятельности.

Итак, лидеры «нового» профессионального движения получили свою собственную общенациональную партию. Тем не менее, они не прекратили своих попыток овладеть руководством на конгрессе профессиональных союзов и по-прежнему вели среди союзной массы усиленную агитацию за создание независимой партии рабочего класса. На конгрессе 1893 года они добились значительных успехов. Была проведена резолюция о создании специального фонда для поддержки независимых рабочих кандидатов. При этом было решено поддерживать только таких кандидатов, которые подпишутся под социалистическим лозунгом о коллективной собственности на средства производства, распределения и обмена. Но конгресс опять не пошел до конца в создании независимой партии рабочего класса. Соответствующая резолюция Кейр-Гарди была отвергнута большинством в двадцать три голоса.

На первый взгляд существует противоречие в том, что лидеры «нового» профессионального движения, создав свою собственную политическую партию, продолжали убеждать конгресс основать еще одну такую же партию. Но это противоречие только кажущееся. Кейр-Гарди и его друзья все время стремились создать политическую партию, руководимую и вдохновляемую социалистами, но при этом опирающуюся на массовую организацию профессионального движения. Они вполне сознавали, что без активного участия профессиональных союзов им не удастся ни создать, ни снабдить достаточными средствами действительно мощную ра-

бочую партию. Основывая Независимую рабочую партию, они смотрели на нее скорее как на предшественницу грядущей мощной Рабочей партии, чем как на организацию, представляющую самостоятельную ценность. Все последующие годы Кейр-Гарди постоянно говорил о наступлении «рабочего альянса», подразумевая под этим об'единение социализма в лице Независимой рабочей партии и мощной экономической организации в лице профессионального движения.

Такая политика очень часто заставляла прибегать к компромиссам. Кроме того, надо было еще удовлетворить и Гайндмэна и его последователей из Социал-демократической федерации. Федерация хотела создать определенно выраженную марксистскую партию, по образцу Германской Социал-демократической партии. Ее вождям принадлежала честь создания первой крупной современной социалистической организации в Англии. Теперь они были оттерты на задний план лидерами «нового» профессионального движения — движения, которое в значительной степени они сами вызвали. Но они были беспомощны. Оппортунистический социализм Кейр-Гарди привлекал молодых профессиональных деятелей гораздо больше, чем марксизм Гайндмэна. Кейр-Гарди предлагал им понятным для них языком начать немедленную борьбу за то, что уже давно было насущной потребностью профессиональных союзов.

Поэтому Независимая рабочая партия быстро развивалась, в то время как для Социал-демократической федерации наступил период застоя. Правда, конгресс профессиональных союзов в 1894 году не был отмечен никакой передовой резолюцией, а парламентский комитет не предпринимал никаких шагов к тому, чтобы провести в жизнь резолюцию 1893 года о создании специального фонда для субсидирования рабочих кандидатов на предвыборных кампаниях. Но Кейр-Гарди все время вел успешную пропагандистскую работу в палате общин, в особенности в связи со стачкой докеров в Гулле и общенациональной забастовкой горнорабочих. Обе эти стачки относятся к 1893 году. Число членов Независимой рабочей партии росло очень быстро. Был открыт ряд новых местных отделений. Партия насчитывала в 1895 г. 6.000 членов. Среди них почти во всех округах было большинство молодых активных членов профессиональных союзов, а также и наиболее передовых деятелей рабочего движения на местах. Позднее обнаружился ряд слабых мест Независи-

мой рабочей партии. Но в эти годы, казалось, она неуклонно шла по пути к успеху.

Скоро настала и реакция. В 1894 году новая партия выступала со своими кандидатурами на многих дополнительных выборах, но всякий раз безуспешно. На всеобщих выборах 1895 года она выставила 28 кандидатов. Среди них был Кейр-Гарди. В это время Джон Бернс и Хавлок Вильсон открыто перешли в лагерь врагов Независимой рабочей партии. Они оба сохранили свои места в парламенте. Но Кейр-Гарди, в борьбе с консервативным кандидатом, потерпел поражение. Ни один член независимой рабочей партии не попал в 1895 г. в парламент. «Рабочие-либералы» потеряли три места, и независимое рабочее движение временно не имело своего представителя в палате общин. Гайндмэн выставил свою кандидатуру от Бернли. Кроме него, Социал-демократическая федерация выдвинула еще целый ряд кандидатов. Но ни один из них не прошел.

Тем временем, была произведена реформа конгресса профессиональных союзов. Победа социалистов в 1893 году (резолюция о создании фонда политической борьбы) послужила поводом для обвинения, что конгресс эксплуатируется в политических целях. В 1894 году парламентскому комитету было поручено пересмотреть устав конгресса. Комитет воспользовался своими полномочиями, чтоб внести в устав коренные изменения. Профессиональные советы, в которых преобладали «новые» и социалистические течения, были лишены представительства на конгрессе — формально это было мотивировано тем, что примыкающие к советам местные отделения союзов уже представлены на конгрессе через национальные органы своих союзов. В то же время было введено правило, что делегатами на конгрессе могут быть только должностные лица профессиональных союзов и лица, непосредственно работающие по своей специальности в промышленности. Это правило исключало из конгресса Джона Бернса — в то время фактического председателя парламентского комитета, Генри Бродгерста и Кейр-Гарди — главных лидеров «старого» и «нового» течений. Было также внесено изменение в систему голосования. Прежде голоса всех делегатов были равноценны и каждый делегат имел один голос. Теперь же каждый делегат обладал различным числом голосов, в зависимости от числа представляемых им членов профессиональных союзов. Эти перемены свели на нет победу социалистов в 1893 г. и оттянули еще на несколько

лет вступление профессиональных союзов на путь независимой политической деятельности. Говорят, что среди инициаторов всех этих перемен был Джемс Маудсли, консервативный лидер союза хлопчатобумажных прядильщиков. Реформа была проведена под лозунгом обособления трудящихся от политического авантюризма. В последние годы к этому же маневру прибегла группа деятелей, призывавшая во время войны к образованию новой Рабочей партии профессиональных союзов, которая была бы свободна от влияния «социалистических умов». Попытка эта, как известно, кончилась неудачей.

Но все это только отодвинуло победу социалистов на конгрессе. Представители их попадали на конгресс в качестве делегатов от профессиональных союзов, и в 1899 г. за ними опять было большинство. В 1897 и 1898 году конгресс отвергал предложение провести анкету среди профессиональных союзов, согласны ли они на установление сбора в фонд политической борьбы. Но многие союзы уже в течение долгого времени и без того несли издержки, связанные с предвыборными кампаниями, а также оказывали своим представителям материальную поддержку в те годы, когда они заседали в парламенте. Пример в этом отношении был подан горнорабочими в 1874 году, и ему скоро последовали и другие союзы. Но тем не менее предложение об установлении всеобщего сбора в единый фонд рабочего представительства встречало ряд возражений, и даже в 1899 г. социалисты не смогли провести его.

Вместо этого, избрав более легкий путь, они добились в 1899 году проведения на конгрессе резолюции, которая заключалась в том, что конгресс поручил парламентскому комитету созвать специальный конгресс из представителей «кооперативных и социалистических обществ, профессиональных союзов и других организаций рабочего класса» с целью «изыскать пути и средства для увеличения числа рабочих представителей в следующем парламенте». В резолюции ничего не упоминалось о каком-либо сборе, но было совершенно ясно, что конгресс имел в виду создать какую-то постоянную организацию.

Эта двусмысленная резолюция и послужила основой для создания Рабочей партии.

2. Профессиональное движение в девяностых годах.

Лидеры «нового» профессионального движения целиком ушли в дело создания Независимой рабочей партии и обращения конгресса профессиональных союзов к социалистической политике. В то же время их организации — «новые» союзы — попали в очень затруднительное положение из-за изменившейся экономической ситуации. Период промышленного расцвета к 1892 году пришел к концу. Безработица возросла с 2% в 1890 году до 6% в 1892 году, а в 1897 году она уже перешагнула за 7%. В 1890 году на конгрессе профессиональных союзов были представлены 1.593.000 членов, а в 1893 году — всего 721.000. «Новые» союзы теряли своих членов почти с такой же скоростью, с какой приобретали их в период расцвета. «Старые» лидеры снова заговорили, что их предсказания о непрочности новых организаций, угрожавших их первенству в профессиональном движении, начинают сбываться. Они снова заявили, что только высокие членские взносы и пособия, к которым с таким презрением относились новые лидеры, могут прочно об'единить рабочих и сохранить их организации в периоды упадка.

Старые лидеры ошиблись. Число членов новых союзов, правда, значительно уменьшилось; но сами организации не исчезли. После 1893 года положение промышленности улучшилось. Годы 1896—1900 были новым периодом расцвета. Безработица в 1899 году снова упала до 2%. К концу столетия новые союзы вернули себе большинство членов, потерянных в годы депрессии. В 1900 году на конгрессе профессиональных союзов было снова представлено 1.250.000 членов. Общее же число членов всех профессиональных союзов возросло до 1.972.000; это приблизительно столько же, сколько их было десять лет назад. До 1892 года не велось точной статистики общего числа членов профессиональных союзов. По данным торговой палаты в 1892 году все профессиональные союзы об'единяли 1.501.000 рабочих. Но, вероятно, за предыдущий год эта цифра была несколько больше.

Девяностые годы были для профессиональных союзов периодом упадка, который потом сменился частичным под'емом. Консервативное правительство, испугавшись роста «новых» союзов, назначило в 1891 году королевскую комиссию по вопросу о труде, чтоб обсудить заново все отношения в промышленном мире. В эту комиссию вошли семь деятелей

профессионального движения. Но шестеро из них принадлежали к старому течению. «Новое» движение было представлено одним Томом Манном. Свой окончательный отчет комиссия опубликовала только в 1894 году. Но, начиная с 1892 года, она стала издавать один за другим свои меморандумы по различным вопросам, связанным с темой ее занятий. В конце концов, комиссия оказалась очень безобидной. Но было время, когда мнилось, что она дает сигнал к серьезному нападению на те позиции, которые завоевали себе профессиональные союзы в период 1871—1875 г.г. Часть членов комиссии предложила ввести в законодательном порядке обязательное заключение коллективных договоров; при этом за убытки, причиняемые нарушениями таких договоров, профессиональные союзы должны были бы отвечать своими фондами. Однако, за это предложение высказалось меньшинство комиссии, которое и представило свой отдельный меморандум. Отчет же большинства был, в общем, безвреден и ни к чему не обязывал. Был также представлен отчет меньшинства рабочих членов комиссии. Но трое из представителей профессиональных союзов отказались подписать его и присоединились к большинству.

В это же время в промышленности происходил целый ряд крупных конфликтов. В 1893 году торговля шла очень плохо; безработица возросла; предприниматели во многих отраслях промышленности потребовали значительных снижений заработной платы. В этом году произошел ряд крупных забастовок — остановились все прядильные хлопчатобумажные фабрики Ланкашира и была об'явлена забастовка углекопов, охватившая почти все горнопромышленные районы Англии. Это было первым большим выступлением Великобританской федерации горнорабочих.

Ланкаширская хлопчатобумажная забастовка продолжалась двадцать недель. Она окончилась компромиссным соглашением, довольно благоприятным для рабочих; были проведены лишь незначительные снижения заработной платы. Наиболее же существенным пунктом заключенного договора было так называемое Бруклэндское соглашение. Оно устанавливало порядок улажения всех конфликтов в будущем без прекращения работы. Соглашение действовало на прядильных фабриках с 1893 по 1905 год. За этот период здесь не произошло ни одной значительной стачки или локаута.

Вторым крупным конфликтом в 1893 г. была забастовка докеров в Гулле. Эта забастовка была вызвана Федерацией судовладельцев, которая стремилась сломить мощь Союза моряков и кочегаров. Забастовка окончилась соглашением, неблагоприятным для рабочих. Мы уже упоминали о том, как Кейр-Гарди пытался через парламент привлечь к этой забастовке общественное внимание.

Но самым крупным событием года была стачка углекопов, в которой приняли участие 400.000 рабочих. Заработки углекопов в период расцвета значительно поднялись. С наступлением кризиса они стали быстро падать вместе с ценами на уголь. Федерация горнорабочих отказалась от системы подвижных тарифов и потребовала установления минимума, ниже которого заработок не должен падать ни при каком положении рынка. Главные английские угольные районы (за исключением Шотландии, Южного Уэльса и Северо-восточного побережья) в течение четырех месяцев были парализованы забастовкой. В конце концов, горнорабочие должны были согласиться на довольно значительные снижения заработной платы, но все же добились признания гарантированного минимума ее. Кроме того, была создана Английская примирительная камера угольной промышленности, действие которой распространялось на так называемую «федерированную область» (Ланкашир, Иоркшир, Средняя Англия и Северный Уэльс). Целью этой организации было регулирование заработной платы горнорабочих. Она просуществовала до 1915 года.

В девяностых годах произошел и ряд других забастовок горнорабочих. В 1892 году дургэмские шахтовладельцы об'явили о снижении заработной платы. Рабочие забастовали. Епископ Весткотт выступил в качестве посредника, и рабочие согласились на меньшее снижение заработной платы. В 1893 году отдельно от других рабочих забастовали «толкачи» (рабочие, подающие уголь с места добычи на поверхность) Южного Уэльса. Они потребовали прибавки, но, так как угольная промышленность в этот год переживала кризис, то, разумеется, они ничего не получили. В 1894 году бастовали шотландские углекопы против снижения заработной платы. Они потерпели поражение, но в процессе борьбы организация их — Шотландская федерация горнорабочих — реформировалась и значительно усилилась. Четыре года спустя — в 1898 году — углекопы Западной Шотландии потребовали прибавки и, об'явив стачку, добились своего тре-

бования. В Южном Уэльсе, где дольше всего продержалась система движущейся скалы, горнорабочие были плохо организованы и все еще оставались вне Великобританской федерации горнорабочих. В этом округе происходили постоянные препирательства между представителями «старого» и «нового» профессионального движения. Наконец, в 1898 г. рабочие забастовали и потребовали как прибавки, так и пересмотра всей системы регулирования заработной платы. Борьба продолжалась шесть месяцев; бастующие не получали почти никаких пособий. Независимая рабочая партия, по мере сил своих, собрала кое-какой фонд помощи забастовщикам, а также повела по всему округу энергичную организационную кампанию, открывая в различных пунктах местные отделения и привлекая в свои ряды новых членов. Но, несмотря на все ее усилия, рабочие были побеждены. Однако, забастовка пошла им на пользу: они еще более озлобились против системы подвижных тарифов и поняли невыгоду своей изолированности от центрального ядра горнорабочих. Под влиянием этих настроений Федерация горнорабочих Южного Уэльса была реорганизована и присоединилась к Великобританской федерации горнорабочих. К концу столетия Великобританская федерация охватывала все угольные районы Англии, за исключением Нортумберлэнда и Дургэма. Эти округа продолжали держаться отдельно вплоть до 1908 года. Уцелевший осколок макдональдовского Национального союза горнорабочих прекратил фактически свое существование в 1898 году. В этом году из него вышла секция Дургэма и распалась секция Южного Уэльса, так что весь он превратился в районную организацию Нортумберлэнда.

Как мы видим, в девяностых годах наиболее активной частью рабочих были углекопы. За 1893—1900 г.г. число углекопов, участвовавших в стачках и подвергшихся локаутам, значительно превосходит общее число бастовавших и рассчитанных в периоды локаутов рабочих всех других отраслей промышленности. Более того, забастовки горнорабочих за этот период и по своей общей продолжительности значительно превосходят забастовки всех других категорий рабочих. За время с 1863 по 1912 год не было ни одной общенациональной забастовки углекопов. Но ни один год не проходил без крупного конфликта с прекращением работы в том или другом угольном районе.

Железнодорожники, как было указано выше, пробудились к активности в 1889 году, когда в противовес старомодному Об'единенному обществу железнодорожных служащих был основан Генеральный союз железнодорожников. Но организация железнодорожников все еще была очень слаба. Компании попрежнему отказывались в какой бы то ни было форме признать союзы рабочих. Они ввели среди служащих полувоенную дисциплину, поддержание которой считали необходимым для исправного функционирования железнодорожного сообщения. Самый же факт существования союзов являлся, по их мнению, нарушением этой дисциплины. Ставки железнодорожников были очень низки, а рабочий день очень продолжителен. Союзы прежде всего обратили внимание на последнее обстоятельство. В 1890 году Об'единенное общество железнодорожных служащих проснулось от спячки и выпустило новую программу, касавшуюся, главным образом, сокращения рабочего дня. В конце того же года Шотландское общество железнодорожных служащих, представлявшее собой отдельную независимую организацию, предприняло более решительные шаги: оно об'явило забастовку с требованием сокращения продолжительности рабочего дня. Рабочие были разбиты на голову. Уцелевшие осколки Шотландского общества влились в Об'единенное общество железнодорожных служащих. Эта забастовка была первой серьезной забастовкой на железных дорогах. Она послужила на пользу той агитационной кампании, которую вело Об'единенное общество. В 1891 г., под влиянием этой кампании, парламент выделил особый комитет для рассмотрения условий труда железнодорожников. Результатом всего этого был закон 1893 года, по которому министерству торговли и промышленности было предоставлено право разбирать все случаи особо вопиющей переработки железнодорожников. Но это право никогда не было использовано, и союзы были еще слишком слабы, чтобы настоять на нем.

Железнодорожные компании, за исключением Северо-восточной железной дороги, признавшей союзы в 1890 году, продолжали свою репрессивную политику. В 1896 году Лондонская и Северо-западная железная дорога, возглавляемая сэром Джоржем Финдлеем, стала систематически увольнять активных членов профессиональных союзов. Это, однако, вызвало такой взрыв общественного негодования, что союзам удалось настоять на обратном принятии на работу

всех уволенных рабочих. Сэр Джорж Финдлей отнюдь не ожидал такого результата. Его поступок обернулся против него же самого.

В 1897 году Амальгамированное общество железнодорожных служащих выпустило свою первую широкую программу, предусматривавшую общие интересы всех категорий железнодорожников. Число членов Общества за этот год удвоилось. Всем железнодорожным компаниям были пред'явлены требования сокращения рабочего дня, повышения заработной платы и оплаты сверхурочных. Но предприниматели решительно отказались от каких бы то ни было переговоров, а на забастовку союзы не пошли: они не были еще достаточно сильны для этого. Широкая программа оказалась преждевременной. Только в 1906 году все железнодорожники выступили единым фронтом в общенациональном масштабе.

В 1897 году была основана Ассоциация железнодорожных конторщиков. Она вызвала со стороны предпринимателей еще более враждебное отношение, чем союзы рабочих физического труда. Но лишь в новом столетии эта ассоциация приобрела значение.

На втором месте после углекопов, по количеству и размеру забастовок, в девяностых годах стояли машиностроители. Об'единенное общество машиностроителей по существу своему было цеховым союзом, но новые идеи оказали на него большое влияние. Из его рядов вышел не один лидер нового профессионального движения. Если не считать организаций горнорабочих, Общество машиностроителей и в девяностых годах было самым крупным, а также самым богатым и самым устойчивым профессиональным союзом. В 1897 году оно насчитывало более 90.000 членов, располагало резервным фондом в 300.000 фунтов стерлингов и имело годовой доход в 500.000 фунтов стерлингов. Слабыми местами Общества машиностроителей было, во-первых, то, что оно не допускало в свои ряды менее квалифицированных рабочих, труд которых применялся для наблюдения за новыми упрощенными машинами; во-вторых, с ним соперничал целый ряд мелких союзов квалифицированных рабочих; в третьих, наконец, оно чрезвычайно медленно приспосабливало свою цеховую политику к меняющейся экономической ситуации. Кроме того, Обществу приходилось считаться со вновь реорганизованной Федерацией предпринимателей машиностроительной промышленности. Главари этой федерации твердо решили не давать рабочим поблажки.

В продолжение девяностых годов накоплялись причины для взаимного недовольства. На машиностроительных заводах вводились все новые машины и методы производства. Почти на каждом предприятии квалифицированные рабочие вели постоянную борьбу с засилием менее квалифицированного и хуже оплачиваемого труда. На этой почве неоднократно возникали конфликты. Члены Об'единенного общества машиностроителей требовали отстранения чернорабочих от машин. Они считали работу у машин привилегией квалифицированного труда. В большинстве случаев они требовали также, чтобы им предоставили участие в контроле над производством. К началу 1897 года эти конфликты были так многочисленны, что федерация предпринимателей, угрожая всеобщим локаутом, потребовала немедленного возобновления работ на некоторых бастующих предприятиях. Несколько других союзов выступили в качестве посредников, и конфликт был временно улажен. Забастовщики вернулись на работу, и предупреждения о локауте были взяты обратно. Для окончательного разрешения спорных вопросов была созвана особая конференция, которая, однако, не смогла притти к удовлетворительному решению. В этот момент лондонские машиностроители об'явили забастовку, требуя сорокавосьмичасовой рабочей недели. Тогда предприниматели провели частичный локаут. Союзы ответили об'явлением всеобщей забастовки на всех тех предприятиях, где был проведен локаут. В эту забастовку оказались вовлеченными 50.000 рабочих.

Забастовка началась в июле и продолжалась до следующего года. Когда собственные фонды машиностроителей истощились, они стали получать значительную помощь от других союзов. Но в конце концов им все-таки пришлось сдаться. Союзы должны были обещать не вмешиваться в управление предприятиями. Кроме того, они признали за предпринимателями право нанимать любого рабочего для выполнения любой работы, а также вводить на любом заводе любую систему оплаты, которая когда-либо применялась на каком-нибудь предприятии. Рабочие согласились на эти условия только после трех голосований. Условия эти были настолько суровы, что на практике не могли даже быть полностью проведены в жизнь. Союзы через некоторое время оправились; снова начались, как и прежде, конфликты по старым наболевшим вопросам. К 1900 годам Об'единенное общество машиностроителей вернуло себе всех членов, потерянных во время конфликтов.

Из столкновений в других отраслях промышленности наиболее крупным была забастовка рабочих обувной промышленности в 1895 году; в результате этой забастовки был создан аппарат для разрешения всех будущих конфликтов путем арбитража. Следует также отметить две неуспешных забастовки рабочих джутовых фабрик Дёнди (в 1895 и 1899 годах) и успешную забастовку гончаров в 1900 году. В общем, в девяностых годах во всех отраслях промышленности, за исключением горной и машиностроительной, царило сравнительное спокойствие. После великих волнений 1889—90 года союзы сделали передышку. Новые лидеры главное внимание сосредоточили на политическом движении.

Однако, после реакции 1893 года профессиональное движение снова стало расти. К 1900 году профессиональные союзы насчитывали в общей сложности до двух миллионов членов. Наряду с движением за политическое единство происходило и движение за более тесное единство в промышленной борьбе. «Кларион» принял в нем энергичное участие и на своих страницах усиленно призывал союзы об'единиться в центральную федерацию для взаимной защиты. Забастовка машиностроителей 1897 года сделала еще более очевидной необходимость в таком об'единении. В 1899 году конгресс профессиональных союзов, главным образом, по настоянию секретаря Общества котельщиков Роберта Найта, сделал в этом направлении некоторые шаги. Как и в случае с комитетом рабочего представительства, конгресс не взял на себя никаких новых функций и не включил все примыкающие к нему об'единения в новую федерацию. Он только созвал конференцию, на которой была основана Генеральная федерация профессиональных союзов. Отдельным союзам была предоставлена полная свобода в вопросе о том, войти или не войти в эту федерацию.

При создании Генеральной федерации на нее возлагались большие надежды. Многие смотрели на нее, как на центральный координирующий орган всего профессионального движения в целом — нечто вроде «единого великого союза», которому принадлежит большое будущее. Но на деле строение новой федерации было вовсе не таково, чтоб она могла заменить конгресс профессиональных союзов или вообще играть какую-нибудь роль в направлении политики всего движения. Федерация приобрела значение общества для взаимного страхования от стачек и локаутов. Каждый входящий в нее союз должен был сделать определенные взносы

в центральный фонд. В случае, если он оказывался вовлеченным в забастовку или локаут, он получал из этого фонда пособия в определенном размере. Федерация не имела права об'являть сама забастовки или координировать политику входящих в нее союзов. Она была обыкновенным страховым обществом — получала премии и выплачивала пособия.

Вначале в Генеральную федерацию профессиональных союзов вошло сорок четыре об'единения с общим числом членов в 343.000. Главную роль в ней играли металлисты и текстильщики, а также рабочие менее важных отраслей промышленности. Горнорабочие держались в стороне, и, быть может, федерация только выиграла от этого, так как одной крупной забастовки углекопов было бы достаточно, чтоб сделать ее несостоятельной. Чернорабочие тоже не вошли в федерацию, так как им были не по средствам те членские взносы, которые она требовала. В первые годы своего существования Генеральная федерация не терпела особых затруднений. Но это были, сравнительно, спокойные годы. Те злоключения, которые постигли ее в дальнейшем, выходят за пределы этого тома.

Таково было положение профессиональных союзов к 1900 году. «Новые» союзы заняли свое место наряду со «старыми» как неот'емлемая и постоянная составная часть всего профессионального движения. Различие между ними продолжало существовать, но в значительной степени стерлось. Кризис 1893 года умерил боевой пыл «новых» союзов; они к тому времени еще недостаточно окрепли и с трудом вообще уцелели. Некоторые из них отказались от своей ненависти к пособиям и создали для них специальные фонды; фонды эти составлялись из взносов тех членов, которые желали получать подобные пособия. Только бедность малоквалифицированных рабочих помешала дальнейшему развитию этих начинаний.

С другой стороны, «старые» союзы тоже отразили на себе новые веяния. Некоторые из них открыли свои ряды для менее квалифицированных рабочих. Почти все, по примеру «новых» союзов, включили в свои программы требование рабочего законодательства, а также отказались от своей приверженности теории невмешательства. Движение «рабочих-либералов» пользовалось еще значительным влиянием. Но оно определенно шло на убыль. Даже во главе «старых» союзов появились лидеры, разделявшие более прогрессивные взгляды. Профессиональные союзы уже перестали разде-

пяться на два враждебных лагеря, постоянно воюющих друг с другом. Частичные препирательства и ссоры, конечно, остались, но в общем выработался новый тип профессиональной организации, примирявший в себе два крайних течения 1889 года. Процесс политического об'единения привел к созданию Рабочей партии и еще более сгладил различия между «старыми» и «новыми» союзами.

Рост профессионального движения был неизбежно подвержен некоторым колебаниям в зависимости от положения дел на рынке. Общая тенденция была тенденцией роста. Но в периоды кризиса союзы всегда теряли часть тех членов, которых они приобретали в предшествующий период расцвета. Движение же потребительской кооперации росло постоянно и непрерывно, почти не отражая на себе колебаний в промышленности. За девяностые годы в истории этого движения было мало сколько-нибудь значительных событий. В 1893 году был проведен более благоприятный закон о промышленных и снабжающих обществах. Кооперативное движение сильно подвинулось в Ирландии. В 1894 году было основано Ирландское общество организации сельского хозяйства, а в 1898 году — Ирландское сельско-хозяйственное общество оптовых закупок. Английское общество организации сельского хозяйства было основано в 1900 году, но проявило себя только через год после основания. Наконец, следует указать еще на образование в 1895 году Международного кооперативного альянса, который об'единил нараставшее кооперативное движение целого ряда стран.

Основной чертой развития кооперативного движения в девяностых годах был непрерывный и быстрый рост числа его членов и торгового оборота. В 1880 году число членов различных английских кооперативных обществ равнялось 600.000 человек. К 1890 году эта цифра достигла почти миллиона, а к 1900 году значительно превысила миллион и три четверти. Рост капитала и оборота был еще поразительнее. Паевой капитал возрос с 6.226.000 фунтов стерлингов в 1880 году до 10.367.000 в 1890 и до 23.000.000 фунтов в 1900 году. Общая стоимость проданных товаров в 1880 г. равнялась 23 миллионам фунтов, в 1890 г. она уже достигла 36 миллионов, а в 1900 году — 77 миллионов. Параллельно с ростом потребительской кооперации развивалось и кооперативное производство. Кооперативные общества оптовых закупок значительно расширили свои производственные предприятия. Производственная же кооперация, как самостоя-

тельное движение, была в застое. К концу столетия она представляла лишь незначительную часть всего кооперативного движения.

3. Комитет рабочего представительства.

Мы видели, как в 1899 году конгресс профессиональных союзов был вынужден предпринять шаги, которые впоследствии привели к образованию Рабочей партии. После проведения на конгрессе соответствующей резолюции был назначен особый комитет из представителей конгресса, Независимой рабочей партии, Социал-демократической федерации и Фабианского общества. Задачей этого комитета было подготовить созыв специальной конференции. Такая конференция собралась в феврале 1900 года в составе 129 делегатов. Среди них были представители около полумиллиона рабочих, об'единенных в профессиональные союзы (значительно меньше половины общего числа членов всех профессиональных союзов), а также около 70.000 членов различных социалистических обществ и других организаций.

Перед созывом конференции комитет составил схему создания новой организации, которая должна была представлять собой Независимую федерацию профессиональных союзов, профессиональных советов, социалистических и кооперативных обществ. Эта организация должна была быть совершенно независимой от конгресса профессиональных союзов. Среди авторов проекта были Бернард Шоу, Кейр-Гарди и Рамзэй Мак-Дональд — те общественные деятели, которые впоследствии придали Рабочей партии характер об'единения профессиональных союзов и социализма, с целью совместной политической борьбы. Тогда впервые Кейр-Гарди стал пытаться осуществить свой план «рабочего альянса».

На конференции прежде всего возникли разногласия по вопросу о том, каких кандидатов в парламент должна стремиться проводить новая организация. Должна ли она оказывать поддержку только таким кандидатам, которые сами происходят из рабочей среды, или же она может довольствоваться тем, что предлагаемый ею кандидат достаточно зарекомендовал себя, как верный защитник интересов рабочего класса. Первое предложение было выдержано в духе старых представлений либерально-рабочего дви-

жения о рабочем представительстве. Мы помним, что это движение ставило целью не создание новой политической партии, а проведение в парламент трудящихся. Лидеры «нового» профессионального движения вместе с социалистами всеми силами обратились против этого предложения. Оно было отвергнуто громадным большинством голосов.

Затем встал вопрос о целях новой организации. Делегаты Социал-демократической федерации предложили создать (цитируем их резолюцию) «партию, отдельную от капиталистических партий, построенную на основе признания борьбы классов и стремящуюся в конечном итоге к социализации средств производства, распределения и обмена». Это было не по зубам большинству конференции, и представители крайнего правого крыла сразу внесли свое контр-предложение. Секретарь Ассоциации корабельных плотников Александр Вильки предложил включить в программу только несколько очередных требований всего рабочего класса и дать подписаться под этими требованиями всем присутствующим на конференции. Однако, это было слишком слабо для громадного большинства делегатов. В конце концов, было единогласно принято компромиссное предложение Кейр-Гарди — было признано желательным создание в парламенте особой рабочей группы (не партии) со своей особой линией поведения.

Но этой группе был также дан наказ «сотрудничать с любой партией, которая в данный момент борется за проведение законодательства в интересах трудящихся», а также «противодействовать всем мероприятиям, имеющим противоположную тенденцию». Таким образом, делегаты Независимой рабочей партии, чтобы удержать за собой делегатов профессиональных союзов, пошли на компромисс. Они не довели до конца дело создания новой определенно выявленной партии и сохранили за собой право продолжать в той или иной форме сотрудничество с либеральной партией.

Вопрос о наименовании новой организации тоже вызвал споры. Наконец, сошлись на названии «Комитет рабочего представительства». Только в 1906 году этот Комитет был переименован в «Рабочую партию». Секретарем был избран Джемс Рамзэй Мак-Дональд. Новая организация в значительной мере обязана ему благополучным минованием тех трудностей, которые встретились на ее пути в первые годы существования.

Вскоре по образовании Комитета рабочего представительства начались «выборы защитного цвета» 1900 года[1]). Это был самый разгар Южно-Африканской войны. Комитет рабочего представительства совсем не имел денег — сборы в фонд политической борьбы были введены в профессиональных союзах только после конференции 1903 года. Из пятнадцати рабочих кандидатов, выступивших на выборах, большинство были ставленниками трех примыкавших к комитету социалистических организаций. Обстановка, в которой происходили выборы, была чрезвычайно неблагоприятна. Рабочие представители получили всего только два места. Кейр-Гарди был избран от Мертир-Тудвилла (в Уэльсе). Уэльские горнорабочие помнили о той поддержке, которую им оказала Независимая рабочая партия в забастовке 1898 г. Ричард Белл — секретарь союза железнодорожников — прошел от Дерби[2]). «Либерально-рабочее» движение тоже потерпело неудачу — его представители сохранили в новом парламенте всего восемь мест.

Учреждение Комитета рабочего представительства положило начало долгой борьбе социалистов за создание независимой партии рабочего класса. Лишь много лет спустя новая организация стала в полном смысле слова общенациональной партией. Но конференция 1900 года придала ей те формы, которые и посейчас лежат в ее основе. Мы имеем в виду столь типичный для Рабочей партии характер федерального об'единения профессиональных союзов и социалистических обществ. Кооператоров не удалось убедить войти в новую организацию, а самая могущественная профессиональная группировка — Федерация горнорабочих — оставалась вне ее вплоть до всеобщих выборов 1910 г. Но основы были заложены, и в дальнейшем шло неуклонное развитие организации.

Описание хода этого развития составит одну из тем следующего тома нашего исследования. Только в свете дальнейших событий мы сможем оценить, была ли политика «рабочего альянса», проводимая Кейр-Гарди, правильна или ошибочна. Но тут все же можно сказать следующее. Социалистические общества в 1900 году не были в силах создать действительно сильную партию без поддержки профессио-

[1]) Так эти выборы были названы потому, что они проводились с шовинистическими лозунгами, а в это время английская армия на фронтах была переобмундирована в защитный цвет. Прим. ред.

[2]) Крупный жел.-дор. узел. Прим. ред.

нальных союзов. С другой стороны, не представлялось возможным убедить союзы присоединиться к более явно выраженной социалистической программе, чем программа Комитета рабочего представительства. Новая организация основывалась на компромиссе. Но компромисс этот неизбежно вытекал из тех условий, в которых приходилось действовать ее учредителям. Для них было уже большим достижением, что профессиональные союзы хоть сколько-нибудь освободились от засилия либеральной партии и принципов невмешательства. Опасность, которая таилась в таком частичном успехе, тогда еще не была достаточно видна. Она окончательно выявилась в 1906 году, когда было сформировано либеральное правительство.

ГЛАВА X.

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ДЕВЯТНАДЦАТОГО ВЕКА.

Первый том истории я закончил беглым обзором положения рабочего класса в первую половину девятнадцатого столетия. Теперь остается учесть те изменения, которые произошли за период, охваченный настоящим томом. Мы уже раньше указывали на очень важные технические изобретения, революционизировавшие промышленность во вторую половину столетия почти столь же коренным образом, как в первую половину ее революционизировало применение машины. Нами указывалось также, как повлияли эти изменения на организацию и на политику рабочего класса. Теперь мы подойдем к этому вопросу с другой точки зрения и попытаемся осветить, как отразились эти первые технические завоевания на быте и условиях жизни рабочего класса.

Конечно, здесь не могли иметь место такие коренные и ощутительные перемены, какие внесла в рабочую жизнь промышленная революция. Социальные устои, положенные в основу новой фабричной системы, не были вырваны с корнем. Процесс разложения деревни уже вполне закончился к середине столетия. От упадка сельского хозяйства, наступившего вместе с великой депрессией в семидесятых годах, сельский рабочий мало терял. Этот кризис тяжело отразился на хозяйстве фермера. Несмотря на расширение горной промышленности, население в деревнях количественно уменьшалось, а численность городского населения продолжала неуклонно расти. Но все же и для сельского рабочего 80-х годов, гонимого в город за заработком, этот процесс не принес тех потрясений, которыми ознаменовался в жизни рабочего приход промышленной революции на заре девятнадцатого столетия.

Изменения в области промышленной техники, происшедшие теперь, были, в сущности, не менее значительны и грандиозны. Новые методы производства стали, усиленный рост железнодорожной сети, необычайное развитие горной и машиностроительной промышленности решительно изменили прежние способы производства. Они сделали ненужным и устарелым применение прежних категорий квалифицированного труда; они вытеснили искусство ремесленника — искусной механической работой; они вызвали к жизни целую армию полу-квалифицированных рабочих у машины — в помощь или на смену квалифицированному ремесленнику. Эти изменения повлекли за собой перегруппировку различных категорий труда и вызвали коренной пересмотр ставок заработной платы, а также уставов и организационных форм профессиональных союзов. Соотношение числа рабочих, занятых в различных отраслях промышленности, также сильно изменилось. Хлопчатобумажная и шерстяная промышленность уступили свое первенство — по числу предприятий и по количеству рабочих — металлической и горной промышленности. Что горнорабочие и машиностроительные рабочие играли большую роль в истории труда в эпоху королевы Виктории — было не случайным явлением. Это диктовалось и обуславливалось изменениями в экономической ситуации.

Все же, с точки зрения рабочего, изменения, имевшие место во второй половине столетия, были несравненно менее значительны, чем ближайшие последствия промышленной революции. Если отвлечься от сельских условий, где происходил непрерывный поток рабочих из деревень в шахты, английские рабочие подвергались теперь лишь перемещению, переброске в пределах фабрики от одного процесса к другому. Фабрика отныне стала главным средоточием и центром английской жизни и единственным источником жизни рабочего.

Несомненно, что в пределах фабричной системы условия жизни рабочего класса в целом улучшились. Установленные правила соблюдались на фабриках строже под влиянием законодательных мероприятий и вследствие улучшения инспекторского и административного аппарата. Новые принципы, которые заключались в фабричных законах, постепенно стали распространяться на новые и новые отрасли промышленности, в том числе и на шахты. Непомерно длинный рабочий день стал короче, в первую очередь для детей и женщин, фабрики становились опрятнее, чище и более

или менее удовлетворяли санитарным требованиям. В городах ужасающие до тех пор жилищные условия улучшались. Следует, однако, отметить, что скученность населения оставалась столь же невыносимой, какой была и раньше. В 1801 г. среднее число жителей на один дом было 5,67 [1]), в 1901 году оно понизилось лишь до 5,2. Тем не менее, смертность в Англии и Уэльсе упала с 22,7 на тысячу в 1851—55 г.г. до 16-ти в 1901—05 г.г., а рождаемость понизилась с 34 до 28 человек на тысячу. С другой стороны, детская смертность значительно возросла — с 14,6 на тысячу в 1850 году до 15,4 в 1900 году. Значительно понизилась преступность, отчасти благодаря смягчению уголовных законов. Число нищих упало с миллиона (к 1850 г.) до 800.000 в 1900 году, несмотря на увеличение населения. Всюду вводилось всеобщее начальное обучение. В 1851 году государство тратило на эту статью лишь 150.000 фунтов стерлингов, в 1901 г. расходы по народному образованию выражались в одиннадцати миллионах, не включая тех сумм, которые расходовались местными органами. Деятельность местного самоуправления в области охраны народного здоровья практически осуществилась во второй половине столетия: сознание того, что одной из существенных задач государственной власти является забота об охранении здоровья граждан, легло в основу нового положения о местном самоуправлении, которому в этом направлении были даны широкие полномочия.

Все эти изменения, несомненно, сделали жизнь более сносной для обыкновенного смертного, вселили в него надежду на лучшее будущее, что, казалось, было недоступно предшествующему поколению. Мы видели, как верхние слои рабочего класса в эпоху королевы Виктории ухватились за эту надежду и путем бережливости и миролюбивой политики с предпринимателями пытались поднять уровень своей жизни. Мы проследили рост товарищеских обществ и кооперативного движения и видели, как профессиональные и политические организации рабочего класса меняли в эпоху королевы Виктории свою окраску под влиянием перемен, происшедших в экономической основе жизни рабочего класса.

---

[1]) Англичане не строят для жилья больших домов, как во всех других странах. Они живут в маленьких домиках, в одну, редко в две и больше квартир. Прим. перев.

Конечно, с нарождением индустриализма во вторую половину столетия лучшие времена пришли не только для рабочих. Появился сильный класс буржуазии; быстро росла потребность в специалистах и административном персонале в промышленности, вообще во всякого рода лицах свободных профессий. Предприниматели и финансисты наживали такие состояния, о которых и не мечтали величайшие магнаты эпохи промышленной революции. В 1851 году специалисты составляли 2,2% всего населения, а коммерческие деятели — 4,3%. В 1881 году соответствующие цифры были 6,2% и 7,8%. В 1840 году умерло менее 2.000 лиц, оставивших наследство свыше 500 фунтов стерлингов, а к 1877 году это число возросло до 4.478 и уже было свыше 1.100 человек с годовым доходом свыше 10.000 фунтов. Можно с несомненностью сказать, что, по крайней мере, начиная с 1880 года доходы на капитал росли значительно быстрее, чем заработная плата.

Заработная плата, однако, возрастала как номинально, так и по своей покупательной способности. Из-за недостатка точных статистических данных трудно дать представление о постепенном изменении заработной платы всего промышленного населения. Нам приходится полагаться на подсчеты, основанные на неудовлетворительных данных. Но все же, хотя точные цифры и отсутствуют, общая тенденция может быть выявлена с несомненностью. Были периоды упадка, но между 1850 и 1900 годами средняя реальная заработная плата, исчисленная по покупательной способности, выросла, по крайней мере, на семьдесят, а быть может даже на восемьдесят процентов.

Следует отметить, что значительное увеличение номинальной заработной платы большею частью совпадает с периодом наибольшей активности и. профессионального движения. Совпадение периодов не разрешает, конечно, вопроса о причине и следствии. Если профессиональная активность содействует росту заработной платы, то будет не менее верным и обратное положение, что благоприятные условия, создаваемые периодами под'ема промышленности, облегчают пробуждение активности. Здесь невозможно установить, что является причиной, а что следствием. Союзы не могут добиться повышения заработной платы, если экономические обстоятельства не будут благоприятствовать этому, но даже благоприятные экономические условия могут и не повлечь

за собой повышения заработной платы, если профессиональные союзы бездействуют или вовсе не существуют.

Промышленное оживление начала восьмидесятых годов не принесло повышения заработной платы, и не последнюю роль в этом сыграла бездеятельность, проявленная профессиональными союзами.

Пятидесятилетие, охватываемое настоящим томом, распадается на два периода быстрого экономического под'ема, разделенных между собою периодом тяжелой депрессии. Начиная от 1850 года до середины семидесятых годов английский капитализм переживал так называемый «золотой век». В конце этого периода номинальная заработная плата возросла более чем на 50%, а реальная заработная плата, по меньшей мере, на одну треть по сравнению с пятидесятым годом. Затем наступил период великой депрессии. Он длился от конца семидесятых до конца восьмидесятых годов, с небольшим перерывом промышленного под'ема в начале восьмидесятых годов. На протяжении всего этого периода номинальная заработная плата упала почти на 10%. Однако, благодаря быстрому падению цен, реальная заработная плата, если не считать урона, понесенного от безработицы, понизилась очень незначительно. После этого наступило необычайное оживление 1889 года: как номинальная, так и реальная заработная плата сильно поднялись. Кризис начала девяностых годов принес значительное понижение, но вскоре наступивший под'ем положил конец этому понижению. От конца восьмидесятых годов до конца столетия номинальная и реальная заработная плата выросли, по крайней мере, на 20%. В общем рост реальной заработной платы во вторую половину столетия для всех профессий, относительно которых имеются данные, выразился в среднем не менее, чем в 70-ти процентах.

Рост заработной платы не распределился равномерно между всеми группами рабочих. Так, больше всего выиграли рабочие хлопчатобумажного производства, заработная плата которых за вторую половину столетия, приблизительно, удвоилась. В первую половину столетия, это была наиболее жестоко эксплуатируемая группа рабочих. Средний недельный заработок рабочих всех категорий, занятых в хлопчатобумажном производстве, в 1850 году был около 9 шиллингов и 4 пенсов. В 1880 году он достиг 14 шиллингов и 10 пенсов, а в 1900 г. — 18 шиллингов и 3 пенсов. Рабочие же, занятые в шерстяной промышленности, лучше

оплачиваемые в 1850 году, получили за пятьдесят лет повышение заработной платы лишь в размере 40%. Заработная плата рабочих-плотников возросла за это время едва на 25%.

В горной промышленности, в производстве железа и стали заработная плата возросла несколько больше, чем на 70% (средняя цифра для всех отраслей промышленности). Особенно же возросла она в строительной промышленности. В машиностроительном производстве заработная плата не превышала среднего уровня, но там значительное число необученных рабочих ставилось на полуквалифицированную работу.

Вообще, всякого рода строительная промышленность, в силу ее огромного расширения, выдвигалась в первые ряды по благосостоянию своих рабочих. Но она была также подвержена чрезвычайно тяжелым колебаниям заработной платы из-за своей исключительной чувствительности к периодам расцвета и упадка. Особенно это сказалось в горной промышленности. В середине семидесятых годов заработная плата горнорабочих достигла 90% уровня 1900 года. Пять лет спустя она упала до 70%. Эти резкие колебания об'ясняют, конечно, большое количество стачек и локаутов в горной промышленности.

Интересно сопоставить устойчивость и постоянство, с которыми возрастало число членов кооперативных обществ, с колебаниями и скачками в ходе профессионального движения. Конечно, и кооперативные общества испытывали на себе воздействие колебаний в промышленности. Но это не влияло на число их членов в такой сильной степени, как на число членов профессиональных организаций. Профессиональное движение продвигалось вперед рядом стремительных толчков; кооперативное движение шло медленным, но уверенным шагом. Тенденция же того и другого движения была одна и та же. Оба стремились вперед и развивались почти с одинаковой скоростью.

В этот же период возник целый ряд различных организаций среди предпринимателей. Ассоциации предпринимателей зарождались для борьбы с нарастающим профессиональным движением. Особенно конец столетия был отмечен ростом трестов и комбинатов, образованных с целью регулирования цен и размеров выработки. На организациях предпринимателей не менее чем на рабочих организациях отражались изменения экономических условий. И те и другие отказались от принципа невмешательства.

Рост сравнительно устойчивых профессиональных союзов, а также кооперативного движения был только одним из признаков изменений в обычаях и настроениях английских рабочих второй половины столетия. Хотя в 1900 году профессиональные союзы уже сбросили с себя зависимость от «либерально-рабочей» политики и социализм был уже реальной силой в профессиональном движении, однако многое, что ими было присвоено в эпоху королевы Виктории, осталось теперь как прочное приобретение. Всеобщее начальное обучение имело, конечно, огромное влияние на нравы, обычаи и общественный уклад жизни. Повышение заработной платы сделало доступным для рабочих многое, что было недосягаемо в тяжелые времена промышленной революции. Улучшение санитарных условий коренным образом изменило жизнь в городах (оно не коснулось лишь обитателей трущоб на окраинах). Призывы, которые побуждали рабочих к новой жизни в тридцатых и сороковых годах, не производили, казалось, впечатления в конце столетия на новое поколение. Еще в 1900 году было много тысяч безнадежно эксплуатируемых белых рабов, но такая эксплуатация не была типична для организованного или поддающегося организации пролетариата. В крупной промышленности рабочие перестали быть голодной, оборванной толпой, легко возбудимой каким-нибудь Ф. О'Коннором или Дж. Райнером Стефенсом, или одним из тех «мессий», которые появлялись в первые годы столетия. Теперь рабочие приобрели положение и во многих случаях стали обладателями небольших сбережений, вложенных в кооперативные общества. Массовые восстания и бунты, порождаемые отчаянием и распространяющиеся, как лесной пожар, стали теперь невозможными. Стачки приобрели характер планомерного движения, заранее подготовляемого и проводимого организованными членами во главе с ответственными руководителями. Ораторы Социал-демократической федерации напрасно провозглашали революции; эволюционный социализм Независимой рабочей партии был ближе рабочим. Но он пробуждал массы. Он завоевывал приверженцев постепенно одного за другим.

Социалистическая пропаганда перестала взывать к чувству и инстинктам и обратила свой призыв к разуму. О'Коннор был горяч, как огонь, Сидней Вебб оставался холодным, как лед.

Все это говорится не с целью похвалы или порицания, но исключительно для того, чтобы подвести итоги. И в первую часть девятнадцатого столетия среди лидеров рабочего класса были такие же умные, образованные и начитанные люди, как и во вторую половину. Но средний уровень культуры чрезвычайно изменился. В первое время было ничтожное меньшинство, которое читало Оуэна и Карлейля, и еще меньше тех, кто ценил Коббетта. Во вторую половину столетия учения Дарвина, Спенсера и Гексли оказали влияние на рабочий класс в такой мере, которая была невозможна до введения всеобщего обучения.

Иногда недостаток образования мешал рабочим пропагандистам в их деятельности. В начале столетия рабочие, предоставленные самим себе, принуждены были сами издавать свои газеты. Ни для кого это не представляло выгоды. Издание газеты «Копейки», предпринятое Броугамом и Найтом, было началом нового течения. «Институты механиков» в двадцатых годах и «Общество распространения полезных знаний» в тридцатых годах занялись распространением среди рабочих необходимых для них знаний. Но эти организации получали субсидии и носили пропагандистский, а не коммерческий характер.

Введение всеобщего обучения изменило положение. Стало выгодным также издавать литературу для бедных, как и для богатых. Следствием этого был целый поток дешевых рассказов, романов, журналов и газет. Коммерческие группы соперничали с пропагандистскими рабочими организациями в доставлении литературы для рабочих. Обладая достаточными средствами, коммерсанты конкурировали с социалистической прессой и ставили ей препятствия на пути к рабочему читателю. Такие газеты, как газета Рейнольдса, которая начала издаваться как чартистский орган, была переведена на коммерческий расчет. Пропагандистские газеты вели ожесточенную борьбу за свое существование и часто терпели неудачи. «Улей» не раз переживал агонию. После возникновения социалистического движения «Justice» («Справедливость») и «Labour Leader» («Рабочий Вождь») перестали окупать себя. Только «Clarion» благодаря исключительному таланту Роберта Блатчфорда, как популярного писателя, упрочил себя материально и имел успех как коммерческое предприятие.

По укладу своей жизни верхние слои рабочих стали походить на мелкую буржуазию. Лидеры профессионального

движения стали теперь уважаемыми членами общества. Даже «новое» профессиональное движение 1889 года, проявившее себя как бунтарское движение, направленное против почтенного «рабочего либерализма», скоро само приобрело степенность. Да это и не могло быть иначе. К концу столетия уже сам социализм стал степенным. Все это, конечно, произошло потому, что уровень жизни рабочего класса поднялся на такую высоту, которая позволяла рабочим быть степенными.

В этом томе история профессионального движения доведена до 1900 г. В ближайшей части нашего исследования мы увидим, как со сменой столетия длительный период под'ема рабочего класса встретил на своем пути тяжелые препятствия и реальная заработная плата начала падать. Новый империализм, зарождение которого мы уже изучили, рос вместе с развитием угольной и металлической промышленности. Он проявил себя в международной конкуренции, в погоне за вооружениями, в обостренной экономической борьбе. Этот процесс развития, однако, относится к другой эпохе.

Нет сомнения, что в эпоху королевы Виктории условия жизни рабочего класса значительно улучшились и что большая часть рабочих вышла из того состояния крайней нищеты и убожества, в какое его повергла промышленная революция. Отчаяние сменилось надеждой; на смену бунту пришла критика. Гайндмэн пытался оживить чартизм. Но социализм девяностых годов сильно отличался от чартистского движения тридцатых годов. Его призывы звучали по-иному.

ОГЛАВЛЕНИЕ.